SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

Международный научно-практический журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№07 (63), 2020

ISSN 2412-8953

9 772412 895307

Нижний Новгород

www.scipress.ru/philology

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2020. №07 (63). 153 с.

ISSN 2412-8953

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала http://scipress.ru/philology/

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

ISSN 2412-8953

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр «Открытое знание», 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Главный редактор Плесканюк Т.Н., 2020

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культорологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по учебно-методической работе, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, **г. Брянск, РФ**

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык 7

Твердохлеб О.Г. Телесные ориентиры в поэтическом языке Андрея Белого: семантико-синтаксический подход 7

Языки народов Российской Федерации 20

Молданова И.М. Словообразовательный суффикс *=ɛmə=* казымского диалекта хантыйского языка: моментальность / немоментальность 20

Рябова Г.В. Лингвогеографический анализ фитонимов эрзянских говоров Самарской области 27

Германские языки 34

Еремеева О.В. Семантическая типология лингвистического феномена «Игра слов» (на материале немецкого языка) 34

Костина И.А. Тематическая группа "Stock market" в английском языке 41

Неупокоева А.В., Снегур Е.О. Языковые особенности немецкоязычных компьютерных игр (на примере употребления немецкоязычных военных терминов) 48

Теория языка 53

Абрамичева Е.Н., Лашина Д.А. Научно-технический дискурс в сфере энологии как объект перевода 53

Архипова И.В. Потенциал функционирования девербативов в разноструктурных языках 62

Вагин Н.А. Роль лексических сетей в методике преподавания иностранного языка и в компьютерной лингвистике 71

Варданян П.Л. Лингвостилистические особенности презентации концептов "Life" / "Death" в романе Д. Грина "The Fault in Our Stars" 76

Керимова С.У. Стилистический аспект в эпиграммах В. Гафта 82

Маслов Г.Н. «Рациональность» и смежные категории сквозь призму лингвистической концепции парадигм Ю.С. Степанова 87

Рыженкова А.А. Английские загадки, построенные на омонимии 91

Ткачева Ю.С. Непрямое выражение несогласия в педагогическом дискурсе 97

Прикладная и математическая лингвистика 103

Голубина А.Б. Беседа в сфере интернет-коммуникации 103

Овчинникова Р.Ю. Проектирование в графическом дизайне в контексте семиотической парадигмы 109

Седунова Е.А. Когнитивная функция лексического прайминга 115

Литература народов стран зарубежья 119

Выходцева Ю.В. Посрамление мирской красоты» как один из эстетических принципов Иоанна Вишенского (в сравнении с эстетикой раннехристианских апологетов) 119

Новак К.В. Готические мотивы в мистических рассказах Амброза Бирса 125

Теория литературы. Текстология 130

Ракитянская Е.В. Специфика концептуализации образа России в американских СМИ 130

Суркова К.В. В поисках визуального образа фэнтези: иллюстрации Чарлза Весса к циклу о Земноморье Урсулы Ле Гуин 135

Журналистика 147

Фарахшина О.М. Особенности медиапотребления цифрового поколения 147

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811

Телесные ориентиры в поэтическом языке Андрея Белого: семантико-синтаксический подход

Твердохлеб Ольга Геннадьевна
Канд. филол. наук, доцент русского языка и методики преподавания русского языка
Оренбургский государственный педагогический университет, РФ, г. Оренбург
ogtwrd@gmail.com

Bodily landmarks in poetic language Andrey Bely: semantic and syntactic approach

Tverdokhleb Olga Gennadjevna
Cand Sci (Philology), assistant Professorof the Department
of Russian language and methodology of teaching Russian language
Orenburg State Teacher Training University, Russia, Orenburg

Аннотация. В статье исследованасоматическая лексика, используемая в поэтическом языке Андрея Белого в качестве пространственных ориентиров. Выявлена различная востребованность соматических номинацийв локативной синтаксической позиции, позволяющих охарактеризовать некоторые особенности идиостиля лидера символизма. На большом иллюстративном материале показано, что Андрей Белый с различной частотностью использует разные предложно-падежные формы имен существительных, называющих части тела и внутренние органы человека для поэтического обозначения телесных пространственных ориентиров.Использование методов анализа семантического синтаксиса позволило автору установить, что в поэтическом пространстве телесности для Андрея Белого наиболее важным ориентиром является «директив», репрезентированный именем существительным в форме винительного падежа с предлогом «в» и обозначающий направление действия, движения внутрь, в пределы названной части тела. А. Белый в разные годы своего творчества при изображении телесных ориентиров использует схожие поэтические образы («бросание, испускание»; «веяние»; «запахи, ароматы»; «напряженный взор»; «нанесение удара»; «звучание»).Сделаны выводы о том, что соматическая лексика как традиционное образное средство языка занимает существенное место в пространственной сфере поэтической Вселенной Андрея Белого.Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество Андрея Белого. Полученные результаты могут быть использованы и в практике составления словаря поэта.

Ключевые слова: идиостиль, Андрей Белый, соматизмы, семантический синтаксис, локативность.

Abstract. The article examines the somatic vocabulary used in the poetic language of Andrey Bely as spatial reference points. Various demands for somatic nominations in the locative syntactic position are revealed, which allow us to characterize some features of the leader's idiosyncrasy of symbolism. The large illustrative material shows that Andrey Bely uses different prepositional and case forms of nouns that name parts of the body, organs and internal entities of a person for poetic designation of bodily spatial landmarks with

different frequency. The use of semantic syntax methods allowed the author to establish that in the poetic space of corporeality for Andrey Bely, the most important reference point is the "Directive", represented by a noun in the form of the accusative case with the preposition "in" and denoting the direction of action, movement inside, within the limits of the named part of the body. A. Bely in different years of his work, when depicting bodily landmarks, uses similar poetic images ("throwing, emitting"; "blowing"; "smells, aromas"; "intense gaze"; "striking"; "sound"). Conclusions are made that somatic vocabulary as a traditional figurative means of language occupies an essential place in the spatial sphere of Andrey Bely's poetic Universe. The results obtained in this work may be interesting for literary scholars who study the work of Andrei Bely. The results obtained can also be used in the practice of compiling a poet's dictionary.

Keywords: idiostyle, Andrew White, somatisms, semantic syntax, locative.

I. Современная лингвистика, характеризующаяся антропоцентрической направленностью, стремится изучить, как в языке отразился человек во всем своем многообразии (см работы Ю.Д. Апресяна, Г.Е. Крейдлина, М.А. Кронгауза и др.). В данной статье мы продолжаем начатое в [11] исследование языка поэтических произведений Андрея Белого и, в частности, элементы телесной сферы человека, используемые в качестве пространственных ориентиров.

Соматизмы (от греч. sôma ‘тело’) как совокупность слов, обозначающих человека как живой организм [4; 6; 10; 12], входящие в число ключевых лексических единиц, рассматриваются с точки зрения формирования, функционирования и концептуализации в разных языках (А.М. Кочеваткин, А.П. Ракин, Е.В. Рахилина, А.Д. Шмелёв); в рамках семиотики (Д.Б. Гудков, М.А. Ковшова, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева, Е.В. Урысон, А.А. Уфимцева); в мифологии, фольклористике, лингвистике церковнославянских и древнерусских текстов (Г.Д. Гачев, Т.И. Вендина, В.В. Колесов, С.М. Толстая, А.Л. Топорков, Й Ужаревич) и во фразеологии (Т.А. Бердникова, О.А. Боргоякова, Р.М. Вайнтруб, Ф. Вакк, Д.Б. Дашиева, Чж. Сюеин и др.).

Многие лингвисты (А.С. Киндеркнехт, Н.В. Павлович и др.) указывают, что соматическая лексика в качестве одного из древнейших пластов лексики является традиционным образным средствам языка. Она занимает особое место в пространственной сфере, так как в процессе ориентации, как правило, предметы окружающего человека мира соотносятся с человеческим телом и «его ориентирование строится по аналогии с ориентированием человеческого тела» [9, с. 98].

Для нас важно, что поэтический языкАндрея Белого, представляя воплощенную в языке субъективную картину телесного пространства, «позволяет вскрыть мировоззренческие основы стиля» этого поэта [8, с.252].

II. Материалом для данного исследования стали соматические лексемы, полученные в поэтическом корпусе НКРЯ [7]; подкорпус: Андрей Белый, объем которого: 505 документов, 7 562 предложения, 54 389 слов (далее все примеры по этому источнику).

По запросу **S r:concr& (pt:partb&pc:hum)** было выдано: найдено 351 документ, 1 104 вхождения, что составило 2,03 % соматической лексики.

Анализ полученной соматической лексики показал, что Андрей Белый с разной частотностью использует разные предложно-падежные формы имен существительных, называющих части тела и внутренние органы человека для поэтического обозначения телесных пространственных ориентиров (около 200 употреблений), а именно:

- «в + вин. пад.» (52 контекста);
- «на + предл. пад.» (24);
- «над + твор. пад.» (22);
- «в / во+ предл. пад.» (21);
- «из + род. пад.» (14);
- «на + вин. пад.» (14);
- «к (ко)+ дат. пад.» (7);
- «с + род. пад.» (6);
- «под + твор. пад.» (6);
- «у + род. пад.» (5);
- «из-под + род. пад.» (1);
- «от + род. пад.» (1);
- «вкруг + род. пад.» (1);
- «по + дат. пад.» (1);
- «за + вин. пад.» (1);
- «под + вин. пад.» (2);
- «за + твор. пад.» (1).

Наиболее важными пространственными ориентирами, репрезентированными соматическими лексемами, в поэтическом мире Андрея Белого являются «директив», «локатив», «транзитив».

Опишем далее подробно выявленные нами грамматические конструкции.

1. Различная востребованность соматических номинаций в локативной синтаксической позиции в поэтических текстах Андрея Белого, обусловленная тем, что создаваемые поэтом лирические герои подчиняются законам существования и

функционирования живого биологического существа, показывает особенности идиостиля лидера символизма, которого волновала проблема соотношения [1] индивидуального и коллективного в «самосознающем “Я”» поэта [1] и для которого (а следовательно, и для его лирических героев) особенно важно мировосприятие Вселенной через изучение самого себя.

В поэтическом пространстве телесности для Андрея Белого наиболее важным ориентиром является «директив» – «направление действия, движения внутрь, в пределы» названной части тела [3, с. 159], репрезентируемый соматическими лексемами в предложно-падежной форме «в + вин. пад.» (52 контекста) (здесь и далее в перечнях соматические лексемы приводим в алфавитном порядке; цифры в скобках обозначают число выявленных случаев с этими лексемами, используемых для выражения пространственных отношений; жирным шрифтом показаны наиболее частотные лексемы): *в бок / боки* (2), *бороду* (1), *глаза* (2), ***грудь* (12)**, *душу / души* (3), *живот* (2), *зад* (1), *душу / души* (5), ***лицо* (9)**, *ланиты* (1), *лоб* (2), *лоно* (1), *очи* (5), *пуп* (1), *руки* (2), *ухо / уши* (6), напр.: *Ветер / … / Усмехается* ***в бороду*** */ … / Старый Бог!* (В эфире [Трепетень] (1929)); *И точно тихий всплеск / Источников / Живеет* ***в душу*** (Был голос [Молнии лет] (1900-1929)); *То змея червонным свистом / Развивается, из легких трав – /* ***В лицо***! («Вы – зори, зори! ясно огневые…» (1909)); *Взбрызни /* ***В очи*** *– / – Забвение!* (Маленький балаган на маленькой планете «Земля» (1922)). При этом отмечается явное тяготение автора к изображению в разные годы своей жизни схожих образов, в частности:

- образ «бросание, испускание», ср. примеры с одним и тем же глаголом (*бросить*): ***В лоб*** */ Мой / <u>Бросит</u> / Гробовой / Доской* (Бремя [Черч теней] (1903-1931)); *Он солнечный <u>бросил</u> / Мне* ***в очи*** *огонь.* («Серебряно плещет / Струя ручейка…» [Лесные встречи, 5] (1902-1931)); *Вдруг <u>бросил</u> из молний / Мне* ***в очи*** *огонь.* (День [Трепетень] (1931)). Ср. также: *Мухи черными роями / <u>Плещут</u> ей* ***в лицо***. (В деревне [Деревня] (1907)); *Ярые тучи* ***в лицо*** */ <u>Мечут</u> янтарную молнью.* (Обручальное кольцо [Просветы] (1907));

- образ «веяние», ср. примеры с родственными глаголами (*веять, ввеять, взвеять и провеять*): *Мою печаль / Восторгом ядовитым / Ты осласти и – <u>ввейся</u>* ***в грудь***. («Вы – зори, зори! ясно огневые…» (1909)); *…ночи <u>веют</u> мне* ***в лицо*** («Летучим фосфором валы…» [Карма, 4] (1917)); *Ветер листья с земли / <u>Взвеет</u> шелестом* ***в уши****…* (Прохождение [Город] (1906)); *И <u>провеяло</u> /* ***В ухо*** */ Вострубленной / Бурею Духа* (Христос воскрес (1918));

- образ «запахи, ароматы», напр.: *Мне **в лицо** ароматным угаром / Ветер бледнопуховый всколышешь*. (Укор [Город] (1908)); *Дохнет **в лицо** волною пряной / Мяты: – / – И / Ковылей;* (Туда [Исход] (1931));

- образ «напряженный взор», ср. примеры с одним и тем же глаголом (*уставиться*): *Навалится пространство, давит; / Алмазами своими **в душу** / Уставится:* (Поле (1908)); *Уставился столб полосатый / Мне цифрой упорной **в лицо***. (Шоссе (1904));

- образ «нанесение удара»: *И искр мгновенный сноп / … / Ударил блеском **в лоб***. (Телеграфист [Россия] (1906-1908)). Ср. также: *Меня терзал: / Хлестал **в ланиты**!* (Рок [Черч теней] (1901-1931)); *Нацелясь рогом / **В пуп***. (Сказание об Али-Бабе [Белые стихи] (1929)). В таких конструкциях важным для поэта телесным ориентиром при изображении поэтического образа «как объекта, локализующего контактно-направленное действие» [3, с. 178] становится «грудь», символизирующая мужество [2], напр.: *Пространство черное, ударь, – / Мне **в грудь** ударь мечом разящим*. (Я это знал [Зима] (1908));

- образ «звучание», напр.: *Так сиверко **в уши** поет*. (Бегство [Горемыки] (1906)); *Лая / **В уши*** («Я» (1922)).

2. Для выражения локативного значения местонахождение Андрей Белый очень активно использует соматизмы в предложно-падежной форме «на + предл. пад.» (24 контекста): *на голове* (1), *груди* (7), *коленях* (1), *лбу* (1), *лице* (3), *ножках* (1), *носу* (1), *челе* (1), ***щеках / щечках* (8)**.

1) Так, в конструкции: ***На груди**, **на** медных **коленях**, / На гребенчатом шлеме – пыль* (Близкой (1910-1911)) при поддержке (хотя и отсутствующего, но подразумеваемого) неполнозначного глагола *быть*, *находиться* локативная форма характеризует вещество (*пыль*), репрезентированное именем существительным в форме именительного падежа в позиции подлежащего.

2. Часто в пределы одной поэтической конструкции поэт включает сразу два соматизма (то есть соматическую пару), один из которых репрезентирован в позиции объекта / субъекта, а другой в локативной позиции. В зависимости от того, а) расположены ли описываемые поэтом две части человеческого тела относительно друг друга контактно (в норме) и б) степени их связности (неотъемлемости), выделяются несколько групп конструкций, обладающих разными особенностямиА) При помощи пары соматизмов, номинирующих части тела, не являющиеся неотъемлемой частью друг друга, при описании поэтического действия («расположения на определенном телесном пространстве») может

репрезентироваться локализация одной части тела (*руки*) на другой части (*грудь*), ср.: *«И – падаю / Я, / Руки / Складывая / **На груди!**»* (Мое бремя [Исход] (1906-1929)).

Б) Значения пространственного соположения двух поэтических телесных объектов появляются в контекстах, включающих в свой состав наименования части тела (*щеки*) и наименования видимой жидкой субстанции человеческого тела (*слезы*), не связанных друг с другом как «часть / целое», напр.: ***На щеках** старика / заблистали алмазные слезы.* (Сказка (первоначальный вариант) (1900)); *На **щеках** старика / заблистали алмазные слезы.* («Средь туманного дня…» [Великан, 3] (1902)); *На кресте пригвожден… Умираю. / **На щеках** застывает слеза. /… / Пригвожденный к кресту, умираю / **На щеках** застывает слеза.* («Там… в низинах… ждут с верой денницу…» [Возмездие, 3] (1901)); *В морщинах чела притаилась гроза. **На** бледных **щеках** застывает слеза. / … / Кентавр – хоть бы слово: в затишье гроза. / / **На** бледных **щеках** застывает слеза.* (Песнь кентавра [Образы] (1902)); *И слезы **на щеках** дрожат…* (Сергею Соловьеву [Посвящения] (1909)). Добавим, что сходные значения пространственного соположения двух поэтических образов появляются в случаях включения в состав одного высказывания наименования части тела и наименования предметов его одежды, внешнего оформления (*митра, пенснэ, мушка*), напр.: ***На голове** сапфиром васильков / Вся прозябающая митра.* (На буграх [Безумие] (1908)); *Пенснэ лишь золотое / Трясется **на носу**.* (Старинный дом [Город] (1908)); *Красавица с мушкой **на щечках*** (Объяснение в любви [Прежде и теперь] (1903)).

В) Употребление в составе одного поэтического высказывания двух соматизмов, репрезентирующих части тела как неотъемлемые друг от друга, когда одно является частью другого целого, позволяет автору обогатить высказывание дополнительным посессивным смыслом, ср. конструкции, в структуру которых вместе с соматизмом (называющим часть тела: *лицо*) в локативной позиции включены другие соматизмы, напр., обозначающий элемент скелетно-мышечной системы, обычно невидимый, но видимое проявление которого вполне возможно (остеонимическая лексема: *жилы*): *Наливались / **на лбу** его синие жилы.* (Отставной военный [Прежде и теперь] (1904)), или обозначающий некое образование на теле, потенциально возможное, но не обязательно появляющееся у человека в течение его жизни (*пятна*): *На желтом **лице** моем выпали / Пятна.* (Вынос [Безумие] (1906));

3) Употребляет А. Белый и конструкции, где телесный ориентир дается для признака, обозначенного не прямо, а опосредованно (в корневой части абстрактного отъадъективного существительного), ср. контексты с производными

существительными (*веселость, красы, румянец*), обозначающими качественный признак соматизма: ***На лице*** *его* веселость. (Предчувствие [Деревня] (1908)); *Чей* румянец *ярче вспыхнет /* ***На*** *обветренном* ***лице****?* (Тройка [Просветы] (1904)).

3. В качестве пространственного ориентира Андрей Белый достаточно часто использует соматизмы в предложно-падежной форме «над + твор. пад.» (22 контекста): *над* ***головой / головою / головами*** **(20)**, *лицом* (1), *ухом* (1).

1) В нашей картотеке представлены поэтические тексты с локативным распространителем, сообщающие об осуществлении в названном телесном пространстве звучащих и зримых проявлений бытия (*звенеть, душить, играть, дрожать* и др.), ср.: *…весна /* ***над ухом*** *звенит однозвучно.* («Поэт, – ты не понят людьми…» [Бальмонту, 3] (1903)); *Тот облак, что* ***над головой*** */ Взлетающим зигзагом душит* (После венца [Паутина] (1905-1908)); *Ночь играла* ***над*** *их* ***головами*** *– / Переливчивым / Блеском / Звезд…* (Перед старой картиной (1911)); ***Над головой*** *дрожит венок из елки.* (На площади [Город] (1906)); *В тот час, когда* ***над головой*** */ Твой враг прострет покров гробницы* (Угроза] (1905)); *…****над головой*** */ Свои заламывая руки.* («Год минул встрече роковой…» [Ссора, 1] (1907)); *И молча ярость занималась /* ***Над*** *бледно бешеным* ***лицом***. (Преследование [Город] (1906)).

2) При отвлеченных именах, обозначающих абстрактный признак (*высота*), действие, происходящее в названном телесном пространстве (*полет*) либо результат действия (*обрывки*), употребляются соматизмы для обозначения телесного «места, пространства, среды, характеризуемой состоянием, либо происходящим в ее пределах действием» [3, с. 262], ср.: ***Над головой*** *–* полет *столетий быстрый. / … /* ***Над головой*** *– пустынные* высоты*, / … /* ***Над головой*** *– полет столетий быстрый /… /* ***Над головой*** *– огромные* высоты*. / И там внизу – окаменели скаты.* (Возврат [Трепетень] (1902-1931)); *Вдали –* ***над головой*** *– вдали /* Обрывки *безответных арий* (Дома] (1904)).

3) Пространственный телесный ориентир, употребленный поэтом при глаголах движения, дополнительно обогащен транзитивным значением, ср.: *И тучей искр* взлетел ***над головою*** (На площади [Город] (1906)); ***Над головами*** */* Проплываю */ За венками* (Вынос [Безумие] (1906)); *Раскатам бури снеговой / Ответствует громами эхо… / И* катится ***над головой*** *– / Тяжеловесная лавина* (Встреча [В. Брюсову, 4] (1909)).

4. Для выражения пространственного ориентира Андрей Белый также достаточно часто использует соматизмы в предложно-падежной форме «в / во+

предл. пад.» (21 контекст): *в/ во взгляде* (1), *взорах* (1), *глазах / глазках* (3), ***груди* (4)**, *жилах* (1), *зубах* (1), *лике* (1), *морщинах* (1), *очах* (2), *руке / руках* (3), *слезах* (1), *ухе* (1), *язве* (1),

1) Такие конструкции поэт обычно использует для сообщения о физическом состоянии своего лирического героя, названном отвлеченным именем существительным в форме именительного падежа, выполняющим функцию подлежащего, напр.: *И* ***в глазках*** *крошечных проглянет / Математическая сушь.* (Первое свидание (1921)); ***В*** *Твоих* ***глазах*** *блистают: воды, суши* (Антропософии (1918)); ***В морщинах*** *чела притаилась гроза.* (Песнь кентавра [Образы] (1902)); ***В ухе****, / Глохнувшем / От скуки, – / Раздавались / … / Дики / Крики / Рога* («Я» (1922)); ***В очах*** *сверкнул огонь смертельной муки.* («Старинный друг, к тебе я возвращался…» [Старинный друг, 1] (1903)). Ср. также телесный локатив в определенно-личном предложении: *Разгулом тех же пламенных закатов / Гори* ***в груди****!* (А.М. Поццо (1916)).

Особо отметим здесь контексты, с отсутствующим на поверхностном уровне сказуемым (неполнозначным глаголом *быть, находиться*): ***В*** *озонных* ***жилах*** *– пламя роз! /* (Первое свидание (1921)); *Какая скорбь* ***в*** *тысячелетнем* ***лике****! / Какая злость в тысячелетнем* ***взгляде****!* (Возврат [Трепетень] (1902-1931)); *Любви неизреченной знанье /* ***Во*** *влажных, ласковых* ***глазах****; / Весны безвременной сиянье /* ***В*** *алмазно-зреющих* ***слезах****.* (Асе (1916)); ***В*** *острых* ***взорах*** *– власть и страсть…* («Грустен взор. Сюртук застегнут…» [Брюсов, 2] (1904-1929)). Такие контексты как более динамичные, емкие, выразительные привлекают к себе особое читательское внимание. Есть примеры отрицательной конструкции, где на поверхностном уровне обнаруживаем слово «нет», ср.: *…****в груди*** *– нет вздохов* (В темнице (1904)).

Ср. также контексты с переносным употреблением: ***В носу*** *– весенние мимозы!* (Первое свидание (1921)); ***В очах*** *– нет слез…* (В темнице(1904)).

Б) В конструкциях с конкретной именной лексемой сообщается о местонахождении предмета, ею номинированного, в пределах телесного пространства, ср.: *С цигаркой* ***в зубах*** (Бегство [Горемыки] (1906)); *Перчатка белая* ***в руке*** (Первое свидание (1921)); *Он взлетал –* ***в*** *моих* ***руках****…* («Я схватывал молча – молот…» [В горах, 2] (1922)); *И – запекается / Кровь, – / Точно смоль, – / В моей* ***язве*** */ Сквозной.* (Жертва [Молнии лет] (1931)); *С бокалом пенистым рейнвейна /* ***В*** *протянутой, сухой* ***руке****…* (В летнем саду [Город] (1906)).

5. В качестве пространственного ориентира Андрей Белый реже использует соматизмы в предложно-падежной форме «из + род. пад.» (14 контекстов): *из глаз* (6), *груди* (1), *лона* (1), *ресниц* (1), ***рук* (4)**, *ноздрей* (1), в частности:

1) для выражения «директива» [3, с. 51] – исходной телесной точки движения или перемещения конкретного предмета (*колпак*), напр.: *Тихо падает на пол* ***из рук*** */ сумасшедший* *колпак*. («Я сижу под окном…» [Вечный зов, 3] (1903)). Таким конкретным именем может стать и соматизм, номинирующий часть тела, но обязательно не принадлежащего человеку, чья часть тела номинирована в локативной позиции, ср.: *Мои пальцы* ***из рук*** *твоих выпали* (Осень (1906)); *…оскалясь* ***из руки****, – Там голова распластанного гранда / Поднимется над берегом реки*. (Пародия [Трепетень] (1931)).

2) для обозначения отправной телесной точки распространения звука, света, запаха и зрительного восприятия, напр.: *Колокольчика звук /* ***Из*** *скрестившихся* ***рук***. (Соблазн [Трепетень] (1931)); *Арфа / Струилась / Ручьем / Серебристым /* ***Из рук!*** (Тимпан [Трепетень] (1931)). Абсолютное большинство поэтических контекстов с такой отправной телесной точкой включают слова с переносным значением, ср.: *Топазы сыплются* ***из глаз*** (Первое свидание (1921)); ***Из глаз*** *Твоих я просияю в души / … / Живой алмаз / Блестит* ***из глаз*** (Антропософии (1918)); *Ждет его друг далекий / С глубиной / Голубою / Глаз, /* ***Из которой*** *бежит на щеки / Сквозной / Слезой / Алмаз*. («Глянул / Замок / С отвеса…» [Близкой, 2] (1911)); *Топазы сыплются* ***из глаз*** (Пророк (1922); *Пускает* ***из ноздрей*** *туман* (Лес [Трепетень] (1931)). Ср. также следующие примеры: *…глаза, – как кастаньеты, / Бросаются* ***из*** *шелковых* ***ресниц*** (Пародия [Трепетень] (1931)).

Отметим окказиональное синтаксическое употребление описываемой предложной синтаксемы с лексемой *глаз* в таких поэтических строках: *Всегда таимая средь нас: / Взирала* ***из*** *любимых* ***глаз***. (Первое свидание (1921)), хотя для конструкций с глаголами зрения характерно употребление синтаксемы: «творительный без предлога» [3, с. 233] с медиативной семантикой, ср.: *смотреть глазами*. Есть и случай с переносным употреблением: *Как пьет душа* ***из глаз*** (Алмазный напиток [Тристии] (1908)).

3) При вводе в конструкцию лексемы со значением времени (*лет*) автор наполняет поэтический образ еще и темпоративной семантикой, напр.: *Недышащие души, – /* ***Из лона*** */* *Лет – // Забормотали / Бред*. (Из лона лет [Черч теней] (1926)).

6. Для обозначения конечной телесной точки или ориентира направленного движения, действия (по: [3, с. 159] – «директив») Андрей Белый использует

локативную синтаксему «на + вин.» (14 контекстов): *на* ***грудь* (6)**, *затылок* (1), *лоб / лбы* (3), *ногу* (1), *палец* (1), *плечи* (2), *щеки* (3), в частности, в стихотворных конструкциях:

• с глаголами субъектного перемещения на телесный объект, напр., с глаголами *бежит* и *кидается* (по 2 контекста): *Из которой* <u>*бежит*</u> ***на щеки*** */ Сквозной / Слезой / Алмаз.* («Глянул / Замок / С отвеса…» [Близкой, 2] (1911)); *…С глубиной / Голубою / Глаз, / Из которой* <u>*бежит*</u> ***на щеки*** */ Сквозной / Слезой / Алмаз.* («Глянул / Замок / С отвеса…» [Близкой, 2] (1911)), *Песчанистой пыли потоки, / … /* <u>*Кидались*</u> ***на*** *бритые* ***щеки****, /* ***На*** *мертвые, бледные* ***лбы****.* (Бегство [Горемыки] (1906)). Пример с другим глаголом: *Картуз* ***на затылок*** <u>*надвинул*</u> («Плыла из оврага…» [Осинка, 4] (1906));

• с глаголами изменения положения части тела относительно телесного пространства: *…головку* <u>*склонивши*</u> ***на грудь*** (Прогулка [Просветы] (1904)); *И плещет / Пруд… /* <u>*Склонясь*</u>*, береза льет / Волну / Своих кудрей / К нему* ***на грудь****.* (Как и всегда [Тристии] (1907)). Ср. также включение фразеологизма в поэтические строки: *Переложив* ***на ногу ногу*** (Первое свидание (1921));

• с глаголами лексико-семантической группы одевания, ср.: <u>*Наденет*</u> *она* ***на палец*** */ Золотое мое* ***кольцо****.* («Я в струе воздушного тока…» [Безумие] (1907)); *Со щелком* <u>*нахлобучив*</u> */ Небо, / Свой черный / Котелок /* ***На лоб****,* (Берлин [Черч теней] (1931));

• с глаголами помещения объекта на конкретное место тела: *…****на лоб*** <u>*положили*</u> *компресс.* (Утро [Безумие] (1907)); *Ты, как Атлант,* <u>*взвалил*</u> ***на плечи*** */ Свои пустые небеса.* («Свет, – как жегло, и воздух – пылен…» [Брюсов, 3]).

7. Для изображения «директива» [3, с. 128-129] – направления и пространственного предела к соматическому объекту Андрей Белый использует в предложно-падежной форме «к (ко)+ дат. пад.» (7 контекстов): *к* ***груди* (4)**, *губам* (1), *лбу* (1), *устам* (1), напр.: *Ты ль… / Губы к* ***уху*** *перевлек,* («Разрывая занавески…» [Брюсов, 4] (1931)).

Интересно, что в абсолютном большинстве случаев поэтом использована одна и та же глагольная лексема лексико-семантической группы давления *прижать* (в разных формах – личной, деепричастной), ср.: <u>*Прижался*</u> */* ***Ко лбу*** *костяному / Венчик.* (Вынос [Безумие] (1906)); *Сановник платочек душистый / Кусает,* <u>*прижавши*</u> ***к устам****.* (Опала (1903)); ***К губам*** <u>*прижимая*</u> *бутыль.* («Плыла из оврага…» [Осинка, 4] (1906)).

Отметим также наличие в описанной группе повторов одной той же соматической лексемы *грудь* или *губы* в разных формах, но на одной строке, ср.: ***Грудь к груди*** *прижав* (Предчувствие [Деревня] (1908)); ***К губам губами*** *присосавшись*. (После венца [Паутина] (1905-1908)).

8. В поэтическом пространстве телесности для Андрея Белого в качестве телесного «директива» [3, с. 90] – исходной телесной точки движения, направленного действия, репрезентируются соматические лексемы в предложно-падежной форме «с + род. пад.» (6 контекстов): *с губок* (1)*,* ***плечей / плеч / плеча*** **(3)***, колен* (1)*, чела* (1), напр.: ***С*** *алых* ***губок*** *луч, / Просияв, взыграл…* (День-малютка [Трепетень] (1900-1921)); ***С колен*** *ладони свесив Али-Баба*. (Сказание об Али-Бабе [Белые стихи] (1929)); ***С чела, с*** *кровавого* ***плеча*** */ Кровавая струя струится* (Успокоение (1904)).

В этой группе примеров наблюдаем использование поэтом с одной и той же синтаксемой паронимичных глаголов (*полоскать* и *плескать*), ср.: *Его тюрбан, как митра снеговая, / волной кисей полощется* ***с плечей*** (Пародия [Трепетень] (1931)); *Плащ его плещется /* ***С плеч*** (Грозовое облако [Трепетень] (1925)).

9. Для выражения локативного ориентира Андрей Белый использует соматизмы в предложно-падежной форме «под + твор. пад.» (6 контекстов): *под бородою* (1), ***ногою / ногами*** **(4)**, *носом* (1). Так, образно характеризуется «пространство под ногами» (чаще) напр.: *В провал слетели камни* ***под ногою***. («Я вознесен, судьбе своей покорный…» [Возврат, 1] (1903)); *Откос* ***под ногами*** *песчаный, отлогий. / Просторы седые открылись с откоса.* (Тень [Просветы] (1906)); *Вода /* ***Под ногами****, под нами – / Там… / / Что-то, под гору замирающее / В хрусте… / / Там – / Под нами,* ***под ногами*** *– / Вниз убегающие / Года* (Опять гитара (1922)), и «пространство под бородой» (единично): *И те же старые турусы /* ***Под бородою*** *Йеговы…* (Рождество [Черч теней] (1930)). Использует поэт и имеющийся в языке фразеологизм, напр.: *А* ***под носом*** *– смерть*. (Виселица [Деревня] (1908))**.**

10. Для «обозначения места через пограничную близость» [3, с. 104] с телесным объектом Андрей Белый использует соматизмы в предложно-падежной форме «у + род. пад.» (5 контекстов): *у грудей* (1), ***ног*** **(4)**, напр.: *Засыпающий там* ***у грудей***. (Из окна вагона [Россия] (1908)); *А я в слезах простерт* ***у*** *мшистых* ***ног*** (Последний язычник [Безумие] (1908)); *Сидит* ***у ног*** *мой гном:* (Возврат [Трепетень] (1902-1931)); *– Лиловая фиалка, – / – Вейся / Шорохом – /* ***У / Ног!*** («Я» (1922)); *Злой / Туман ползет:* ***у ног****…* («Я» (1922)).

11. Единичны контексты, в которых Андрей Белый использует в качестве пространственных ориентиров телесные наименования в следующих предложно-падежных формах:

а) «под + вин. пад.» (2 контекста), ср.: ***Под нос*** *тычут крест*. (Виселица [Деревня] (1908)); *И* ***под ноги*** *стели им плащ зеленый!* (Возврат [Трепетень] (1902-1931)) для обозначения «направленного движения по отношению» [3, с. 214] к телесному объекту;

б) «из-под + род. пад.» (1 контекст): *И* ***из-под рук*** */ Взлетающий покров* (Жертва [Трепетень] (1927)) для обозначения директива – «направления движения, ориентированного действием» [3, с. 69];

в) «от + род. пад.» (1 контекст), ср.: *Струя исчисленного смысла, / … / От яснорогого* ***чела*** *– / Взметает пепельные кучи / Неистлевающих волос /* (Пророк (1922)) для обозначения директива – «отправной» телесной «точки направленного действия» [3, с. 73];

г) «вкруг + род. пад.» (1 контекст): *Закачались / Перья /* ***Вкруг*** *его стальной* ***головы***. (Перед старой картиной (1911)) для направления кругового действия, ориентированного телесным объектом;

д) «по + дат. пад.» (1 контекст), ср.: ***По щекам*** *старика / Покатились алмазные слезы* (Сказка (1902)) для обозначения транзитива – «обозначение пути движения» [3, с. 139];

е) «за + вин. пад.» (1 контекст): *Там по ночам нагие бабы, / Схватясь руками* ***за бока****, / Трясясь, как животами жабы, – / о свистом чешут трепака;* (Андрон [Черч теней] (1931)) для обозначения директива – телесного «ориентира движения» [3, с. 179];

ж) «за + твор. пад.» (1 контекст), ср.: *За* ***ухом*** *цветик зыбится лениво…* (Пародия [Трепетень] (1931)) для обозначения локатива.

Таким образом, результаты проведенного нами анализа языкового материала позволяют сделать следующие выводы.

1) Соматическая лексика как традиционное образное средство языка занимает существенное место в пространственной сфере поэтической Вселенной Андрея Белого.

2) Различная востребованность соматических номинаций в локативной синтаксической позиции в поэтических текстах Андрея Белого позволяет выявить некоторые особенности идиостиля лидера символизма, которого волновала проблема

соотношение индивидуального и коллективного в «самосознающем “Я”» поэта и для которого особенно важно мировосприятие Вселенной через изучение самого себя.

3) Андрей Белый с разной частотностью использует разнобразные предложно-падежные формы имен существительных, называющих части тела, органы и внутренние органы человека для поэтического обозначения телесных пространственных ориентиров.

4) В поэтическом пространстве телесности для Андрея Белого наиболее важным ориентиром является «директив», репрезентированный именем существительным в форме винительного падежа с предлогом «*в*» и обозначающий направление действия, движения внутрь, в пределы названной части тела.

5) А. Белый в разные годы своего творчества при изображении телесных ориентиров использует схожие поэтические образы («бросание, испускание»; «веяние»; «запахи, ароматы»; «напряженный взор»; «нанесение удара»; «звучание»).

Список литературы

1. Афанасьев А.С. Художественная концепция личности в творчестве Андрея Белого: автореферат дис. ... канд. филол. н. – Казань, 2012. – 21 с.
2. Го Синь-и. Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие: автореферат дис. … канд. филол. н. – М., 2004. – 23 с.
3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 440 с.
4. Кочеваткин А.М. Соматическая лексика эрзянского языка: учебное пособие. – Саранск: Красный октябрь, 2001. – 200 с.
5. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебн. слов.-справ. / Под общей ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. – 1988. – 153 с.
6. Мазалова Н.Е. Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. – 192 с.
7. Национальный корпус русского языка. URL: http://search.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 14.07.2018).
8. Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. – СПб.: Изд-во Спб. ун-та, 1997. – 262 с.
9. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
10. Старых О.В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка // Вестник ПСТГУ III: Филология. – Вып. 2 (24). – 2011. – С. 80 – 85.
11. Твердохлеб О.Г. Соматизмы в повторяющихся рифмах Андрея Белого // Вестник славянских культур. – 2019. – Т. 53. – С. 193 – 205.
12. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. – 2005. – № 3. – С. 3 – 16.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 811.511.142

Словообразовательный суффикс *=ɛmə=* казымского диалекта хантыйского языка: моментальность / немоментальность

Молданова Ирина Максимовна
научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, РФ, г. Ханты-Мансийск
uil.gera@yandex.ru

The word-formation suffix *=ɛmə=* of the Kazym dialect of the Khanty language: instant / non-instant

Moldanova Irina Maksimovna
Research, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
Russian Federation, Khanty-Mansiysk

Аннотация. Статья посвящена словообразовательному суффиксу *=ɛmə=* казымского диалекта хантыйского языка. Данный суффикс является одним из продуктивных глагольных суффиксов. Исследователи хантыйского языка отмечают два полярных значения в семантике суффикса: моментальность и немоментальность. Специфика значения немоментальности в предшествующих работах, насколько нам известно, не рассматривалась. Опираясь на теоретические исследования по «глагольной множественности» нами было проведено исследование семантической зоны суффикса *=ɛmə=*. Анализ выявил значения моментатива, мультипликатива, дуратива (длительности действия). Таким образом, мы считаем, что значение «немоментальности», которое отмечено исследователями, является дуративом (длительность действия), которое находится на периферии семантической зоны маркера *=ɛmə=*.

Ключевые слова: суффикс, глагол, моментальность, казымский диалект, хантыйский язык.

Abstract. The article is devoted to the word-formation suffix *=ɛmə=* of the Kazym dialect of the Khanty language. This suffix is one of the productive verb suffixes. Researchers of the Khanty language note two polar meanings in the semantics of the suffix: instantaneity and non-instantaneity. As far as we know, the specificity of the meaning of non-sentimentality has not been analyzed in previous works. Based on theoretical research on «verbal plurality», we analyzed the semantic zone of the suffix *=ɛmə=*. Analysis revealed the values of momentarily, multiplicative, durative (duration of action). Thus, we think that the meaning of «non-sentimentality», which was noted by researchers, is a durative (duration of action), which is located on the periphery of the semantic zone of the marker *=ɛmə=*.

Keywords: suffix, verb, instantaneity, Kazym dialect, Khanty language.

1. Введение

Суффикс *=ɛmə=* является одним из продуктивных суффиксов в казымском диалекте хантыйского языка. Элемент суффикса *=m=* по своему происхождению восходит к финно-угорскому **- m*, «глаголы, образованные при помощи **- m*, выражают обычно переход из одного состояния в другое» [1, с. 368]. Исследователи хантыйского языка отмечают, что суффикс *=ɛmə=* образует глаголы со значением мгновенного (моментального) действия [2, с. 330; 3, с. 123; 4, с. 50-58]. Однако в работах G. Ganschow [11, с. 65], А. Д. Каксин [5, с. 48] для данного суффикса зафиксировано также значение немоментальности действия. Таким образом, данный маркер включает два полярных значения. Но детального внимания данному вопросу в цитируемых работах не уделяется. Мы считаем, что значение, отмеченное как немоментальность, является разновидностью мультипликатива – дуративом. Авторы монографии «Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность» [6, с. 163] отмечают, «существенно пересечение длительности как аспектуальной категории с количественностью, поскольку в семантической структуре длительности может присутствовать элемент «количества действия». Итак, научная новизна исследования состоит в том, что в предлагаемой работе впервые проанализирована группа глаголов со значением «немоментальности» действия и в семантике данных глаголов выявлена длительность действия (дуратив).

2. Материалы и методы

Категория «глагольной множественности» обсуждается в теоретических работах [6; 7; 8; 9; 10; 12] и др. Глаголы, которые обозначают краткие, моментальные действия называют моментативы [7, с. 28], пунктивные предикаты [10, с. 90]. Согласно Б. Комри, пунктивность предполагает, что ситуация не имеет длительности и осуществляется мгновенно (цит. по С. Г. Татевосов [10, с. 90]). Другой разновидностью мультипликатива является дуратив, когда период осуществления серии (микро)действий может быть больше предусмотренного условной нормой, т.е. неограниченно длительным, и, соответственно, не ограничено и количество отдельных семельфактивных действий, образующих серию [7, с. 33]. В нашей картотеке представлено 336 глаголов, извлеченных методом сплошной выборки из хантыйско-русского словаря В. Н. Соловар [13], в том числе из этимологического и диалектологического словаря В. Штейница [16], фольклорных текстов [14; 15], а также путем опроса информантов (ПМА). При анализе материала использованы: метод наблюдения, элементы методики структурно-семантического анализа, лингвистического описания.

3. Мультипликатив

3.1. Значение моментатива

Моментативы образуются с помощью глаголов физического действия: *tŭw=ɛmə=tĭ* ‘пронести’ (1), *kŭnš=ɛmə=tĭ* ‘схватить’ (2), *nŏχ χŏrɛmətĭ* ‘открыть (сдернуть)’ (3); глаголов движения: *lakn=ɛmə=tĭ* ‘провалиться’ (4).

(1)

Jăm-a	*want-s-əλe,*	*in*	*tŏm*	*śi*
хороший-ADV	видеть-PST-OBJ.3SG	этот	тот	этот
jăpal-en	*śi*	*jɔš-əλ*	*ŏλ-tĭ*	
существо-POSS.2SG	этот	рука-POSS.3SG	лежать-IPFV.PTCP/INF	
tŭw-ɛmə-s-λe	*pŭŋəλ-ən*			
пронести-PUNCT-PST-OBJ.3SG	край-LOC			
ik-eλ	*pɛλ-a*			
мужчина-POSS.3SG	к-DAT			

‘Отчетливо увидел, как существо протянуло руку к спящему с краю мужчине’ (15, с. 14).

(2)

Mŏχtĭ	*maw-a*	*kŭnš-ɛmə-s*
сразу	конфета-DAT	схватить-PUNCT-PST

‘Сразу за конфету схватился’ (13, с. 129).

(3)

…χɔt-əλ-a	*jŏχət-əλ,*	*χăšap-əλ*	*nŏχ*
дом-POSS.3SG-DAT	прийти-NPST	полог-POSS.3SG	вверх
χŏr-ɛmə-s-λe,	*jŭχ*	*jăpəl-eλ*	*ănt̯m*
дёрнуть-PUNCT-PST-OBJ.3SG	дерево	чучело-POSS.3SG	нет

‘…домой приходит, край полога открывает – деревянного чучела нет’ (14, с. 39).

(4)

Amp	*χir-əm*	*wŭs-a*	*lakn-ɛmə-s*
собака	рыть-PFV.PTCP	дыра-DAT	провалиться-PUNCT-PST

‘Провалился в яму, вырытую собакой’ (13, с. 137).

3.2. Значение мультипликатива

Многоактными (мультипликативными) называют предикаты типа *кашлять*, *храпеть*, *прыгать*, *шаркать*, *стучать*, *булькать*, *бурчать*, *мяукать* и т.п. Они обозначают процессы волнообразного или колебательного характера, которые состоят из неопределенного множества однородных актов, повторяющихся с относительно высокой периодичностью, так что наблюдатель одновременно воспринимает как единство всей серии, так и ее подразделимость на более или менее идентичные отдельные компоненты (микродействия, кванты, pulses) [9, с. 439]. В хантыйском языке также представлены «звуко-свето-изобразительные или образные» глаголы, которые передают значение мультипликативности: *jǫŋrɛmətĭ* ‘храпеть’ (5), *jăplɛmətĭ* ‘мелькать’ (6), *wɛχšɛmətĭ* ‘скрипеть’ (7).

(5)

Śi	*ik-en*	*jǫŋr-ɛmə-tĭ*	*wɛr*	*tăj-əλ*
это	мужчина-POSS.2SG	храпеть-MULT-IPFV.PTCP/INF	дело	иметь-NPST

‘Этот мужчина храпит (букв.: храпеть дело имеет)’ (13, с. 96).

(6)

I	*mŏj*	*śăta*	*jăpl-ɛmə-λ*
и	что	там	мелькать-PUNCT-NPST

‘Что там мелькает’ (13, с. 82).

(7)

ǫχəλ	*wɛχš-ɛtə-λ*
нарта	скрипит-MULT-NPST

‘Нарта* скрипит’ (13, с. 69).

3.3. Значение дуратива

В нашей картотеке представлена небольшая группа глаголов с суффиксом *=ɛtə=* в семантике которых присутствует значение длительности совершаемого действия. Данная подгруппа относится к глаголам физического действия и выражает длительное (дуративное) значение: *kǫlɛtətĭ* ‘заниматься чем-либо (не спеша) (8)’, *tɑλɛtətĭ* ‘делать что-либо медленно’ (9), *t’ăpɛtətĭ* ‘делать что-либо еле-еле’ (10), *tăkrɛtətĭ* ‘нагнуться, делать что-либо долго в согнутом положении’ (11), *păŋńɛtətĭ* ‘возиться, делать что-либо’ (12), *pŏlχɛtətĭ* ‘чем-либо заниматься, с чем-либо возиться’ (13). Перечисленные глаголы описывают действия людей, которые чем-либо занимаются не спеша, не торопясь или очень медленно, долго, еле-еле.

(8)

Xɔt	*wɛr-λ-ɑm-ən*	*kǫl-ɛtə-λ-əm*
дом	дело-PL-POSS.1SG-LOC	заниматься-DUR-NPST-1SG

‘Занимаюсь домашними делами’ (13, с. 109).

(9)

tŏj	*tɑλ-ɛtə-λ-ən?*
что	делать-медленно-DUR-NPST-2SG

‘Что так медленно делаешь (что-либо)?’ (13, с. 175).

(10)

Kăt	*tŭw*	*kŭt-ən*	*śi*	*t’ăp-ɛtə-λ*
два	земля	между-LOC	это	делать-медленно-DUR-NPST

‘Еле шевелится (букв.: между двух земель делает еле-еле)’ (13, с. 318).

(11)

mǫrəχ	*wɔńś-man*	*śi*	*măkr-ɛmə-λ*
морошка	собирать-CVB	всё	делать в согнутом положении-DUR-NPST

‘Морошку собирает в согнутом положении’ (ПМА).

(12)

Matɔr	*kart-šŭk-λ-aλ*	*pi̯λa*	*śi*	*păŋń-ɛmə-λ*
мотор	железо-кусок-PL-POSS.3SG/3PL	с	всё	возиться-DUR-NPST

‘С запчастями мотора возится’ (ПМА).

(13)

Mŏj	*pŏlχ-ɛmə-λ-əm*,	*rɔma*	*ɔməs-λ-əm*
что	возиться-DUR-NPST-1SG	спокойно	сидеть- NPST-1SG

‘Что я вожусь, посижу спокойно’ (13, с. 255).

4. Заключение

В результате анализа материала мы выявили в семантической зоне суффикса *=ɛmə=* значение моментатива, мультипликатива, дуратива. В нашей картотеке наибольшее количество глаголов представлено с семантикой моментальности, мультипликативности. Значение дуратива (длительности) находится на периферии семантической зоны суффикса *=ɛmə=*. Также анализ показал, что глаголы с «немоментальным» действием выражают значение длительности действия (не спеша, медленно, еле-еле), совершаемого субъектом.

Список условных сокращений

1, 2, 3 – лицо; ADV – показатель наречия; DAT – датив; DUR – дуратив; PUNCT – пунктив; POSS – посессивность; PST – прошедшее время; NPST – непрошедшее время; PFV.PTCP – перфективное причастие; PL – множественное число; IPFV.PTCP/INF – имперфективное причастие / инфинитив; OBJ – объектное спряжение; LOC – локатив; SG – единственное число; MULT – мультипликатив; CVB – конверб.

Полевые материалы автора

ПМА – полевые материалы автора, п. Казым, Белоярский район, июнь 2019 (информанты: Каксина Е.Д., 1968 г.р.).

Примечания

* Небольшие широкие сани для езды на оленях.

Список литературы

1. Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). Москва: Изд-во «Наука», 1976. – С. 368.
2. Гуя Я. Морфология хантыйского языка / Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). Москва: Изд-во «Наука», 1976. – С. 330.
3. Соловар В.Н., Нахрачева Г.Л., Шиянова А.А. Диалекты хантыйского языка. – Ханты-Мансийск: Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. – 348 с.
4. Молданова И.М. Способы внутрикатегориального словообразования в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Вестник угроведения. № 3 (26), 2016. – С. 50-58.
5. Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. – 134 с.
6. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. – 263 с.
7. Типология итеративных конструкций. – Ленинград: Наука, 1989. – 310 с.
8. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.
9. Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 368 с.
10. Татевосов С.Г. Глагольные классы и типология акциональности. – М.: Языки славянской культуры, 2016. – 568 с.
11. Ganschow G. Die Verbalbildung im Ostjakischen. Wiesbaden, 1965. – 151 p.
12. Mattiola S. Typology of Pluractional Constructions in the Languages of the World. Amsterdam; Philadelphia: University of Bologna. John Benjamins Publishing Company, 2019. – 237 p.

Список источников

13. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014. – 386 с.
14. Сказки, песни хантов полноватского Приобья / Составители: Пятникова Т. Р., Слепенкова Р. К. – Ханты-Мансийск: Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. – 344 с.
15. Невероятные истории из жизни казымских ханты / Сост. Е. Д. Каксина. Выпуск 1. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2018. – 60 с.
16. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. B. 1 – 13. Akademie Verlag. Berlin. 1966 – 1991 гг. 1654 p.

УДК 811.511.152.1

Лингвогеографический анализ фитонимов эрзянских говоров Самарской области

Рябова Галина Викторовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П.Огарёва», РФ, г. Саранск
ryabova.gv@bk.ru

Linguogeographic analysis of phytonyms of the Erzya dialects of the Samara region

Ryabova Galina Viktorovna
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Mordovian Languages FSBEI HE "N.P. Ogarev Mordovia State University"
The Russian Federation, Saransk

Аннотация. Статья представляет собой синхронно-описательный анализ эрзянских фитонимов, выявленных в результате лингвогеографического исследования Самарской области. Диалектные формы флористической лексики представляют собой полевой материал, собранный в местах компактного проживания эрзянского населения в Шенталинском и Исаклинском районах. Рассмотрение диалектных наименований флоры позволило выявить изменения в семантическом значении слова при сопоставлении с литературными формами эрзянского языка. Описание диалектных вариантов фитонимов отражает закономерности и особенности развития семантической структуры слова мордовских языков.

Ключевые слова: ареал, говор, диалектный тип, терминосистема, флористическая лексика, фитоним.

Abstract. The article is a synchronic descriptive analysis of the Erzya phytonyms identified through the linguogeographic research in the Samara region. The collected dialectal forms of floristic vocabulary are the result of the fieldwork in the areas with large Erzya populations in Shentalinsky and Isaklinsky districts. The analysis of the flora dialectal names made it possible to identify changes between the semantic meanings of the dialect and literary word forms of the Erzyan language. The description of dialect variants of phytonyms reflects the patterns and specific features of developing the word semantic structure of the Mordovian languages.

Key words: area, dialect, dialect type, terminology, floristic vocabulary, phytonym.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00323

Эрзянские говоры Самарской области в языковом отношении отличаются особой дифференциацией и представляют собой разные типы диалектов эрзянского языка. В рассматриваемых говорах и наречиях наблюдаются языковые явления, характерные для разных диалектных типов эрзянского литературного языка: центрального, западного, северо-западного. Система диалектов Республики

Мордовия, их разнообразие, характерные особенности описаны в работах М.Е. Евсевьева [4], М.М. Давыдова [3], Д.В. Цыганкина [7, 8], Г.И. Ермушкина [5], И.Н. Рябова и Г.В. Рябовой [6]. Описанию терминосистемы фитонимов в мордовских языках уделила внимание А.М. Гребнева, определив их семантические типы и тематические группы [2]. Некоторые особенности использования названий деревьев и растений в топонимии отражены в работе Н.В. Беленова [1]. В нашей статье анализируется диалектное варьирование флористической лексики эрзянского языка на территории двух районов Самарской области – Шенталинского и Исаклинского, раскрываются структурные и лексико-семантические особенности фитонимов данного ареала.

Шенталинский район – административно-территориальная единица и муниципальное образование на северо-востоке Самарской области. В Шенталинском районе 59 населённых пунктов [9]. В ниже перечисленных превалирует эрзянское население: сёла – Багана, Крепость-Кондурча, Новый Кувак, Новое Суркино, Старое Суркино, Сенькино, Тимяшево, Старая Шентала; деревни – Новая Шентала, Подлесная Андреевка, Васильевка, Вязовка; посёлки Родина и Кузьминовка. Исаклинский район – муниципальное образование в северо-восточной части Самарской области, граничащее на юге – с Похвистневским районом, на севере – с Шенталинским районом [10]. Места компактного проживания эрзи: сёла – Мордово-Аделяково, Старое Вечканово, Мордово-Ишуткино; село Багряш и деревня Новый Байтермиш входят в состав сельского поселения и административного центра района села Исаклы. Населению, проживающему на данной территории, свойственна историческая неоднородность – здесь встречаются представители разных культур и национальностей: мордва проживают в окружении русскоязычного и тюркского народов, что, несомненно, отразилось в языке и культуре местных эрзян. В говорах и наречиях эрзянского языка рассматриваемого ареала прослеживаются элементы как фонетической, так и лексической систем соседствующих языков.

Актуальность исследования представленной статьи заключается в рассмотрении отдельных вопросов флористической терминосистемы анализируемых говоров, касающихся семантического варьирования диалектных фитонимов, что часто остается вне поля зрения многих исследователей. Определение особенностей развития структуры слова в диалектах эрзянского языка Самарской области отражает новизну работы. Флористическая лексика – это особый пласт, в котором выражаются изменения значения слова в его семантической структуре. Теоретическая составляющая определяется названиями данной группы лексем, которые возникают

и развиваются под воздействием различных факторов, свойственных разным географическим точкам существования языка. Практическая значимость исследования представлена в анализируемых формах фитонимов исследуемого ареала. Это позволяет раскрыть не только семантическое расслоение внутри данной тематической группы слов, но и проследить цепочку соприкосновения эрзянских диалектных вариантов с лексемами из других говоров и наречий языка, а также сопоставить их с литературным вариантом.

Флористическая лексика формировалась в течение длительного временного промежутка под воздействием ряда языков и в настоящее время представляет собой единую систему, включающую в себя всю совокупность названий растительного мира. Тематическая группа наименований флоры занимает особое положение внутри диалектной лексики, поскольку разнообразие и семантическое своеобразие лексического материала обусловлено особенностями как географического, так и компактного проживания эрзянского населения.

Словарный состав современного эрзянского литературного языка складывается из совокупности различных лексико-семантических терминосистем. Ботаническая лексика мордовских языков – это довольно многочисленная группа, которая представляет собой результат сложного и длительного исторического процесса развития языка. Основы флористической терминосистемы мордовских языков сложились в период финно-угорского и общемордовского языка-основы. Финно-угорский пласт фитонимов включает в себя названия деревьев, некоторых ягод и отдельных грибов, например: *k'il'ej* «береза», *kuz* «ель», *l'omz'orks* «черёмуха», *inz'ej* «малина», *p'iz'ol* «рябина», *pango* «гриб», *t'ikše* «трава». Фитонимы общемордовского языка сложились на базе финно-угорского лексического пласта путём аналитических и суффиксальных новообразований. Часть наименований флоры эрзянского языка была сформирована в финно-угорском праязыке и развивалась как самостоятельная система в период общемордовского языка-основы. Среди них самой многочисленной группой являются описательные фитонимы, их внутренняя семантико-структурная форма показывает те первичные признаки, которые использовались при номинации того или иного элемента флористической терминосистемы: *ukštor* «клён», *umar'ina* «яблоня», *palaks* «крапива», *cudožov* «осот», *cejer'en'kar'ks* «полевой вьюн», *kstij* «земляника». Так, семантика фитонимов *oftumar*' «шиповник» (букв. «медвежья ягода») и *mastumar*' «земляника» (букв. «земляная ягода») очень прозрачна. Структурно они состоят из двух элементов: *oftu-* (*овто*) «медведь» + *марь* «плод,

яблоко» и *mastu-* (мастор) «земля» + *марь* «плод, яблоко», при этом каждая лексема имеет самостоятельное семантическое значение.

В диалектном ареале эрзянского языка Самарской области тематическая группа ботанической терминосистемы нашла широкое отражение – здесь наблюдаются различные варианты наименований флоры. Приведем несколько примеров флористической лексики, которые встречаются в говорах рассматриваемых сёл, проанализировав их структурно-семантическое содержание.

Бессмертник. В кодифицированном языке данный фитоним представлен двумя вариантами – *каткалопа*, *псакалапа* (где *катка* и *псака* «кот / кошка», *лопа* «лист», *лапа* «лапа»). В диалектах и говорах эрзянского языка возможны аналогичные литературному языку словоформы: *каткалапа, псакалопа*. В говорах рассматриваемого ареала встречаются следующие фитонимы: *кисканьтикше* (бгн.), *пена-лупина* (п.андр.), *лейтикше* (н.срк., всл.), *кельметикше* (всл., кзм.), *коськелопа* (кзм., рдн., всл.), *кискалопа* (ст.вчк., мрд.-иш.), *петкельтикше* (бгн., кр.к., ст.шнт.), *катканьлопат* (бгр.), *сияньчи* (мрд-ад.). Все лексемы имеют двухкомпонентный состав и представляют собой соединение имени существительного с существительным (*лейтикше= лей* «река» + *тикше* «трава»*, кискалопа = киска* «собака» + *лопа* «лист»), либо прилагательное + существительное (*кельметикше= кельме* «холодный» + *тикше* «трава», *коськелопа* = коське «сухой» + *лопа* «лист»). Доминантой во всех является второй компонент – это лексемы *тикше* «трава» и *лопа* «лист».

Подорожник. Эрзянский литературный язык использует лексему *тувонар*, во многих диалектах находим варианты *цирейлопа*, *килангонь лопа*. В исследуемых говорах название данного растения представляет собой составное слово, включающее в себя два либо три компонента: *ки чирень тикше* (кр.к., рдн.), *ки лангонь тикше* (всл., н.бтр.), *кельметикше* (бгр., кзм.), *ормадо тикше* (мрд-ад.), *баранлопа* (мрд-иш., н.бтр.), *тирейлопа* (ст.вчк.), *подорожник / китикше* (взв., ст.срк., н.шнт.), *лягайтикше* (бгн.), *педягай тикше* (н.квк., тмш.). Трёхкомпонентный вариант «*ки чирень тикше*» и «*ки лангонь тикше*» представляет собой набор «существительное с послелогом + существительное», где лексема *тикше* «трава» является доминантой; слово *ки* «дорога» встречается с послелогами *чирень* «у, край (чего-либо)» и *лангонь* «на». Лексемы с двумя компонентами включают в себя элементы «существительное + существительное» (*ормадо тикше*, где *орма* «болезнь» = *ормадо* «от болезни» + *тикше* «трава») или «прилагательное + существительное» (*кельме тикше = кельме* «холодный» + *тикше* «трава»).

Папоротник. Литературный вариант представлен формой *верьгизэнь пазава*, где *верьгизэнь* «волчий» + *пазава* «икона». В говорах сёл Шенталинского и Исаклинского районов Самарской области выявлены следующие наименования данного фитонима: *вирьавань сурцямо* / *сурсеме* (взв., бгн., ст.срк.), *овтонь штанат* (всл.), *вирьавань тикше* (бгр.), *вирьавань черть* (ст.вчк.), *киняла лопат* (п.андр.), *кудряват* (н.бтр., мрд-иш.), *алганжейтикше* (ст.шнт., ст.срк., мрд-иш.). Лексема *вирьавань черь* в кодифицированном языке встречается в значении «ковыль». В селе Новый Кувак Шенталинского района лексема *вирьавань сурсема* соответствует фитониму «хвощ полевой».

Перекати поле. Данный фитоним в эрзянском языке имеет два варианта – *вармакрандаз*, *кеверькс*. В рассматриваемом ареале встречаются лексемы *вармань крандуз* (бгн.), *каладо крандаз тикше* (мрд-ад.), *ожобаляга* (п.андр., тмш.), *баягатикше* (мрд-иш.).

Мать-и-мачеха. В кодифицированном языке используются лексемы *одавань чама лопа*, *одажа лопа*. В говорах Самарской области наблюдаются формы – *одава чама лопа* (бгр.) / *одавань чама лопа* (бгн., снк.), *кавтолопань тикше* (тмш., п.андр.). Литературный вариант также встречается в исследуемых говорах – *одожалопа* (ст.срк.) и его вариации – *одавалопа* / *одавань лопа* (бгн.). Компонентный состав данного фитонима представлен следующим образом с различными вариациями входящих в него словоформ: *од* «молодой» (имя прилагательное) + *ава* (=*авань*) «женщина» (имя существительное) + *чама* «лицо» (существительное) + *лопа* «лист» (существительное). Имеется и трехкомпонентный вариант рассматриваемого фитонима – числительное (*кавто* «два») + существительное (*лопа* = *лопань* «листа») + существительное (*тикше* «трава»).

Лексико-семантический анализ иллюстраций исследуемых говоров Самарской области даёт возможность назвать основные признаки, которые легли в основу номинации рассматриваемых лексем:

а) место, где чаще всего произрастает данное растение: *лейтикше* (букв. «речная трава», где *лей* «река» + *тикше* «трава»); *ки чирень тикше* (букв. «трава у дороги / трава обочины дороги, придорожная трава», где *ки* «дорога» + *чире* «у, край (чего-либо)» + *тикше* «трава»);

б) сходство с тем или иным предметом, явлением: *сиянь чи* (букв. «серебряный день», где *сиянь* = *сия* «серебро» + *чи* «день»), *ожобаляга* (букв. «желтый» + *баляга* «цветок»).

При этом сходство может иметь различный характер. Достаточно часто наименовании фитонимов происходит по форме листьев: *овтонь штанат* (*овтонь* «медвежьи» + *штанат* «штаны»), *каладо крандаз тикше* (*каладо* «разбитый» + *крандаз* «телега» + *тикше* «трава»). Образование иных ботанических терминов строится по признаку схожести фактуры листьев или соцветия: *коськелопа* (где *коське* «сухой» + *лопа* «лист»), *баягатикше* (*баяга* «колокол» + *тикше* «трава»).

В рассматриваемых говорах одновременно сохранились как архаичные варианты флористической терминосистемы, так и наблюдаются языковые явления, характерные только для диалектов данной территории. Возможно, что эти лексемы-фитонимы сформированы данным диалектным типом эрзянского языка, поскольку их первоначальное формирование свидетельствует об исконных местах проживания мордовского народа и миграционных путях носителей исследуемых говоров. Следует заметить, что изолированное развитие эрзянских говоров Шенталинского и Исаклинского районов Самарской области в сопоставлении с литературными вариантами способствовало сохранению некоторых архаичных вариантов лексем флористической терминологии. Их рассмотрение дает возможность для уточнения классификации диалектных типов эрзянского языка.

Сокращения

бгн. – говор с. Багана Шенталинского района Самарской области, **всл**. – говор д. Васильевка Шенталинского района Самарской области, **взв**. – говор д. Вязовка Шенталинского района Самарской области, **кр.к**. – говор с. Крепость-Кондурча Шенталинского района Самарской области, **кзм**. – говор п. Кузьминовка Шенталинского района Самарской области, **н.квк**. – говор с. Новый Кувак Шенталинского района Самарской области, **н.срк**. – говор с. Новое Суркино Шенталинского района Самарской области, **н.шнт**. – говор д. Новая Шентала Шенталинского района Самарской области, **п.андр**. – говор д. Подлесная Андреевка Шенталинского района Самарской области, **снк**. – говор с. Сенькино Шенталинского района Самарской области, **ст.срк**. – говор с. Старое Суркино Шенталинского района Самарской области, **ст.шнт**. – говор с. Старая Шентала Шенталинского района Самарской области, **тмш**. – говор с. Тимяшево Шенталинского района Самарской области, **рдн**. – п. Родина Шенталинского района Самарской области, **мрд-ад**. – говор с. Мордово-Аделяково Исаклинского района Самарской области, **ст.вчк**. – говор с. Старое Вечканово Исаклинского района Самарской области, **мрд.-ад. –** Мордово-Аделяково Исаклинского района Самарской области, **мрд-иш**. – говор с. Мордово-Ишуткино Исаклинского района Самарской области, **бгр. –** Багряш

Исаклинского района Самарской области, **н.бтр**. – говор с. Новый Байтермиш Исаклинского района Самарской области.

Список литературы

1. Беленов Н.В. Отфлористическая топонимия и флористическая лексика мокша-мордовского населения села Торновое на Самарской Луке: этноисторический аспект// Современный ученый. 2018. № 4. С. 18-21.
2. Гребнева А. М. Флористическая лексика мордовских языков. – Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1997. 88 с.
3. Давыдов М. М. Больше-Игнатовский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 118–233.
4. Евсевьев М.Е. Основы мордовской грамматики // Избранные труды. В 5 т. Т. IV. – Саранск, 1963. 471 с.
5. Ермушкин Г.И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. – М.: Наука, 1984. 142 с.
6. Рябов И. Н., Рябова Г. В. Лексический атлас эрзянских диалектов (материалы исследования) // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 61-70.
7. Цыганкин Д.В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. – Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1977. 104 с.
8. Цыганкин Д.В. Имя существительное в ареальном освещении // Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа: Ч. 5: монографии. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. С. 3-172.
9. Шенталинский район: сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения 21.07.2020)
10. Исаклинский район: сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения 21.07.2020)

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112.2

Семантическая типология лингвистического феномена «Игра слов» (на материале немецкого языка)

Еремеева Оксана Владимировна
канд. пед. наук, доцент, заведующий кафедрой романо-германской филологии
ПГУ им. Т.Г. Шевченко, Приднестровье, Тирасполь
oks-eremeeva@yandex.ru

Semantic typology of the linguistic phenomenon "Word Play" (based on the material of the German language)

Eremeeva Oksana Vladimirovna
PhD, associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology
PSU T. G. Shevchenko, Pridnestrovie, Tiraspol

Аннотация. В настоящий момент понятие игра применимо практически во всех сферах жизни, культуры и общества. Игра есть модель особого поведения и нестандартного отношения к происходящим событиям. Особым видом игры является языковая игра или «игра слов». В статье представлена семантическая типология анализируемого явления на материале немецкого языка.

Ключевые слова: игра слов, лингвистический феномен, каламбур, семантическая типология, классификация

Abstract. At the moment, the concept of game is applicable in almost all spheres of life, culture and society. The game is a model of special behavior and non-standard attitude to events. A special type of a game is a language game or "word game". The article presents the semantic typology of the analysed phenomenon based on the material of the German language.

Key words: word play, linguistic phenomenon, pun, semantic typology, classification

«Что наша жизнь? Игра!» Эта знаменитая фраза из произведения А.С. Пушкина «Пиковая дама», ставшая заставкой популярной телевизионной передачи, известна старшему и среднему поколению на всем постсоветском пространстве.

Игра является уникальным феноменом человеческого бытия. Она имеет свою форму, свое наполнение, реализацию в каждом конкретном поле. Она может быть представлена как категория, эстетическая, педагогическая, философская, спортивная, социальная, историческая, лингвистическая и др.

В области лингвистики интерес представляет языковая игра или «игра слов», с которой мы сталкиваемся повседневной жизни через средства массовой информации, рекламу, литературные произведения, шутки и анекдоты в разговорной речи и не менее интересным является перевод данного языкового явления.

Впервые термин «игра слов» упомянул Л. Витгенштейн в своем логико-философском трактате. Он вводит термин «языковая игра» в научный обиход, под которым подводятся все виды речевой деятельности. Фактически провозглашается вездесущесть языковой игры, а сама она представляется крайне широким явлением, что также затрудняет формулирование четкого определения [1, с.8].

Интерес к данному феномену привлекает возможностью проведения «лингвистического эксперимента». Этот «лингвистический эксперимент», по мнению Л.В. Щербы, позволяет значительно расширить возможности языка и раздвинуть рамки языковой системы [2, с. 32].

Феномену игры слов посвящено большое количество исследований отечественных и зарубежных лингвистов. Общие вопросы теории игры слов в настоящее время разработаны достаточно полно и глубоко (И.В. Арнольд, Г. Вильперт, Г. Грассеггер, Х.Детеринг О. Нордаг, Ю.К. Пирогова, В.В. Одинцов, А.А. Зализняк, Л.В. Щерба и др.)

В рамках некоторых теоретических и практических исследований «игра слов» трактуется как лингвистический феномен, свойственный в первую очередь ряду художественных произведений, где он выполняет «декоративные» функции, оформляя индивидуальный стиль автора, служит преимущественно созданию комического эффекта, а также является текстообразующим элементом.

Отмечая невозможность дальнейшего анализа примеров игры слов только на фразовом уровне, большинство исследователей ссылаются на ее метафорическую природу, основанную на интертекстуальности. Это означает, что при изучении данного приема необходимо учитывать в первую очередь характер контекста и проблемной ситуации, описываемой в тексте.

Примечательно, что несмотря на существующие многочисленные исследования, посвященных изучению феномена игры слов в современном немецком языке, определение языковой игры представлено неоднозначно.

Наряду с понятием «игра слов» – Wortspiel в немецком языке существует целый спектр терминов как языковая игра (Sprachspiel, Sprachspielerei), языковая (речевая) шутка (Sprachwitz), языковой юмор (Sprachhumor), языковое остроумие (Sprachscherz), каламбур (Kalambur), которые не ограничиваются только игровым использованием слов, но и игрой языковыми единицами [3, с.222].

Г. Вильперт определяет игру слов как «остроумное использование (применение) языковой многозначности для создания эффекта комичности» [4, с.1037], а Г. Швейкле, видит данное явление, как «игру вариантностей значений,

многозначности и многообразия звучности языка, которые служат для раскрытия двусмысленности и многозначности высказывания» [5, с.505].

Ф. Хейберт раскрывает в игре слов стилистическое средство с риторической функцией, которая играет особую роль в структуре текста. Далее он отмечает, что смысл словоигровых текстов возрастает из связки плана содержания в каком-либо выражении или из особых новообразований выражений, связанных с ними содержаний, причем соответствующее действие новообразований, передает связанную информацию посредством дополнительных знаний [6, с.17].

Г. Грассеггер нашел решение терминологической проблемы, говоря о метафорическом значении «игры слов» в смысле Л. Виттгенштейна, то есть построения искусственного «идеального» языка, прообразом которого является язык математической логики, и неметафорического значения в смысле «языковой игры». Он использовал термин «языковая игра» как основное понятие для всех вариантов игры языковых единиц [7, с.18].

Отечественный лингвист А.В. Усолкина определяет этот феномен как особую форму лингвокреативного мышления, являющегося результатом запрограммированного нарушения языковой схемы и осознанного отклонения от языковой нормы с целью достижения определенного комического эффекта [8, с. 13].

Согласно точке зрения С.Ж. Нухова, игра слов – это такая форма речевого поведения человека, при которой личность реализует способность к проявлению в речи остроумия, сопровождающегося возникновением комического эффекта, а «получатель речи» проявляет креативность при восприятии, благодаря «способности оценить игру, умению отгадать неразрешимую, на первый взгляд, лингвистическую загадку» [9, 1с.36].

Таким образом, игра слов связана с реализацией категории определения комического эффекта.

Ряд авторов рассматривают понятия «игра слов» и каламбур как синонимичные категории (В.С. Виноградов, В.В.Одинцов, В.З.Санников и др.).

В.С. Виноградов полагает, что «каламбур или игра слов создаются благодаря смелому использованию в целях достижения комического эффекта различных созвучий, полных и частичных омонимов, паронимов и таких языковых феноменов, как полисемия и видоизменение устойчивых лексических оборотов» [10, с.152].

Мы не можем говорить об идентичности двух понятий. Данное соотношение терминов следует рассматривать как понятия, находящиеся в отношениях

последовательного взаимовключения. «Языковая игра» понимается как самое широкое, а «каламбур» — как самое узкое [1, с.8].

Для того чтобы распознать цель игры слов в передаваемом сообщении необходим сигнал в контексте. Эти сигналы могут быть выражены в речи, на письме или действовать непосредственно в контексте. Но также тексты различных функциональных стилей, в которых возникает такое нарушение правил, служат таким контекстом.

Наиболее удачным, на наш взгляд, является определение языковой игры, предложенное Н.Зауэр: «Игра слов представляет собой намеренное отклонение от языковой нормы, которая проявляется в основном в многозначности формы выражения, а многозначность соприкасается с такими языковыми феноменами как омонимия (омофоны и омографы), паронимы и сочетание прямого и переносного значения, как, например, в случае с идиоматическими выражениями» [11, с.91].

Классификация типов игры слов крайне затруднена специфичностью ее структуры и большой вариативностью. Выделяют графические, фонетические, морфолого-грамматические, лексические способы выражения игры слов. Способы образования игры слов могут быть намеренным смешением значения, слогов и даже букв, изменение фразеологизмов, идиоматических выражений, пословиц, поговорок. Графическое или ортографическое образование языковой игры, которая основана на пунктуации и сегментации слов, а также игра с синтактическими фигурами.

В данной статье мы рассмотрим семантическую типологию лингвистического феномена «игра слов».

Семантическая типология игры слов, основывается на том, что ее ядром является смысловая связь между обыгрываемыми словами, то есть языковые единицы, составляющие игру слов, соотносятся с омонимией, полисемией или паронимами при помощи различных приемов как словосложение, словопроизводство, сравнение, перестановка букв, перестановка слов, постановка ударения, незначительные изменения графической или фонетической формы слова или добавление, слияние слов, модифицированные пословицы, поговорки, фразеологизмы и устойчивые выражения.

С точки зрения семантики можно выделить следующие типы «игры слов»:

1.Парономазия (стилистическая фигура, состоящая в комическом или образном сближении слов, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут иногда ошибочно, но чаще нарочно

использоваться в речи), например: „In meinem Zimmer rußt der Ofen, in meinem Herzen ruhst nur du“. (В моей комнате коптит лишь печь, а в моем сердце покоишься ты);

2. Омофоны или фонетическая двусмысленность (слова, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному и имеют разное значение), например: *Lärche* (лиственница) – *Lerche* (жаворонок), *“Die Eifersucht ist eine Leidenschaft, die mit Eifer sucht, was Leiden schafft.”* «Ревность – это страсть, которую ревностно ищут, что страсть порождает».

3.Омонимия (разные по значению, но одинаковые по звучанию и написанию слова, морфемы и другие единицы языка), например: der *Strauß* (страус) - der *Strauß* (букет цветов), *“Wenn es Häute (heute) regnet, wird das Leder billig.“* – «Если кожа начнет с неба падать, тогда кожа (дубленки) и подешевеют».

4.Полисемия (наличие двух и более значений), например: Er sitzt auf der *Bank*. (Он сидит на скамье) - Er betritt die *Bank*. (Он вошел в банк);

5.Малапропизмы (одно знаменательное слово заменяется в тексте другим, близким по звучанию, но с иным смыслом), напр., *Geld-Magnet* (денежный магнит) и *Geld-Magnat* (денежный магнат);

6. Игра слов, основанная **на употреблении имен собственных,** например:

“Als sein Verkäufer auf dem Bahnsteigausrief: „„HeißeFrankfurter!„„steckte ein Fahrgast den Kopf aus dem Fenster und schrie: „Das ist uns doch völlig egal, ob Sie Frankfurter heißen!“ - Когда продавец выкрикивал на перроне: «Свежий Франкфурт», пассажир, высунув голову из окна поезда, прокричал в ответ: «Нам уж точно все равно, что Вас Франкфуртер зовут». Игра слов в данном примере заключалась в следующем, „Heiße Frankfurter‟ – подразумевается свежий номер газеты «Франкфуртер», на что продавец получает в ответ «нам уж точно все равно, что Вас Франкфуртер зовут», таким образом, игра слов основана не только на употреблении имени собственного, но и омонимии, так как „heißen‟ – звать по имени, а „heiß‟ – жаркий, горячий, в данном случае свежий.

7.Сокращения и аббревиатуры. Способность придавать начальным буквам и тем самым всей аббревиатуре новое значение используется часто в разговорной речи. Аббревиатуры имеют комическое звучание из-за неожиданности их расшифровки: *WWW – Warten, Warten, War*ten (ждите) вместо *World Wide Web;*

8. Лексическая игра слов. Лексическая игра слов – языковая игра не со словами/ лексемами, а с синтагмами или последовательностью лексем, например, фразеологизмы, пословицы, цитаты и так далее, например:“Vom Bombenregen in die Traufe kommen“ – «Попасть из огня да в полымя»;

9. Зевгма (опущение глагола) является фигурой речи, которая первоначально использовалась как обозначение грамматического эллипса, речь идет о том, что слово, которое в предложении образует однотипные синтаксические сочетания с другими словами, употребляется только в одном из этих сочетаний, в других же опускается, чаще опускается глагол, например: *Die Flaschen wurden leerer und die Köpfe voller*. (Бутылки опустели, а головы наполнились); (H.Heine).

Словоигровые новообразования – это символьные комбинации, которые возникают из-за нестандартного нанизывания или слияния языковых единиц.

1. Контаминация (скрещивание, как правило, двух лексических единиц, отклоненное от «нормальной» структуры), например: *Formularifari* из „*Formular* «формуляр, бланк» + *Larifari* «вздор, чепуха». Специфика данного приема состоит в том, что два или более сложных сегмента накладываются друг на друга и не нуждаются в семантических связях, однако способ образования определяется особыми правилами, прежде всего, фонетическо-фонематическими. Доминантами являются существительные, а глаголы и прилагательные встречаются реже.

2. Гаплологическое словосложение (сложение двух лексем, которые образуют при сложении в конце одной лексемы и соответственно вначале второй лексемы общие фонемы), например: *Kurlaub (Kur + Urlaub*) лечение +отпуск;

3. Фузия (вставка одной лексемы во вторую), например: *ein mythounlogisches Gespräch (*мифонелогический разговор);

4. Гаплологическая фузия (смешанные формы гаплологического словосложения и фузии), например: *Famillionär – Familie +Milionär;*

***5*. Комбинации с употреблением имен собственных:** “King-Kohl (Helmut Kohl государственный и политический деятель ФРГ и «der Kohl» - капуста).

Феномен языковой игры характеризуется как осознанный процесс создания комического эффекта, однако это далеко не единственное предназначение данного средства. Они могут использоваться так же как маркированные средства, которые помогают придать оригинальность сообщению и установить более теплый, неформальный контакт с адресатом. Привлекательность игры слов состоит в том, что за определенной формой можно скрыть абсолютно любое содержание, а также способ обойти критику, но тонко намекнуть на нее.

Языковая игра – уникальное лингвистическое явление, средства создания которого многочисленны и отражены на каждом уровне языка.

Нами рассмотрена типология игры слов с позиции семантики, которая пронизывает все уровни языка. При обращении к семантике, следует помнить, что в

содержательном плане прием игры слов представляет фрагмент языковой картины мира и отражает реалии жизни народа на том отрезке времени, в котором он создается.

Список литературы

1. Колосова П.А. Перевод игры слов в художественном тексте герменевтический аспект: дис. … канд. филол. наук – Тверь, 2013. 16 с.
2. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: «Наука», 1974. 428 с.
3. Detering K. Zur linguistischen Typologie des Sprachspiels. // In Sprache, Diskurs und Text. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1983. 228 S.
4. Wilpert G. Sachwörterbuch der Literatur. Stuttgart: Kröner Verlag, 1989. 1525 S.
5. Schweikle G. Das Wortspiel und seine Übersetzung. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1990. 160 S.
6. Heibert F. Das Wortspiel als Stilmittel und seine Übersetzung: am Beispiel von sieben Übersetzungen des ‚Ulysses' von James Joyce. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1993. 198 S.
7. Grassegger H. Sprachspiel und Übersetzung. – Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1985. 349 S.
8. Усолкина А.В. Языковая игра как текстообразующий фактор: автореф. дис. … канд. филол. наук – Екатеринбург, 2002. – 20 с.
9. Нухов С.Ж. Языковая игра в словообразовании: автореф. дис. … д-ра. филол. наук М., 1997. 39 с.
10. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
11. Sauer N. Werbung – wenn Worte wirken. Ein Konzept der Perlokution, entwickelt an Werbeanzeigen. Münster, New York, München, Berlin: Waxmann, 1998. 274 S.

УДК 81'37

Тематическая группа "Stock market" в английском языке

Костина Ирина Александровна
к. филол. н., старший преподаватель ФГБОУ ВО Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак
Республика Башкортостан

Thematic group "Stock market" in English

Kostina Irina Alexandrovna
PhD in Philology, senior lecturer of Sterlitamak branch of Bashkir State University
Sterlitamak, Republic Of Bashkortostan

Аннотация. Данная статья посвящена анализу тематической группы "Stock market" в английском языке. Интерес к данной группе связан прежде всего с развитием фондового рынка, который постепенно все более плотно входит в нашу повседневную жизнь. Цель исследования изучить структуру и семантику данных лексем, выявить их особенности. В ходе исследования было выделено пять тематических подгрупп: участники биржевой деятельности; биржевые товары и документы; действия участников биржевой торговли; биржи, торговые площадки, помещения, состояния рынка и тенденции; цены и мультипликаторы. Были так же выделены дифференциальные компоненты, которые образуют бинарные оппозиции и делят данные подгруппы на еще более мелкие образования. В целом тематическая группа "Stock market" характеризуется превалированием некоторых групп над другими: единицы с компонентами "профессиональный участник рынка", "акции", "покупка", "рынки", "оценка", что вероятно связано с их большей значимостью на фондовом рынке. Среди лексем тематической группы наблюдаются тенденции к аббревиации.

Ключевые слова: фондовый рынок, тематическая группа, дифференциальный компонент, эмитент, мультипликатор.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the thematic group "Stock market" in English. Interest in this group is primarily related to the development of the stock market, which is gradually becoming more and more closely integrated into our daily life. The purpose of the study is to study the structure and semantics of these tokens, to identify their features. The study identified five thematic subgroups: participants in exchange activities; exchange products and documents; actions of participants in exchange trading; exchanges, trading platforms, premises, market conditions and trends; prices and multipliers. We also identified differential components that form binary oppositions and divide these subgroups into even smaller formations. In General, the thematic group "Stock market "is characterized by the predominance of some groups over others: units with the components" professional market participant"," shares"," purchase"," markets"," valuation", which is probably due to their greater significance in the stock market. Among the lexemes of the thematic group, there are trends towards abbreviation.

Keywords: stock market thematic group, the differential component, the Issuer, the multiplier

В реалиях нашего времени, когда ставка центробанка снижается, инвестиции в фондовый рынок становятся более привлекательны для инвесторов, чем банковские депозиты. Лексика фондового рынка развивается с развитием самого рынка. Появление новых понятий стимулирует появление новых лексических единиц или переосмысление уже имеющихся. Для участников рынка ценных бумаг особое значение приобретает знание и владение иностранным языком. В современных политических и экономических реалиях языковые навыки и коммуникативные умения в бытовом общеупотребительном английском явно недостаточны для профессионала: возрастают требования в сфере узкопрофессиональной терминологии, экстрагированной из реальных международных документов, которая фактически применяется на фондовых биржах, в финансово-экономических новостях, при заключении деловых сделок. Все более частые интеракции, длительное сотрудничество, взаимообмены, более тесная коммуникация с мировым рынком привели к активному развитию и несомненному увеличению объема документооборота. [1, с. 216]. Возрождение бирж в России обусловило стремительное развитие языка участников этой сферы деятельности. Часть лексики возвращается из пассивного запаса, другая – заимствуется из языка стран с развитой системой финансового рынка [2, с. 185]. Английский язык является обширным источником заимствования лексики фондового рынка и благодатным материалом для исследования.

Цель исследования тематической группы "stock market" определить её структуру, семантику и выявить особенности. Тематическая группа понимается как совокупность слов, объединенных на основе общности предметов или понятий, которые они представляют [3, с. 98]. Было проанализировано 89 лексем (95 значений), входящих в данную тематическую группу согласно Macmillan dictionary [9], для проверки применялся словарь Oxford dictionary [10] и Cambridge dictionary [8]. Тематическая группа состоит из 78 имен существительных (80 значений), а так же 7 глаголов (7 значений), 4 имен прилагательных (7 значений). Рассмотрим имена существительные данной тематической группы в силу их большей репрезентативности.

Имена существительные, входящие в тематическую группу "stock market" делятся на 5 подгрупп:

1) участники биржевой деятельности;

2) биржевые товары и документы;

3) действия участников биржевой торговли;

4) биржи, торговые площадки, помещения, состояния рынка и тенденции;

5) цены и мультипликаторы.

Первая подгруппа, объединенная общим компонентом "участники биржевой деятельности" делится дифференциальными компонентами, составляющими оппозицию "эмитенты" - "покупатели", группа эмитентов включает любой орган или организацию (государственный банк, финансово-кредитное учреждение, предприятие, компания), выпускающие в обращение деньги и ценные бумаги, производящие эмиссию [4], например: the FANGs - "Facebook, Amazon, Netflix and Google (now called Alphabet): four of the world's biggest technology companies whose stocks increase in value extremely fast". NOSH - "Nike, O'Reilly, Starbucks and Home Depot: four US companies whose stocks perform very highly". Стоит отметить, что работая на бирже в условиях жесточайшей конкуренции и лимита времени, участники биржевых торгов вынуждены обобщать и сжимать информацию, результатом чего является создание нового языкового знака (аббревиации) с новой звуковой и графической оболочкой [5, с. 134]. Это особенно касается названий компаний или секторов экономики, бирж и биржевых индексов.

Группа покупателей представляет всех остальных участников рынка, проводящих любые манипуляции с ценными бумагами. Данная группа делится на профессиональных участников и участников без статуса. При этом профессиональными участниками являются организации или специалисты, работающие на рынке, например: unit trust - "British an organization through which you can buy shares in many different businesses"; broker-dealer - "a person or company that buys and sells stocks, shares, or goods for other people"; corporate raider - "a person or organization that tries to take control of a company by buying a large number of its shares" и др.

К участникам без статуса относятся любые участники рынка, в семантике этих единиц нет компонента, отражающего профессиональное участие или профессиональную занятость на рынке, например: bond holder - "someone who owns government or company bonds"; shareholder - "British someone who owns shares in a company"; stockholder - "American a shareholder" и др.

Вторая подгруппа "биржевые товары и документы" делится дифференциальными компонентами "акции" - "облигации" - "опционы", при этом доля товаров с компонентами акции является доминирующей. Это по всей видимости связано с большей популярностью данного вида активов среди инвесторов по сравнению с облигациями из-зи меньшей доходности последних. Опционы: share

option - "British an arrangement by which a worker can buy shares in the company they work for at a good price and will make money if they keep them for an agreed number of years"; stock option - "American a share option"

Облигации: corporate bond - "a type of bond (=official document given to someone who has lent money, promising to pay that money back) that is provided by a public company"; gilt - "British a security with a fixed rate of interest issued by the UK government"

Акции: equities - "business company shares that can be bought and sold on a stock market"; ordinary shares - "British the majority of the shares into which the capital of a company is divided. The people who own these shares have the right to a part of the company's profits" и др.

Группа "действия участников биржевой торговли" делится компонентами "регулярная торговля" и "однократная сделка", например: day trading - "the activity of buying shares and selling them for a profit later in the same day"; trade - "the activity of buying and selling shares in companies" и др. В этой группе видно, что действия регулярной торговли, как правило, связаны с действиями квалифицированных инвесторов и трейдеров: trading - "the activity of buying and selling shares in companies"; high-frequency trading - "the use of sophisticated technology including very fast connections and computer algorithms to make trades in securities extremely quickly in order to gain an advantage over other traders" и др.

Группа с интегральным компонентом "однократная сделка" в свою очередь делится компонентами "продажа" - "покупка" еще на две группы единиц, например: bid - "business an offer to buy the shares in a company and take control of it"; buy-back - "an arrangement in which someone agrees to buy back shares or goods that they previously sold to someone"; warehousing - "business an attempt to protect or increase the value of a company's shares by buying a lot of them" и float - "business the first time that a company starts to sell its shares on the stock market"; profit-taking - "a situation where businesspeople sell shares while they are rising in value in order to make a profit"; sell-off - "American a situation in which a lot of stocks are sold at the same time, making prices go down" и др.

При этом основную часть составляют единицы с компонентом покупки, что вероятно связано с превалированием данного действия среди всех инвесторов: краткосрочных и долгосрочных.

Подгруппа биржи, торговые площадки, помещения, состояния рынка и тенденции дробится на более мелкие подгруппы компонентами: "торговые площадки" и "тенденции на рынке", "торговые площадки" могут быть физическими,

то есть помещения бирж и виртуальными, то есть электронная биржа, например: pit - "the place where people buy and sell shares in a stock exchange"; dealing room - "a room at a stock exchange where shares are bought and sold"; floor - "business an area where shares in companies are bought and sold"; stock exchane 1 - "a place where people buy and sell shares in companies" и the stock market 1 - "a stock exchange"; market - "economics a stock market" и др.

Так же рынки могут иметь разную направленность согласно тем активам, которые на них торгуются или способу, которым они торгуются: dark pool - "a system that allows stock market traders to trade large blocks of shares anonymously, with prices posted publicly only after deals are done"; futures market - "the activity of buying and selling shares, goods, or currency at an agreed price to be delivered at a time in the future"; grey market - "business the activity of buying and selling company shares before they are officially available".

Тенденции на рынке могут иметь "восходящий тренд" и "нисходящий тренд", например: correction - "business a fall in values on the stock market following a period when values have risen very fast"; crash - "economics a sudden fall in prices or in the value of the stock market" и др.

В значениях данной оппозиции прослеживаются два ярких образа: быка, как образа восходящих тенденций на рынке, и медведя, как образа нисходящих тенденций: bull market - "a situation in the stock market in which the prices of shares are rising"; bull run -

"a period during which prices of shares on the stock market are generally rising"; bear market - "a situation in the stock market in which the prices of shares are falling". То же можно отметить в значениях имен прилагательных данной тематической группы: bearish1 - "expecting the prices of shares to fall"; bullish1 - "business a bullish market is one in which the prices of shares are rising". Причиной такой популярности зооморфных метафор является их яркость и образность, а так же распространенность данного вида метафорического переноса [6, с. 79].

Подгруппа "цены и мультипликаторы" включает соответственно рыночные цены активов и мультипликаторы оценки эмитентов: unit price noun - "the price of each single thing, especially a share in a company"; bid price - "the price at which shares are bought on a stock exchange"; offer price - "the price at which a company is willing to sell shares" и capitalization - "the total value of all the shares in one or more companies on a market"; equity - "the value of a company’s shares"; price-earnings ratio - "a way of

measuring the value of a company's stock by dividing the price for each share by what the company earns for it".

Стоит отметить, что в группе мультипликаторов, по которым оценивается эмитент ценной бумаги, больше лексических единиц, чем в группе "цена". Это может быть связано с тем, что для покупателя ценных бумаг значительно более важны показатели эмитента (компании, государства и др.), его прибыльность, закредитованность и прочее, чем цена бумаги на рынке. Потому что цена не всегда отражает качество эмитента. Количественно подгруппы значений представлены в таблице 1 (см. Таблица 1).

Таблица 1 Структура тематической группы "Stock market"

Тематические подгруппы	Дифференциальный компонент		Количество значений
Участники биржевой деятельности	Эмитент		2
	Покупатель	Профессиональный участник рынка	10
		Участник без статуса	5
Биржевые товары и документы	Акции		10
	Облигации		2
	Опционы		2
Действия участников биржевой торговли	Регулярная торговля		6
	Однократная сделка	Покупка	11
		Продажа	7
Биржи, торговые площадки, помещения, состояния рынка и тенденции	Рынки		10
	Тенденции на рынках	Восходящий тренд	2
		Нисходящий тренд	3
Цены и мультипликаторы	Цена		4
	Оценка		6

Подводя итоги анализа можно сделать следующие выводы:

1) Тематическая группа "stock market" в английском языке имеет структуру, состоящую из 5 подгрупп: участники биржевой деятельности; биржевые товары и документы; действия участников биржевой торговли; биржи, торговые площадки, помещения, состояния рынка и тенденции; цены и мультипликаторы.

2) Выделены дифференциальные компоненты, которые делят данные подгруппы на более мелкие: эмитент, покупатель, профессиональный участник рынка, участник без статуса, покупка, продажа, восходящий тренд, нисходящий тренд и др.

2) Лексика финансовых рынков имеет тенденции к аббревиации в силу особенностей функционирования самих рынков.

3) При обозначении тенденций рынка и участников рынка, ожидающих определенных растущих или падающих трендов часто используется образы быка и медведя, которые ложатся в основу наименования таких лексем как: bear - "business someone who expects the prices of shares to fall, so they sell them", bullish - "business a bullish market is one in which the prices of shares are rising" и др. Использование зоометафор в биржевом дискурсе продолжает живущую в народном сознании мифологическую, фольклорную и литературную традицию, в которой свойства определенных животных выступают как вариант мифологического кода языкового коллектива [7, с. 148].

4) Внутри подгрупп превалируют единицы с компонентами "профессиональный участник рынка", "акции", "покупка", "рынки", "оценка", что вероятно связано с их большей значимостью на фондовом рынке.

Список литературы

1. Панкова Т.Н. Исследование специфики перевода узкопрофессиональной терминосистемы "оценка финансовых рынков" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов. 2020. № 13. Выпуск 2. С. 215-221
2. Люляева Н.А. Изменения в составе лексики биржевиков (конец XIX – начало XXI вв.) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С.185-188
3. Шведчиков Т.В. Лексико-семантическая группа как отражение языковой системы (на примере наименований домашних животных в русском языке) - Новосибирск.1988. 98с.
4. Экономический словарь терминов. Режим доступа: https://gufo.me/dict/economics_terms (Дата обращения 29.06.2020)
5. Румянцева Е.А. Биржевая аббревиатура в семиотическом аспекте // Записки з романо-германськоі філологіі. 2012. Вип. 2 (29). С.127-134
6. Небольсина Е.В. Зооморфная метафора в биржевой лексике // Человеческий капитал Объединенная редакция. - М. 2018. № 4 (112). С. 71-82
7. Мангова О.Б., Ивина Л.В. Вербализация операционного концепта "инвестирование" в русском и английском экономическом дискурсе Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (820) С. 139-148.
8. Cambridge dictionary Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/ (Дата обращения 29.06.2020)
9. Macmillan dictionary Режим доступа: https://www.macmillandictionary.com/ (Дата обращения 29.06.2020)
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (Дата обращения 29.06.2020)

УДК 811.112.2

Языковые особенности немецкоязычных компьютерных игр (на примере употребления немецкоязычных военных терминов)

Неупокоева Анастасия Валерьевна
канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии
Тихоокеанский государственный университет, РФ, г. Хабаровск
pertschuk@mail.ru

Снегур Евгений Олегович
студент факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации
Тихоокеанский государственный университет, РФ, г. Хабаровск
evg.sneg.117@yandex.ru

Linguistic features of German-language computer games (on the example of the use of German-speaking military terms)

Neupokoeva Anastasia Valerevna
cand. filol. sciences, associate professor of the department of Romano-Germanic Philology
Pacific State University, RF, Khabarovsk

Snegur Evgeny Olegovich
student of the faculty of philology, translation studies and intercultural communication
Pacific State University, RF, Khabarovsk

Аннотация. Исследование, описанное в данной статье, изучает языковые особенности текстов, встречаемых в немецкоязычных компьютерных играх. Языковые особенности демонстрируются на примере употребления немецкоязычной военной терминологии. Целью работы является описание особенностей военной терминологии в немецкоязычных текстах современных компьютерных игр. Новизна исследования заключается в том, что особенности применения военной терминологии рассматриваются на материале текстового контента немецкоязычной компьютерной игры. Исследование предлагает несколько вариантов классификации немецкоязычных военных терминов, встречаемых в очень популярной во всем мире компьютерной игре Call of Duty WWII. Термины для исследования были отобраны методом сплошной выборки, проверены в немецкоязычных базах словарей на предмет принадлежности к данному лексическому пласту, а затем внесены в тот или иной вариант классификации. Материал, собранный в ходе исследования и описанный в данной статье, представляет практическую значимость и может быть применен на теоретических курсах по лексикологии, практических занятиях по переводу, а также при подготовке военных переводчиков. Теоретически значимой частью работы является комплексный подход лингвистического анализа языковых особенностей исследуемой военной терминологии в текстах немецкоязычных компьютерных игр.

Ключевые слова: немецкий язык, военные термины, классификация терминов, языковые особенности, язык компьютерных игр

Abstract. The research described in this article examines the language features of the texts found in German-language computer games. Language features are demonstrated by the example of the use of German-language military terminology. The purpose of this

work is to describe the features of military terminology in the German-language texts of modern computer games. The novelty of the research is that the features of the use of military terminology are considered on the basis of the text content of a German-language computer game. The study offers several options for classifying German-language military terms found in the very popular worldwide computer game Call of Duty WWII. The terms for the study were selected by a continuous sampling method, checked in the German-language dictionary databases for belonging to this lexical layer, and then included in one or another version of the classification. The material collected during the research and described in this article is of practical significance and can be applied in theoretical courses in lexicology, practical classes in translation, as well as in the training of military translators. Theoretically a significant part of the work is a comprehensive approach to the linguistic analysis of the language features of the studied military terminology in the texts of German-language computer games.

Keywords: German language, military terms, classification of terms, language features, the language of computer games

Современного человека каждый день окружают многие составляющие культуры XXI века. Одним из таких элементов являются компьютерные игры. Их появление в конце 1970-х годов стало своеобразным «чудом» конца двадцатого столетия. Они стали быстро набирать огромную популярность, что помогло сформировать новую отрасль современной индустрии. Ей стала игровая индустрия или, как все чаще говорят журналисты, «игроиндустрия».

Благодаря быстрому темпу технического прогресса 21 века, компьютерные игры получили широкое распространение. Эта ветвь индустрии в настоящий момент достигла огромных масштабов. Одни компьютерные игры обладают сюжетом, который можно сравнить по масштабам с книгами, другие игры имеют огромный киберспортивный потенциал, что позволяет проводить по ним масштабные соревнования и собирать целые стадионы болельщиков, вокруг третьих образуются целые субкультуры, четвертые неофициально называют «национальными» играми, как, например «Halo» в США или «Starcraft» в Южной Корее.

В 2018 году аналитическое агентство New Zoo провело исследование, согласно которому, количество людей, увлекающихся компьютерными играми, достигло отметки в 2,3 миллиарда человек, что составляет почти 1/3 мирового населения. Основываясь на таком результате, можно утверждать, что исследования в области компьютерных игр являются очень актуальными в настоящее время.

Компьютерные игры, в свою очередь, тесно связаны с языком и практически не могут существовать без него. Компьютерные игры и видеоигры в целом включают в себя печатные и устные тексты. По этой причине можно увидеть связь игр с языком, как средством коммуникации и передачи культур разных стран и народов.

Компьютерные игры включают в себя различные единицы языка и текста. Например, терминологию разных областей науки и искусства, языковые единицы пониженного и повышенного стилей, литературные средства, такие как метафора, сравнение, олицетворение, оксюморон и т.д.

Большая часть компьютерных игр связана с военной тематикой. Их информационные элементы могут включать в себя различные военные термины, выражения милитаризованного характера и особую, военизированную манеру речи.

Целью описываемого исследования является изучение языковых особенностей немецкоязычных компьютерных игр.

Объектом исследования являются немецкоязычные компьютерные игры.

Предметом исследования являются языковые особенности немецкоязычных компьютерных игр на примере употребления военной лексики.

Материалом для исследования, лежащего в основе данной статьи, стала немецкоязычная компьютерная игра Call of Duty WWII (в переводе на русский язык – «Зов Долга: Вторая мировая война») [5].

Языковые особенности немецкоязычных компьютерных игр

Как уже говорилось ранее, исследование проводится на материале компьютерной игры Call of Duty WWII. Игра была издана в жанре шутера от первого лица (First-Person shooter или FPS) компанией Activision 3 сентября 2017 года. Продукт разрабатывался одной из внутренних студий компании Activision – Sledgehammer Games. Серия игр Call of Duty является одной из самых популярных серий игр в жанре FPS. Игры серии предоставляют игрокам возможность окунуться в историю, завязанную на вооруженном конфликте, представляющем опасность для родины протагониста и всего мира.

Так, Call of Duty WWII рассказывает о событиях эпохи Второй мировой войны во время открытия второго фронта американскими войсками. Повествование ведется от лица американского солдата Роналда Дэниелса. Вместе с ним игрок принимает участие в наиболее знаковых операциях того времени. Такого рода направленность игры обосновывает использование в её тексте множественных военных терминов.

Сам по себе термин, согласно мнениям разных ученых лингвистов, может быть охарактеризован как:

- слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности [2, с. 688];
- слово, применяющееся в особой сфере употребления [3, с. 15];

• номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание) специального языка, принимаемая для точного наименования специальных понятий [4, с. 18].

Основываясь на этих определениях, можно утверждать, что термины принадлежат к особым лексическим пластам. По этой причине разные ученые многократно принимали попытки классифицировать термины по определенным признакам для наиболее удобного их разграничения, ср. [5, 6]. Так, в соответствии с классификацией В. И. Литовченко, военную терминологию, часто встречаемую в текстах немецкоязычных компьютерных игр, можно отнести к пункту «по сфере использования» [7, с. 156].

Классификация терминологии по частям речи

В ходе исследования продукта Call of Duty WWII было найдено множество военных терминов, которые, опираясь на приведенную теоретическую информацию, были разделены на 3 категории: по частям речи, по происхождению и по словообразованию.

Так, анализируя игровой текст, было найдено 64 военных термина, 45 из которых (70,3%) являются именами существительными (например, das Visier, die Rauchgranate), 17 (26,5%) – глаголами (nachladen, stürmen) и 2 (3,1%) представляют собой словосочетания (offenes Visier, Deckung geben).

Исходя из такого результата, можно говорить о первой языковой особенности – субстантивированности текста игры. С точки зрения игрового дизайна, такая языковая особенность является обоснованной и необходимой для создания и наполнения предметами и объектами реальности, в которую погружается игрок.

Классификация терминологии по происхождению

Рассматривая встреченные термины по критерию происхождения, следует отметить, что применяются не только исконно немецкие военные термины (der Blitzkrieg, der Angriff, der Panzer), но также те, что пришли в немецкий язык из латинского (der Konflikt), итальянского (die Infanterie), французского (die Truppe) и английского (der Private). Это позволяет судить о широте спектра военных терминов, применяемых в тексте немецкоязычной компьютерной игры.

Классификация терминологии по словообразованию

Если исследовать встреченную военную лексику на предмет того, как она образована, то можно получить следующий результат: 81,2% всех встречаемых в

тексте игры немецкоязычных терминов представляют односоставные слова (die Operation, das Gewehr, der Marsch), 18,75% - двусоставные слова (die Kriegesmaschinerie, der Flammenwerfer). На оставшуюся часть в 1,05% приходятся четырёхсоставные сложные слова (Sturzkampfflugzeug) и слияния аббревиатур с частями слов (Flak-Feuer, GPF-Geschütz). Опираясь на данный результат, можно судить о том, что основной упор в тексте компьютерной игры делается на облегчение восприятия языка и языковых структур для большей простоты и удобства игрока. Особенно актуален такой подход в немецком языке, так как его система позволяет образовывать длинные многосоставные слова.

Заключение

В данной статье мы предлагаем Вашему вниманию результаты проведённого исследования по выявлению языковых особенностей немецкоязычных компьютерных игр на примере употребления военных терминов. Для проведения исследования нам было необходимо установить, что такое термин. Опираясь на мнение известных ученых, было установлено, что термин – это слово или словосочетание, обозначающее понятие в специальной области знания. Следующим шагом работы стал отбор и анализ найденных терминов. Это помогло выявить следующие языковые особенности, встречающиеся в тексте исследуемой немецкоязычной компьютерной игры:

1. Субстантивированный характер текста игры.

2. Применение не только исконно немецких военных терминов, встречающихся в большинстве случаев, но и заимствований из других языков.

3. Наиболее частотным является применение односоставных военных терминов, что особенно актуально для немецкого языка.

Список литературы

1. Call of Duty: WWII [Электронный ресурс] : комп. игра. – 2017. – Режим доступа: https://www.callofduty.com/ru/wwii (дата обращения 05.05.2020).
2. Ярцева В.Н. Лингвистический Энциклопедический Словарь / В. Н. Ярцева [и др.] – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
3. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. –М.: Наука, 1977. – С. 15- 246.
4. Гринев С.В. Введение в терминоведение. — Московский Лицей, 1993. – 309 с.
5. Гамов А.Н. Дефиниция «военной терминологии» и «военного термина» в современном языкознании // Электронный научный журнал «Apriori. Серия: гуманитарные науки»., 2017. № 4. С. 1-6. Режим доступа: http://apriori-journal.ru/seria1/4-2017/Gamov.pdf (Дата обращения: 09.05.2020)

6. Попова Л.Г. Особенности функционирования военных терминов в англоязычной военной прозе XX века // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». – Выпуск 1 (232). – 2019. – С. 92–98.
7. Литовченко В. И. Классификация и систематизация терминов // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. – 2006. –№ 3 (10). – С. 156-161.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.133.1’25’42:663.2

Научно-технический дискурс в сфере энологии как объект перевода

Абрамичева Елена Николаевна
к. филол. наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода»
Институт общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», РФ, г. Севастополь
helenn2018@gmail.com

Лашина Диана Артуровна
Лингвист-переводчик, Институт общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», РФ, г. Севастополь
diana.lashina@gmail.com

Oenological scientific-technical discourse as the object of translation

Abramicheva Yelena Nickolayevna
PhD in Philology, Associate Professor at the Translation Theory and Practice Department
Institute of Social Studies and International Affairs, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Sevastopol State University», Russia, Sevastopol

Lashina Diana Arturovna
Translation Studies Graduate Institute of Social Studies and International Affairs
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Sevastopol State University», Russia, Sevastopol

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики научно-технического перевода в сфере энологии в рамках коммуникативно-функционального подхода к переводу. Выделены основные требования к научно-техническому переводу в сфере энологии, рассмотрены примеры использования различных переводческих стратегий при переводе научно-технических текстов с французского на английский и русский языки с целью достижения коммуникативно-эквивалентного перевода. Исследование показало, что на выбор стратегии перевода влияют такие факторы, как: цель перевода, тип адресата, степень адаптации энологической терминологии в переводящем языке. Непременными условиями коммуникативно-эквивалентного научно-технического перевода признаются владение переводчиком энологической терминологией и знание предметной сферы.

Ключевые слова: энология, энологический дискурс, научно-технический текст, эквивалентность, стратегии перевода.

Abstract. The article studies the strategies of translation of oenological scientific-technical texts within the communicative-functional approach to the process of translation. The main requirements for scientific-technical translation in the sphere of oenology are outlined; the examples of different translation methods in dealing with French-English and French-Russian translations are considered in terms of their effectiveness in achieving adequacy and communicative equivalence of the scientific-technical texts in target languages. The research shows that the choice of translation strategy is influenced by such factors as the purpose of translation, the type of the intended recipient, the degree of adaptation of oenological terms in the target language. The translator's knowledge of oenological terminology and his subject thesaurus are considered a prerequisite for achieving communicative equivalence in scientific-technical translation.

Keywords: oenology, oenological discourse, scientific-technical text, translation equivalence, translation strategies.

Одним из распространенных традиционных представлений о способе перевода научного текста является изучение внутриуровневых соответствий исходного текста (ИТ) и переводного текста (ПТ), а объектом переводческого анализа признаются отдельные слова – термины. Владение переводчиком специальной терминологией является важнейшим условием успешности перевода в конкретной предметной сфере. Однако в рамках коммуникативно-функционального подхода, согласно которому ключевым показателем успешности перевода является достижение цели перевода, важно полное осмысление исходного сообщения / текста и его функций.

Согласно В.В.Сдобникову, «стратегия коммуникативно-равноценного перевода – это программа осуществления переводческой деятельности, предусматривающая реализацию коммуникативной интенции автора оригинала в форме создания текста на переводящем языке (ПЯ), потенциально способного обеспечивать коммуникативное воздействие на получателя перевода в соответствии с ожиданиями автора оригинала и соответственно взаимодействие разноязычных коммуникантов в условиях совместной предметной деятельности» [1, с. 151].

Поскольку значительная часть коммуникативно-релевантной когнитивной информации научно-технического текста заключена в значениях терминов, особую важность, по мнению В.В.Сдобникова, представляет именно передача в переводе значений терминологических единиц [1, с. 245]. Выполнение переводчиком этой задачи будет реализацией тактики максимально точной и полной передачи информации. К другим наиболее применимым тактикам перевода научно-технических текстов В.В.Сдобников относит тактику эксплицирования

подразумеваемой информации, тактику правильного оформления информации, тактику прагматической адаптации и др. [там же, с. 248, 254, 257].

Главным в научном переводе, по мнению Е.А.Харитоновой, является «взаимодействие переводчика и автора исходного текста на основе единого научного текста», а «решения в научном переводе принимаются переводчиком с учетом поставленной цели, а также с учетом типа текста, типа коммуникации и типа мышления автора ИТ» [2, с. 7]. Кроме этого, выбор стратегии также зависит от профессиональной компетенции переводчика, «подразумевающей помимо владения иностранным языком умение интерпретировать и понимать исходный научный текст» [там же].

Ключевое значение в научном переводе, по мнению Л.М.Алексеевой, имеет фактор антропоцентризма, который проявляется в том, что «создание текста перевода полностью зависит от способности переводчика понять исходный текст» [3, с. 15]. Л.М.Алексеева рассматривает перевод как «двустороннюю деятельность», как «обоюдный процесс взаимодействия текста и переводящей личности» [там же, с. 26]. В связи с этим Л.М.Алексеева включает в процесс перевода два этапа: 1) внутриязыковой перевод и 2) межъязыковой перевод. На первом этапе переводчику научного текста необходимо «перевести исходное концептуальное содержание текста на свой собственный язык внутреннего пространства», иными словами, прежде чем приступать к переводу, переводчику необходимо самому понять / интерпретировать смысл ИТ. На втором этапе переводчик транслирует понятый и осознанный специальный смысл ИТ в языковой код другого языка [3, с. 28].

Учитывая специфику научно-технического текста как особого коммуникативно-функционального типа текста, основными требованиями к научно-техническому переводу можно считать: 1) соответствие лексическим и грамматическим нормам ПЯ; 2) ориентацию на тип коммуникации; 3) максимально полную и точную передачу информации; 4) адекватную передачу терминов; 5) соответствие формально-логическому стилю, характеризующемуся точностью, безличностью, аргументированностью, доказательностью, отсутствием эмоциональной окрашенности; 6) соблюдение эквивалентности разного рода сокращений, аббревиатур, ГОСТов, принятых в разных странах.

Исследование особенностей научно-технического перевода на материале энологического дискурса неслучайно. Как объект перевода и переводоведческих исследований, энологический дискурс является актуальным и перспективным, благодаря стремительному развитию науки о виноделии, необходимости обучения

новых специалистов, наращиванию международного сотрудничества в данной сфере, включая взаимодействие производителей вина, в том числе из крымского региона и Севастополя, где запрос на профессиональное научно-техническое сотрудничество в подготовке специалистов этой области увеличивается.

Энологический дискурс или особый тип агрономического дискурса, используемый в сфере виноделия, репрезентируется посредством тематически взаимосвязанных текстов и производственно ориентированных коммуникативных ситуаций в области энологии. Многообразие последних свидетельствует о неоднородности энологического дискурса и дает основание на основе коммуникативно-функциональных параметров выделять в его структуре: 1) научно-техническое описание производства вина (научно-технический или производственный дискурс); 2) «винную» документацию; 3) дискурс в сфере дегустации [4, с. 5].

Объединяющим элементом всех форм и типов энологического дискурса являются энологические термины, подробно рассмотренные и классифицированные авторами ранее [4], а лингвистическую основу составляют энологические тексты различной коммуникативно-функциональной направленности. В данной статье будут рассмотрены научно-технические энологические тексты (научные статьи, энциклопедии, справочники, учебные пособия по виноградарству и виноделию и пр.) и проиллюстрированы некоторые способы перевода этих текстов с французского на английский и русский языки, обеспечивающие их коммуникативно равноценную передачу в ПЯ.

Рассмотрим конкретные фрагменты ПТ и проанализируем переводческие решения, продиктованные требованиями к переводу научно-технического текста. В качестве иллюстративного материала обратимся к фрагментам научных работ и их переводов, опубликованных Институтом энологии Шампани (IOC).

(1) *«En cas de vendanges altérées par Botrytis cinerea, il est vivement conseillé d'utiliser avant de flotter une enzyme composée également de beta glucanases, pour diminuer efficacement la viscosité du mouĵ»* [6].

«In case of botrytised grapes, it's strongly recommended to use, prior floatation, a mix of enzymes made with beta-glucanases to efficiently decrease juice viscosity» [7].

В данном фрагменте переводчик прибегает к лексико-грамматической замене: причастный оборот *vendanges altérées par Botrytis cinerea* (урожай винограда, пораженный [плесенью] Botrytis cinerea) заменен в ПТ страдательным причастием *«botrytised grapes»* (досл. «ботритизированный виноград»), и опущению части

названия Botrytis cinerea. Такие переводческие решения обусловлены стремлением создать краткий и лаконичный ПТ, что достигается в переводе использованием традиционных для ПЯ моделей словообразования (способность английских существительных, в том числе названий, к конверсии и, как следствие, к смене грамматической парадигмы, позволяет сократить объем ПТ без смысловых потерь). Переводной текст сохраняет информативность, присущую ИТ, и является эквивалентным исходному сообщению.

(2) *«Les résultats de ces essais en cave démontrent que les clarifications des moûts avec la gélatine d'origine porcine et la solution de Qi UP à des doses identiques sont équivalentes»* [6].

«These results show that gelatin (pork origin) and Qi-Up are similar at same dosages» [7].

Как и в предыдущем фрагменте, переводчик применяет приемы лексической замены и опущения: определение, выраженное словосочетанием *[les résultats] de ces essais en cave* (досл. «результаты этих опытов в погребе») заменено определением, выраженным указательным местоимением *«these [results]»* (досл. «эти результаты»); *les clarifications des moûts avec la gélatine* (досл. «оклейка сусла желатином») передано одним словом *«gelatin»*; *la solution de Qi UP* (досл. «раствор Qi UP») передано как *«Qi UP»*. В результате ряда опущений объем ПТ уменьшился в 2,2 раза, однако не утратил функциональной эквивалентности. Вероятно, такие переводческие решения продиктованы стремлением к краткости и лаконичности изложения, нацелены на преодоление избыточности ПТ. Подобная стратегия перевода, которая позволяет избежать информационной избыточности, однако, применима при условии, что реципиент ПТ знаком (из собственного опыта или из контекста научной статьи) с описываемым в ИТ производственным / технологическим процессом, владеет специальной терминологией, понимает принятые в данной предметной сфере условные сокращения, аббревиатуры, названия и пр. Например, что слово *«gelatin»* подразумевает процесс оклейки сусла желатином, а не собственно белковое желирующее вещество.

Приему компрессии, использованному в переводах фрагментов (1) и (2), можно противопоставить прием добавления, который реализует в научно-техническом переводе тактику эксплицирования подразумеваемой информации. Рассмотрим следующие примеры.

(3) *«Il est un précurseur possible d'arômes soufrés négatifs type H2S dits «de réduction» produits lors des fermentations»* [8].

«It can lead to an unpleasant sulphurous, «rotten egg» smell caused by a reduced sulphur (H2S) produced during fermentation» [9].

В данном фрагменте добавление используется при описании неприятного запаха, возникающего в вине из-за образовывающихся вследствие редукции молекул сероводорода: *arômes soufrés négatifs* (досл. «негативных серных запахов») сопровождается традиционным сравнением *«rotten egg» smell* (досл. «запах протухших яиц»). Так переводчик сохраняет информативность ПТ и адаптирует его для лучшего понимания.

(4) *«La vinification adaptée à ces zones va résulter d'un compromis entre l'extraction du potentiel phénolique et la conservation des arômes révélés par la fermentation. Toutes les pratiques développées ces dernières années (macération préfermentaire à froid, à chaud, sous SO2, délestages, pigeages assistés ou non, etc.) visent à ajuster l'équilibre puissance phénolique – puissance aromatique pour que le vin obtenu entre dans une catégorie predetermine …»* [10, p. 87].

«Изготовление вина в таких зонах будет основываться на поиске баланса между экстрагированием фенольных веществ и сохранением ароматов, пробуждающихся при брожении. Все развитые за последние годы практики (холодная мацерация перед брожением, теплая мацерация, мацерация с повышенным содержанием SO2, перелив сусла с нижнего крана бродильной ёмкости на «шапку», погружение мезги в сусло вручную или механическим способом, и т.д.) нацелены на то, чтобы создать такой баланс фенольных веществ и ароматов, чтобы полученное вино входило в предварительно определенную категории…» (перевод наш, – Л.Д.). Отметим, что данный ИТ – это фрагмент научного издания «Fonctionnement des terroirs et savoir-faire viticole: les clés de la qualité» Андре Креспи [10] («Функционирование терруаров и виноградарское мастерство: ключи к успеху»), предназначенного для специалистов в области виноградарства, в котором автор разъясняет устройство терруаров и дает конкретные рекомендации по уходу за виноградником.

Переводчик на русский язык активно использует описательный перевод: *sous SO2* (досл. «под SO2») превратилось в развернутое описание винодельческого процесса – *«мацерация с повышенным содержанием SO2»*. Емкие, но не закрепленные в винодельческом словаре и редко используемые в транскрибированном варианте русскоязычными виноделами термины «*délestage*» (делестаж) и «*pigeage*» (пижаж), были переведены описательно – *«перелив сусла с нижнего крана бродильной ёмкости на «шапку», погружение мезги в сусло»*.

Предпринятые переводческие решения продиктованы требованием адекватной передачи в ПЯ терминов, что необходимо с точки зрения функционально-коммуникативной задачи ИТ передать научное знание и конкретный научный опыт (в данном случае опыт применения разных способов настаивания виноградного сусла на твёрдых частицах винограда для извлечения из них веществ, участвующих в построении ароматических соединений). Поэтому главной задачей переводчика было сохранить информативность, полноту и адекватность исходной информации в ПТ.

(5) *«L'essai en solution modèle montre un enrichissement de 0,07 mg/L du cuivre dans une solution désionisée. Ce meme enrichissement passe aM 0,09 mg/L quand la force ionique varie de 0,001 aM 0,023 M/L. En d'autres termes, et sur des cas extremes, les différences de fuite de cuivre par la formulation ne sont pas significatives (dosage effectué par ICPMS)»* [11].

«Опыт с модельным раствором показывает обогащение медью на 0,07 мг/л в деионизированном растворе. Этот показатель доходит до 0,09 мг/л, когда ионная сила раствора варьирует от 0,001 до 0,023 моль/л. Другими словами, даже в предельных случаях различия в выделении препаратом меди не являются значимыми. Количественный анализ производили методом масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (ICP-MS)» [5].

Данный фрагмент содержит сложный для перевода элемент – французскую специфическую аббревиатуру *«ICPMS»,* которая расшифровывается в ПТ для адекватной передачи ее значения как *«метод масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой»* и сопровождается оригинальной аббревиатурой в скобках, хотя имеется и соответствующая ей аббревиатура в русском языке – ИСП-МС. Несмотря на то, что в исходном тексте аббревиатура дана без расшифровки (текст рассчитан на специалиста), переводчик адаптирует ее в ПТ для адекватной передачи и полного понимания реципиентом.

Соблюдение эквивалентности разного рода сокращений и аббревиатур, являющихся частью энологического терминологического словаря, является особой трудностью для переводчика и требует от него дополнительных знаний. В целом, при переводе аббревиатур, а также многокомпонентных терминов, построенных путем импликации, тактика эксплицирования подразумеваемой информации применяется достаточно часто. Например, если расшифровки термина-аббревиатуры *NM (non-millésimé) – немиллезимное [вино]*, недостаточно для полного понимания смысла, перевод необходимо выполнять описательно, эксплицируя заложенную в нем информацию, – «*вино без указания года сбора урожая*». *NV (non-vintage),*

расшифровка – *невинтажное [вино];* описательный перевод – «*игристое вино без указания года сбора урожая*». *VDN (vin doux naturel)*, расшифровка – *природное сладкое вино*; описательный перевод – *«крепленое вино с содержанием алкоголя 15 – 18% с натуральным остаточным сахаром, ферментация которого прерывается внесением этилового спирта»*.

Рассмотрим фрагмент вводного дегустационного курса, проводимого тренером-консультантом и профессиональным сомелье, и его перевод на английский язык.

(6) *«En effet l'alcool a cette particularité de se contracter au froid et de se dilater au chaud. Donc les vins avec un fort degré d'alcool seront servis plus frais que ceux qui sont plus faibles, on parle alors de chambrer les vins afin rendre cet alcool plus volatil l'alcool dans le vin étant le véhicule des arômes jusqu'à votre bulbe olfactif»* [12].

«In fact, alcohol has this particularity of contracting in the cold and expanding in the warm. So the wines with a high degree of alcohol will be served fresher than those which are weaker, then we speak about deliberately bringing wines to room temperature – chambré (from chambre, 'room') that is to 17 C, which was the temperature of the living rooms a long time ago, in order to make this alcohol more volatile, the alcohol in the wine being the vehicle aromas down to your olfactory bulb» [12].

Данный фрагмент обучающего дискурса (который тоже можно отнести к специальному научному дискурсу) предназначен для неспециалистов, поэтому использование тактики прагматической адаптации в ПЯ вполне оправдано целями и задачами данной коммуникативной ситуации. Использованный профессиональным сомелье термин *«chambrer les vins»* («шамбрировать вина», то есть доводить вино в бутылках до комнатной температуры перед употреблением), несет коммуникативно-релевантную информацию, поэтому максимально полно и точно передан описательно в ПЯ: *«deliberately bringing wines to room temperature – chambré»*, и сопровождается кратким этимологическим пояснением и исторической справкой «*(from chambre, 'room') that is to 17° C, which was the temperature of the living rooms a long time ago*». Как видим, фактор адресата влияет на выбор переводческой стратегии. Если научный (научно-образовательный) дискурс / текст адресован неспециалистам (в данном случае, обучающимся на курсах слушателям), стратегия расширительного перевода (термин С. Ваденшьё) применяется чаще.

Таким образом, главной целью для переводчика научно-технического текста / дискурса в сфере энологии является полное осмысление содержания исходного сообщения и создание коммуникативно-равноценного аналога в ПЯ. Непременным

условием коммуникативно эквивалентного перевода является владение переводчиком адекватной терминологией в ПЯ и знание предметной сферы, в которой осуществляется перевод. Исходя из проведенного сопоставительного анализа фрагментов научно-технических текстов и их переводов в разных языковых парах, можно сделать вывод о том, что переводчик на русский язык чаще прибегает к описательному переводу и добавлениям для разъяснения не существующих или не употребляемых широко в ПЯ терминов. Переводчик на английский чаще применяет опущения с целью преодолеть избыточность и добиться краткости и лаконичности ПТ. В то время как в переводе на русский язык наблюдается тенденция к расширительному переводу, в переводе на английский язык результат адаптации прямо противоположный – компрессия и сокращение объема ПТ. Такую тенденцию можно объяснить, во-первых, гораздо бо́льшей общностью французской и британской винодельческих традиций, и как следствие, исторически более ранним заимствованием английским языком французской винной терминологии и более легкой ее адаптации в принимающем языке, потенциально высокой способностью английского языка к импликации, и, во-вторых, значительными расхождениями морфологических и грамматических норм исходного, французского, и переводящих – английского и русского языков.

Список литературы

1. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография / В.В.Сдобников. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 464 с.
2. Харитонова Е.А. Концептуализация как стратегия перевода научного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 – Пермь, 2006. – 20 с.
3. Алексеева Л.М. Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект): учеб. пособие / Л.М.Алексеева. – Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2013. – 189 с.
4. Абрамичева Е.Н., Лашина Д.А. Энологические термины как объект перевода // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодёжью [сборник научных работ]. – Воронеж: Кварта, Севастополь: ООО Издательство «Шико – Севастополь», 2020. – Вып. 1. – С.3 –13.

Список иллюстративного материала

5. Роже Б. Новые средства для борьбы с тонами редукции в вине. Режим доступа: https://ioc.eu.com/wp-content/uploads/2018/09/GOUT_DE_REDUITS-partie-2-n05-12.pdf (Дата обращения: 17.05.2020).
6. La flottation. Buller pour mieux seìpareer. Режим доступа: https://ioc.eu.com/wp-content/uploads/2017/09/23febef8e06cd85353be45b075d13b65-2014-07-IOC-FLASH-INFO-FLOTTATION.pdf (Дата обращения: 10.04.2020).
7. Floatation bubbles for better clarification. Режим доступа:https://ioc.eu.com/wp-content/uploads/2018/04/IOC-FLASH-INFO-2018-FLOTTATION-EN.pdf (Дата обращения: 10.04.2020).

8. Limitations des teneurs en sulfites. Режим доступа: https://ioc.eu.com/wp-content/uploads/2018/04/Plaq-REDUCTION-SO2-FR.pdf (Дата обращения: 15.04.2020).
9. Reducing sulphite content. Режим доступа: https://ioc.eu.com/wp-content/uploads/2018/04/Plaq_LowSO2Solutions_EN.pdf (Дата обращения: 15.04.2020).
10. Crespy, A. Fonctionnement des terroirs et savoir-faire viticole: les clés de la qualité / A. Crespy. – Chaintré: OENOPLURIMEDIA, 2015. – 191 p.
11. Roger, B. Nouveaux outils pour lutter contre le goût de réduit. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ioc.eu.com/wp-content/uploads/2017/09/5f0c10b91fbb7aa8b1c70636c2e49a98-Art-11-04-Nouveaux-outils-contre-gout-reduit-p2.pdf (Дата обращения: 17.05.2020).
12. Cours d'initiation à la dégustation du vin. Режим доступа: https://www.oenologie.fr/autourduvin/degustation/cours. (Дата обращения: 20.03.2020).

УДК 811.112.2`36

Потенциал функционирования девербативов в разноструктурных языках

Архипова Ирина Викторовна
канд. филол. наук, профессор кафедры французского и немецкого языков
Новосибирский государственный педагогический университет
Россия, Новосибирск
irarch@yandex.ru

Potential of Deverbatives functioning in different-structured languages

Arkhipova Irina Viktorovna
Cand. Sc. (Philology), Professor of the Department of French and German Languages
Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk

Аннотация. В статье рассматриваются потенциал функционирования девербативов в разноструктурных языках (немецком, нидерландском, английском, русском). Потенциал функционирования девербативов позволяет реализовывать их вербогенно-аспектуально-таксисные функции-потенции в высказываниях с предложными конструкциями. Моно- и политаксисные предлоги эксплицируют при этом различные варианты аспектуально-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования (примарного или секундарного характера). Темпоральные предлоги маркируют примарно-таксисную семантику одновременности и разновременности, а гетерогенно-таксисные предлоги модальной, инструментальной, каузальной, кондициональной, концессивной, консекутивной и финальной семантики участвуют в актуализации секундарно-таксисных значений одновременности в немецком, английском, нидерландском и русском языках.

Ключевые слова: девербативы, лексическая семантика, деривационная семантика, потенциал функционирования, аспектуально-таксисные категориальные ситуации, одновременность, разновременность.

Abstract. The article considers the potential of deverbatives functioning in different structural languages (German, Dutch, English, Russian). The potential for the functioning of deverbatives makes it possible to implement their verbogenic-aspectual-taxis functions-potencies in statements with prepositional constructions. Mono- and polytaxis prepositions explicate at the same time various variants of aspectual-taxis categorical situations of simultaneity, precedence and following (of primary or secondary nature). Temporal prepositions mark the primary taxis semantics of simultaneity and non-simultaneity, while heterogeneous taxis prepositions of modal, instrumental, causal, conditional, concessive, consecutive and final semantics are involved in the actualization of the second taxis meanings of simultaneity in German, English, Dutch and Russian.

Keywords: deverbatives, lexical semantics, derivational semantics, potential of functioning, aspectual-taxis categorical situations, simultaneity, non-simultaneity.

Наш исследовательский интерес представляет потенциал функционирования девербативов различной лексической и деривационной семантики в разноструктурных языках (немецком, английском, нидерландском и русском).

Языковые единицы характеризуются функциями-потенциями и функциями-реализациями, а потенциал их функционирования трактуется как «комплекс функций-потенций, возможных реализуемых для данной языковой единицы и определяющих (программирующих) ее поведение в высказывании и в речи в целом» [3, с. 352].

Потенциал функционирования девербативов позволяет реализовывать их вербогенно-аспектуально-таксисные функции-потенции в различных высказываниях с предложными конструкциями в немецком, английском, нидерландском и русском языках.

Под таксисными значениями следует понимать хронологические значения одновременности, предшествования, следования, имеющие место между двумя или несколькими действиями (событиями, процессами) в рамках целостного временного периода безотносительно момента речи [1; 2; 3; 4; 5].

Вербогенно-аспектуально-таксисный потенциал девербативов обусловлен их лексической (деривационной) и аспектуально-таксисной семантикой. Они характеризуются синкретичной двухслойной семантикой и различной степенью вербогенности, ревербализуемости и таксисности. В процессе деривации в их семантической структуре появляются конкретно-предметные значения и степень их вербогенности и таксисности минимизируется.

Среди обследованных девербативов немецкого языка мы выделяем акциональные, процессуальные, статальные и событийные следующих словообразовательных моделей: аффиксальные девербативы на *-en* (*das Aufstehen, das Erwachen, das Nachdenken, das Schlafen, das Nachdenken, das Erwägen, das*

Überlegen, das Lachen, das Husten, das Schnarchen, das Grinsen, das Seufzen, das Nicken, das Zucken, das Brummen, das Surren, das Schaukeln); аффиксальные девербативы на *-ung, -t , -e* (*die Begegnung, die Beobachtung, die Erinnerung, die Betrachtung, die Überlegung, die Unterredung, die Scheidung, die Verabredung, die Ankunft, die Abreise, die Abfahrt, die Fahrt*), а также безаффиксные девербативы (*der Einstieg, der Abstieg, der Aufstieg, der Auszug, der Eintritt, der Einzug, der Anblick, der Umzug, der Schlag*).

Семантика вербогенно-аспектуально-таксисных девербативов детерминирует их функциональный потенциал, позволяющий им актуализировать аспектуально-таксисные значения одновременности и разновременности. Ревербализуемые девербативы характеризуются максимальной степенью вербогенности и таксисности. Они характеризуются прототипичностью, регулярностью, «центральностью» и составляют прототипическое ядро категории девербативов, актуализирующих аспектуально-таксисные значения одновременности и разновременности.

При сохранении акциональной семантики производящих глаголов они последовательно актуализируют аспектуально-таксисные значения одновременности и разновременности (в частности, акциональные, процессуальные, событийные и статальные девербативы на *-en, -ung, -e, -t* и безаффиксные девербативы событийной семантики). Неакциональные девербативы конкретно-предметной семантики характеризуются минимальной степенью вербогенности и таксисности. В силу своего минимального вербогенно-аспектуально-таксисного потенциала они не участвуют в актуализации аспектуально-таксисных значений одновременности и разновременности.

Предлоги в составе предложных девербативов являются экспликаторами или маркерами различных вариантов аспектуально-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования. Монотаксисные предлоги каузальной, инструментальной, концессивной, консекутивной, финальной семантики эксплицируют лишь одну разновидность аспектуально-таксисной категориальной ситуации одновременности секундарного (вторичного, обстоятельственного) характера: каузально-таксисную (предлоги *aus, wegen, vor, aufgrund*), инструментально-таксисную (предлоги *per, mittels, dank*), концессивно-таксисную (*trotz, ungeachtet*), консекутивно-таксисную (*infolge*), финально-таксисную (*zu, für*). Например:

Wegen Verzögerung des Wahlergebnisses war es zu schweren Unruhen in Honduras gekommen. (LC).

Es wird ein Argument aufgestellt, das Kopernikus *aufgrund der Beobachtung* widerlegt (Dwds).

7000 Zuschauer kletterten auf Bänke und Stühle, warfen *vor Begeisterung* ihre Arme in die Luft … (Dwds).

Dieser Umstand sollte aber nicht mittels Verbots bzw. Ermahnung, sondern *per Aufklärung* vor Ort den Menschen näher gebracht werden. (LC).

Wie sich herausstellte, war es *dank des schnellen Eingreifens der Zeugen* noch zu keiner Straftat gekommen. (LC).

Kairo seit zwei Monaten währten, wurden laut The Times *infolge der Abreise* des ägyptischen Außenministers nach Lake Success unterbrochen (Dwds).

Политаксисные предлоги *in, bei, mit, unter, durch* эксплицируют несколько вариантов аспектуально-таксисных категориальных ситуаций одновременности (темпорально-таксисные, каузально-таксисные, кондиционально-таксисные, модально-таксисные, инструментально-таксисные, медиально-таксисные). Например:

Im Nachdenken gehen mir die berühmten drei Fragen Immanuel Kants durch den Kopf: Was kann ich wissen? (LC).

Das Repräsentantenhaus machte auch Zugeständnisse *bei der Einschränkung der Rechte Gefangener*. (LC).

Темпорально-таксисные предлоги w*ährend, vor, seit, nach, bis,* а также политаксисные предлоги *bei, in, mit* в темпоральном значении маркируют семантику примарного (первичного) таксиса одновременности, предшествования или следования. Например:

Während der Verhaftung spuckte sie einem der Polizisten ins Gesicht. (LC).

Vor der Abreise wurde intensiv geprobt. (LC).

Nach Untersuchung erster Proben gehen die Behörden vom Norovirus aus. (LC).

Среди нидерландских девербативов мы выделяем: (1) акциональные, событийные и процессуальные имена, образованные с помощью суффиксов *-ing, -st, -t* (*mishandeling, handeling, versleuteling, ontvangst, vlucht, ontmoeting, aankomst, bijeenkomst);* (2) акциональные, статальные и процессуальные имена на *-en* (*zingen, lezen, leren, zwemmen, rusten, genieten, huilen verschijnen, vertrekken, nadenken, blijven, slapen, drinken, opstaan, overnachten, voetballen, rijden, komen, spelen, schrijven, lachen, doorgaan, begrijpen, pakken, wennen, vertellen, oefenen, bewegen, missen, houden, doorbrengen, verblijven, trainen, liggen, wandelen, draaien, proberen, zetten,*

skilopen, mishandeling, schaatsenrijden); (3) акциональные девербативы, образованные с помощью конверсии (*beet - bujten*). Например*:*

Tijdens de vlucht valt de roodachtige staart op (LC).

Na een ontmoeting met Gauguin wist hij welke weg hij wilde inslaan (LC).

Tijdens deze bijeenkomst zal burgemeester Steenkamp de aanwezige veteranen toespreken, waarna er gelegenheid is voor contact en ontmoeting (LC).

Na aankomst op La Digue vindt de taxi transfer plaats naar uw accommodatie (LC).

Na het zwemmen werden er weer volop kaartspelletjes gespeeld en moesten er boodschappen gedaan worden (LC).

Bij het slapen gaan zag ik net als gisteravond de kleine beer, en met enige moeite de poolster (LC).

Voor het slapen krijgen ze een zakje natvoer (LC).

Na enig nadenken vermoed ik dat het probleem eerder door een toevalligheid is gebeurd (LC).

В высказываниях, содержащих девербативы с темпоральными предлогами *na, vanaaf, sings, sedert, bij, gedurence, onder, hangende, voor, tijdens, tande, detot aan,* актуализируются примарно-таксисные значения одновременности, предшествования и следования. Например:

Kortom samenwerken is *bij het skilopen* van groot belang! (LC).

Bij het eten van gefermenteerde melkproducten nemen we een extra portie nuttige bacteriën tot ons (LC).

Voor het slapen is dat erg handig, want onze bedjes liggen aan stuurboord zijde (LC).

Tijdens het douchen en slapen mag de brace af (LC).

Bij het slapen gaan zag ik net als gisteravond de kleine beer, en met enige moeite de poolster (LC).

Bij het zingen en inzingen integreren we zoveel mogelijk de gekregen tips en aanwijzingen! (LC).

Na het slapen werden er groepsfoto's gemaakt (LC).

Na het eten kon je op een traditioneel kleedje genieten van echte Senegalese thee (LC).

При сочетании с гетерогенно-таксисными предлогами каузальной, концессивной, консекутивной, инструментальной, семантики *ondanks (несмотря на), ongeacht (несмотря на), ingevolge (вследствие, из за, по (поводу)), vanwege (из-за), met (с, посредством чего-либо), per (посредством), trots (вопреки), wegens (вследствие, из-за)* нидерландские девербативы актуализируют различные

секундарно-таксисные значения одновременности (каузально-таксисные, концессивно-таксисные, каузально-таксисные и др.). Например:

In de tussentijd bleek de basisarts aangifte tegen mij te hebben gedaan *wegens mishandeling*. (LC).

Het opslaan kan even duren, *wegens de versleuteling* die plaatsvindt (LC).

De energievraag in de wereld zal daarom toenemen, *ondanks energiebesparing*. (LC).

Среди акциональных, статальных и процессуальных девербативов английкого языка следует различать: (1) имена, образованные по типу конверсии (*run, walk, say, smile*); (2) девербативы словообразовательной модели на *-ing* (*coming, landing, believing, washing, hearing, leaving, bombing, writing, painting, sailing, arriving, learning, helping, drinking, saying, feeling, rattling, moving, dancing, twittering, chirruping, winking, turning, grumbling, grunting, prohibiting, waking, awakening, objecting, knowing, understanding, feeling, seeing, viewing, surveying, supervising, inspecting, thinking, doubting, speculating, promoting, flowering*); (3) суффиксальные девербативы, образованные с помощью суффиксов *-ment (development, movement, tremblement, advancement, agreement), -ion* (*repetition, intervention, expectation, permission, oppression, repression, occupation, presentation, prohibition, intervention, intrusion, progression, examination, observation, objection, exception, revision, interpretation, protestation, approbation, conscription, replication, calculation, contemplation, hesitation, deprecation)*, *-ance (-ence) (disturbance, resistance, forbiddance, advance, accidence, attendance, hesistance, florescence), -age (usage, passage*), *-al (arrival, approval)*; *-u,e* (*departure*). Например:

After this walk, the group may travel a short distance to find more wintering eagles on former Round Prairie. (LC).

Woolley said King's quiet confidence was evident shortly *after her arrival* in Dillon last year. (LC).

After speculation grows Fekir is on the verge of sealing a deal, his agent denies a deal is anywhere near completing. (LC).

Deregulation was justified, he said, *by an expectation* that it would generate competition resulting in lower costs for users. (LC).

Haynes said Harriet Washburn of Rogers gave him his first opportunity *after the intervention*. (LC).

This author interview originally appeared on and is reprinted *with permission*. (LC).

Collins had several stitches and was hospitalized *for observation*. (LC).

В высказываниях с английскими девербативами с темпорально-таксисными предлогами *upon, on, at, by, after, before, during* актуализируются примарно-таксисные значения одновременности, предшествования и следования. Например:

Upon arrival, students have an orientation and unpack their belongings. (LC).

During prohibition, alcohol was only available for medicinal purposes. (LC).

Upon third reading of the designation bylaw, the Fraser MacDonald Building will be designated as a Municipal Resource. (LC).

And after this development, Denmark became the trendy place to go for gastronomy. (LC).

Гетерогенно-таксисные предлоги модальной, кондициональной, каузальной, концессивной, финальной, инструментальной, консекутивной семантики *with, by, in, because of, despite, in spite of, for, providing, provided (that)* маркируют секундарно-таксисные значения одновременности в сочетании с обстоятельственными значениями логической обусловленности. Например:

Lindsey said Encore also practices cardio *by dancing* and *singing* throughout the school. (LC).

But, *in the expectation* that the information would reach Mao, Dulles did hint to Indian Prime Minister Jawaharlal Nehru that the Eisenhower administration was prepared to widen the war if negotiations did not succeed. (LC).

Why do you forget we were successful in eradicating small pox *despite social resistance*. (LC).

You'd think the most obvious reason *for laughing* would be because we think something's funny. (LC).

He mentioned, *with some hesitance*, that the cost worried him a bit. (LC).

Среди акциональных, процессуальных, событийных и статальных девербативов русского языка мы выделяем производные имена следующих словообразовательных (деривационных) моделей: (1) *-ние/-ение, -тие/-ие* (*напоминание, молчание, пение, чтение, прочтение, содействие, рисование, отправление, отбытие, прибытие, отплытие, перемещение, измерение, совершение, обучение, обдумывание, продумывание, рассмотрение, рассматривание, наблюдение, приобретение, взвешивание, регулирование, ремонтирование, открывание, проживание*); (2) *-к(а)/-овк(а)/-ёжк(а)* (*резка, посадка, поливка, бомбежка, доставка*); (3) *-ация* (*реализация, оптимизация, модернизация);* (4) *-ч(а)* (*добыча, раздача, выдача, отдача*)*;* (5) *-б(а)* (*борьба, стрельба, ходьба, косьба, пальба*); (6) *-ок* (*кивок, толчок, бросок, пинок*); (7) *-ø* (*приезд, отъезд, приход, отход, обход, объезд, осмотр,*

просмотр, пересмотр, досмотр, вывоз, перехват, отлет, прилет, взлет, запрет, опрос, допрос, крик, стон). Например:

Родители её одну благословляют *до прихода жениха*. [НКРЯ].

Накануне отъезда у Джесси ещё не было визы. [НКРЯ].

С его приездом при дворе и в домах знатных людей стал чаще звучать французский язык, чем презираемое народное наречие [НКРЯ].

После одобрения Думой проект в начале 1911 года поступил в Государственный совет. [НКРЯ].

Темпоральные предлоги *во время, в течение, после, перед, до, с, при* эксплицируют примарно-таксисные значения одновременности, предшествования и следования. Например:

Во время броска он смещается, меняя центр тяжести, и от этого траектория яйца становится неуправляемой [НКРЯ].

У нее было настолько больное сердце, что *при ходьбе* женщина задыхалась [НКРЯ].

Во избежание потемнения некоторые овощи *после резки* следует пробланшировать, ошпарив их кипятком [НКРЯ].

В высказываниях с русскими девербативами с поли- и монотаксисными предлогами *при, под, для, ради, вопреки, несмотря на, вследствие, в силу, благодаря, из-за, от* актуализируются категориальные ситуации сферы секундарного (обстоятельственного, сирконстантного, логически обусловленного) таксиса. Например:

И *под бормотание ветра* Юрий Андреевич пал, просыпался и засыпалв быстрой смене счастья и страданья, стремительной и тревожной, как эта переменная погода, как эта неустойчивая ночь. [НКРЯ].

При ближайшем рассмотрении оказывается, что в «деле ЮКОСа» совпало множество различных интересов. [НКРЯ].

Конфликты не затихают в Колумбии и ряде других стран, *несмотря на использование правительствами современных наступательных военных стратегий*. [НКРЯ].

Технологическая безработица увеличивается и в развивающихся странах – главным образом *вследствие применения высоких технологий* транснациональными корпорациями. [НКРЯ].

На основе этого ядра корпорация выпустила три серии процессоров *для применения их в сетевых устройствах* типа коммутаторов и маршрутизаторов, устройствах ввода/ вывода и КПК. [НКРЯ].

Итак, потенциал функционирования девербативов позволяет им актуализировать аспектуально-таксисные значения одновременности и разновременности в высказываниях с предложными конструкциями. Моно- и политаксисные предлоги эксплицируют различные варианты аспектуально-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования (примарного и секундарного характера). Темпоральные предлоги маркируют примарно-таксисную семантику одновременности, предшествования и следования, а гетерогенно-таксисные предлоги модальной, инструментальной, каузальной, кондициональной, концессивной, консекутивной и финальной семантики эксплицируют секундарно-таксисные значения одновременности в немецком, английском, нидерландском и русском языках.

Список литературы

1. Архипова И. В. Функциональный потенциал девербативов и его реализация в контексте// Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 74-87.
2. Архипова И.В. Функциональная нагрузка девербативов в разноструктурных языках// Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 4-12.
3. Бондарко А.В. Теория значения в аспекте функциональной грамматики: На материале русского языка/ Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736с.
4. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. – 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
5. Полянский С.М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка): Учебное пособие к спецкурсу. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1990. 90 с.

Источники иллюстративного материала

6. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: http://www.wortschatz.uni-leipzig.de (дата обращения: 14.05. 2020).
7. Dwds – Немецкий корпус. URL: http://www.dwds.de (дата обращения: 14.05.2020).
8. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 14.05. 2020).

УДК 10.02.19

Роль лексических сетей в методике преподавания иностранного языка и в компьютерной лингвистике

Вагин Никита Алексеевич
Студент, Ишимский педагогический институт (филиал) ТюмГУ, РФ, г. Ишим
nikitos19982610@mail.ru

The role of lexical networks in the studying foreign language and computer linguistics

Vagin Nikita Alexeyevich
Student, Ishim Teacher Training Institute (branch of) Tyumen State University
Russia, Ishim

Аннотация. Изучение лексики иностранного языка - трудный и важный процесс. Не всегда получается выстроить правильное словосочетание или предложение, с точки зрения лексической сочетаемости. Поэтому статья посвящена рассмотрению одной из главных проблем лексических сетей – сочетаемости лексем в определенной системе. Исследование данного вопроса приблизит нас к пониманию того, какое огромное значение могут оказывать лексические сети на методику преподавания иностранного языка и компьютерную лингвистику.

Ключевые слова: лингвистика, лексика, семантика, слово, лексическая сеть, преподавание, английский язык, ассоциация, сочетаемость, корпусная лингвистика

Abstract. Learning a foreign language is a difficult and important process. It is not always possible to build the correct phrase or sentence, from the point of view of lexical compatibility. Therefore, the article is devoted to the consideration of one of the main problems of lexical networks is the compatibility of lexemes in a particular system. The study of this issue will bring us closer to understanding what great importance lexical networks have on the methods of teaching a foreign language and computational linguistics.

Key words: linguistics, vocabulary, semantics, word, lexical network, teaching, English, association, compatibility, *corpus* linguistics

Перед тем, как приступить к предмету исследования данной научной статьи – лексическим сетям, которые строятся из цепи лексем, важно вспомнить про словари. Можно выделить два типа словарей: те, которые раскрывают лексическое значение слова, его коннотации; и те, которые помогают нам излагать свои мысли на иностранном языке. На современном этапе развития лингвистики становится востребованным изучение словарей второй группы. Но создание таких словарей требует огромных ресурсов: интеллектуальных, временных, финансовых. Создание таких масштабных платформ следует поддерживать со стороны государства, которое должно быть заинтересовано в продвижении языка и культуры своей страны. Чтобы использовать словарь такого типа в изучении иностранного языка, он должен

содержать в себе все функциональные связи лексемы и полную информацию о ней, что позволит превратить свои мысли в полноценное и связное высказывание.

Например, в словарной статье для лексической единицы «to work» (работать), помимо дефиниции необходимо указать на связи, в которые вступает данное слово, с другими лексемами: кто работает, где, сколько, зачем. Должна прослеживаться связь с существительными «работник» и «работодатель», а также, «место работы», «деньги» и т. д. Это и есть ничто иное, как лексическая сеть.

Данное явление можно назвать «ассоциативным рядом» лексической единицы. Это явление ярко показывает то, как слова конкретного языка связаны между собой в нашей голове. Из билингвальных, монолингвальных, толковых, электронных словарей мы не можем получить полную картину о сочетаемости лексических единиц. Поэтому на уроках иностранного языка учащиеся привыкли переводить слово за словом в надежде получить корректный смысл предложения. Но, по факту, в большинстве случаев, получается набор слов, с которым учащиеся не знают, как работать. То же самое касается и анализа текста, производимого машиной, который основан на корпусной лингвистике. При генерации предложения, в котором словосочетания связаны прочными синтагматическими, парадигматическими, семантическими и другими видами связи, система очень часто формирует предложения, с несочетающимися лексическими единицами. В последующих разделах, мы убедимся в том, что корпусные словари далеки от совершенства.

Что же касается обычных словарей, они часто дают скудные и далеко не полные сведения о сочетаемости лексических единиц. Потому, у людей, изучающих языки, велико искушение просто переводить слово за словом и надеяться, что в итоге получится та же мысль, которую он спроектировал у себя в разуме. Но это так не работает, всё устроено гораздо сложнее.

Есть явление лексической сочетаемости — коллокации, которые перевести дословно с одного языка на другой не выходит. Что же такое коллокация? Обратимся к определению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Они писали, что «коллокация - это слабоидиоматичные фразеологизмы преимущественно со структурой словосочетания, в которых семантически главный компонент (база) употреблен в своем прямом значении, а сочетаемость со вспомогательным компонентом (коллокатором) может быть задана в терминах семантического класса, но выбор конкретного слова предопределен узусом» [2, с. 73].

Например, коллокацию «нарушить закон», по-английски мы скажем «to break the law», что при переводе на русский язык будет звучать, как «сломать закон».

Можно сделать вывод, что для каждой отдельно взятой языковой системы характерна определенная сочетаемость между словами. Если в русском языке конкретное прилагательное можно использовать в сочетании с одними существительными, то в английском языке, это же прилагательное с данными существительными несовместимо.

Обратимся к национальному корпусу английского языка (British National Corpus (BNC) – ресурсу, который разработан на основе корпусной лингвистики. На данной платформе можно проследить за сочетаемостью определенной лексемы с разными частями речи. Сначала идут наиболее употребительные в речи коллокации, с указанием на число цитирований в: прессе, публикациях, книгах, записях разговорной речи и т.п. Рассмотрим словарную статью прилагательного «heavy» Обратим внимание на сочетаемость этого слова с некоторыми существительными: heavy cream (густые сливки), heavy metal (хэви-метал (поджанр рок-музыки)), heavy rain (сильный дождь), heavy lifting (тяжелая атлетика). Примечательно, что все словосочетания с данным прилагательным мы будем переводить по-разному. Мы не можем сказать, тяжелые сливки или тяжелый дождь.

В англо-русском словаре Мюллера, прилагательное «heavy» раскрывается в 22 значениях [4, с. 382]. Человеку, который находится на начальном этапе изучения иностранного языка, будет очень трудно понять какой перевод слова на русский необходимо использовать в данном контексте, потому что объяснение связей межу коллокациями сведено к минимуму. Что касается школьных словарей, как правило, в них обычно дается всего одна дефиниция, исходя из которой, мы не можем получить полное представление о лексическом значении. Отсюда и вытекает самая главная проблема при переводе – полисемия. Особенно эта проблема ярко выражена в английском языке, где одно слово может включать себя десяток и более оттенков значения. Исходя из этого, важно грамотно и плотно выстроить изучение сочетаемости слова и его семантическое поле, поэтому создание единого словаря-тезауруса, где будут подробно и понятно описаны все функциональные связи между словами, облегчит и расширит работу с лексикой иностранного языка.

Синонимы и антонимы являются самыми простыми лексическими функциями. Они характеризуют как парадигматические, так и синтагматические связи. Парадигматические отношения отражают семантический выбор, доступный на определенном этапе построения предложения. Например, I will have a glass of: beer, wine, water, lemonade. Как правило, парадигматические отношения включают слова,

принадлежащие к одной и той же лексико-семантической группе, например: We bought some (knives, forks, spoons). Доминантой данной ЛСГ будет слово «cutlery».

Рассмотрим подробнее синтагматические связи. Синтагматические связи - это отношения, в которых единицы речи встречаются последовательно или параллельно, взаимодействуя между собой, создавая смысл высказывания, который необходимо донести в процессе общения [2, с. 230].

Последовательность и сочетаемость – главные составляющие синтагматических отношений. Более того, синтагматические отношения часто регулируются строгими правилами, такими как орфография и грамматика.

Так, например, буквы в слове имеют синтагматическую связь друг с другом, как и слова в предложении или объекты на картинке. Поэтому, чтобы понимать и говорить на иностранном языке, важно правильно выстраивать процесс формирования синтагматических отношений. В современном мире все больше говорят об искусственном интеллекте. Существует огромное количество ресурсов: информационный поиск, онлайн-переводчики, голосовой поиск. Но они построены на парадигматических отношениях. Когда разработают платформу, которая будет описывать все лексические функции необходимые для правильной передачи смысла высказывания, то тогда мы сможем создать искусственный интеллект, который будет способен общаться на уровне с человеком. Кроме того, мы приблизимся к пониманию того, как именно слова хранятся у нас в подсознании.

В системе языка все основано на отношениях, которые могут возникнуть между единицами в системе. Эти отношения состоят в основном из различий.

Согласно Соссюру, синтагматические отношения являются наиболее важным видом связи между единицами в знаковой системе, потому что они выстраиваются линейно. В устной или письменной речи слова следуют одно за другим. Поскольку язык является линейным, он образует цепочку, с помощью которой одна единица связана со следующей [5, с. 35-37]. Примером этого является тот факт, что в английском языке порядок слов определяет значение, потому что положение слова в цепочке значений - способствует правильному пониманию. Английский порядок слов имеет особую структуру: субъект-глагол-объект.

Комбинации или отношения, образованные положением в цепочке, например, когда слово находится в предложении, называются синтагмами. Примерами синтагм могут быть любые фразы или предложения, которые вступают в линейную связь между двумя или более единицами: It is too small to fit into this box. Слова внутри

синтагмы приобретают значение только потому, что они противостоят тому, что было до и после них.

Синтагматические отношения наиболее важны в письменной и устной речи, в дискурсе, где важны идеи времени, линейности и синтаксического значения. Существуют и другие виды отношений, которые существуют вне дискурса [1, с. 176].

Слова хранятся в памяти человека не в синтагматических связях или предложениях, а в ассоциативных группах. Например, слово «education» может быть связано не с глаголами и прилагательными, а с другими словами, которые оканчиваются на «-tion»: celebration, reaction, defection и др. Также мы можем хранить слово у себя в памяти благодаря его сходству с другими лексемами, которые имеют сходные ассоциации и входят в одну ЛСГ и тематическую группу. Например, «education»: student, teacher, school, blackboard и др. Или мы можем хранить слова исходя из конкретного критерия.

Идея ассоциативных групп и связей наталкивает на мысли о том, что слова в нашей памяти связаны абсолютно так же, как и лексические сети в области компьютерной лингвистики. Поэтому важно наращивать исследования в области изучения лексических сетей и их применения в развитии искусственного интеллекта и методике преподавания иностранного языка. Именно тогда, когда человек поймет, как именно выстроена лексическая паутина в его подсознании, он сможет научить думать и мыслить машину, которая, на данный момент, способна только выполнять заданный алгоритм действий.

Ассоциативные отношения находятся только в голове, а не в структуре самого языка, тогда как синтагматические отношения являются продуктом языковой структуры. Синтагматические отношения важны, потому что они структурируют и упорядочивают смысловую систему языка. Ассоциативные отношения важны, потому что они нарушают закономерности, установленные в строго грамматических, линейных – синтагматических - отношениях, и допускают метафорические выражения.

Список литературы

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., Наука, 1975. С. 276 с.
2. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. – М.: Флинта: Наука, 2009. –С.344.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие. М., 2013. С. 312.
4. Мюллер В.К. Новый англо-русский, русско-английский словарь. 40 000 слов и выражений. М., Эксмо, 2018. С. 880.

5. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с французского А. М. Сухотина, под редакцией и с примечаниями Р. И. Шор. М., Едиториал УРСС, 2004. С. 51.

УДК 81.27

Лингвостилистические особенности презентации концептов “Life” / “Death” в романе Д. Грина “The Fault in Our Stars”

Варданян Полина Леонидовна
Выпускник, Челябинский государственный университет, РФ, г. Челябинск
polva13@mail.ru

Linguostylistic peculiarities of the presentation of concepts "Life" / "Death" in the novel "The Fault in Our Stars” by J. Green

Vardanian Polina Leonidovna
Graduate, Chelyabinsk state university, Russia, Chelyabinsk

Аннотация. В данной статье автор рассматривает фундаментальные для исследования понятия «концепт», «концептуальная картина мира», «языковая картина мира» и анализирует лингвостилистические особенности презентации концептов “life” и “death” в романе Д. Грина “The Fault in Our Stars”: выделяются общие и наиболее частотно используемые в произведении стилистические приёмы для представления изучаемых концептов.
Ключевые слова: концепт, концептуальная картина мира, языковая картина мира, метафора, стилистический эффект, американская лингвокультура.

Abstract. In this article, the author examines the fundamental notions of "concept", "conceptual picture of the world", "language picture of the world" and analyzes the linguostylistic peculiarities of the presentation of concepts "life" and "death" in J. Green's novel "The Fault in Our Stars": the author highlights the common and the most frequently used stylistic devices for the presentation of the studied concepts.
Keywords: concept, conceptual picture of the world, language picture of the world, metaphor, stylistic effect, American linguoculture.

В последнее время лингвистика проявляет большой интерес к исследованию лингвокультурных концептов на материале художественных произведений. Многогранность концепта и неоднозначность в его определении делают актуальным его изучение, которое является важным инструментом в отслеживании тенденций и закономерностей в развитии языка, культуры и картине мира. Более того, исследование концепта и презентующих его стилистических средств в художественном произведении позволяет выявить особенности мышления автора,

его индивидуальное восприятие исследуемого концепта и оценить вклад, вносимый им в лингвокультуру и стилистику языка.

В работе исследуются лингвостилистические особенности презентации концептов “life” / “death” на материале романа Д. Грина “The Fault in Our Stars”. Для проводимого исследования прежде всего важно определить понятия концепта, концептуальной и языковой картин мира. А.П. Бабушкин понимает концепт как дискретную, содержательную единицу коллективного сознания или идеального мира, которая хранится в вербальном виде в национальной памяти у представителей языка [3]. Концепт, представляя собой ментальную единицу мышления, содержащую накопленный опыт и знания об окружающей действительности и её объектах, носит в том числе и абстрактный, эмоциональный характер, переживаем, что и отличает его от понятия [2]. Согласно положениям когнитивной лингвистики концепт по своей природе не только коллективный и универсальный, но в первую очередь и индивидуальный: каждый индивид априори понимает и переживает тот или иной концепт через призму своего собственного восприятия, невзирая на то, что на это восприятие накладывает национальный опыт, обладает собственной концептуальной картиной мира – структурированным в виде совокупностей концептов знание человека о мире, которое вербализуется в конкретной речевой ситуации [1]. Она неразрывно связана с языковой картиной мира, которую ряд языковедов (Т.И. Воронцова, З.Д. Попова, С.Ю. Аншакова и др.) описывают как субъективный образ объективного мира, который выступает как средство репрезентации концептуальной картины мира, целиком, однако, её не охватывая [4]. Иными словами, языковая картина мира представляет собой знание, содержащееся и находящее своё выражение в языке. В то же время человеческое сознание и представление об окружающем мире зачастую выходят за возможности языка, поэтому можно заключить, что концептуальная картина мира отражается в языковой, но остаётся более широкой и полной.

Особенности человеческого мышления возможно выявить с помощью анализа лингвостилистических приёмов, к которым обращается автор для презентации концептов в художественном произведении. Важно отметить, что личное понимание конкретного концепта и то, которое закреплено во всей лингвокультуре в целом, могут быть в некоторой степени различны, но не взаимоисключают друг друга, а, скорее, дополняют: в сознании индивида будет присутствовать представление о концепте, данное лингвокультурой, в которой вырос человек. В то же время его индивидуальный опыт, языковая личность, индивидуальная картина мира и

особенности мышления будут способствовать появлению тех образов у концепта, которые могут на данный момент отсутствовать в лингвокультуре человека. Можно предположить, что, исходя из этого, личностное понимание окажется более глубоким и будет расширять лингвокультуру индивида.

Роман Д. Грина "The Fault in Our Stars", посвящённый истории больных онкологией молодых людей, напрямую связан с темой жизни и смерти и отражает понимание данных концептов в том виде, в котором оно существует в концептуальной картине мира самого автора и его лингвокультуры. В центре романа – шестнадцатилетняя Хейзел Грейс Ланкастер, сражающаяся с раком щитовидной железы с метастазами в лёгких, и её возлюбленный Огастус Уотерс, разделяющий с девушкой бремя тяжёлого заболевания.

В ходе исследования удалось выявить особенности презентации концепта *"life"* на стилистическом уровне языка. На синтаксическом уровне был обнаружен полисиндетон: *"… Everyone talking about fighting and battling and winning and shrinking and scanning", "… Sat down in the Circle of Trust, and listened to Patrick recount for the thousandth time his depressingly miserable life story – how he had cancer and they thought he was going to die but he didn't die and now here is…"* [5, p.14], с помощью которого автор передаёт незаинтересованность и скуку Хейзел, не любящей давящие на жалость истории о тяжелой жизни и ее испытаниях онкобольных, лишний раз напоминающие, что, к несчастью, ее жизнь именно такая. Встречается пример параллелизма: *"There was time before organisms experienced consciousness, and there will be time after"*, через который выражается идея Хейзел о том, что в масштабах вселенной жизнь бесконечна и будет длиться вечно, даже тогда, когда времена сменятся, одни живые организмы сменятся новыми, а человечество и вовсе перестанет существовать. *"Buy me a fake ID so I can go to clubs, drink vodka, and take pot"* [5, p.7] – в том числе пример параллелизма, в котором главная героиня с долей иронии говорит о том, что жизнь обычной молодой девушки, которой так желает для нее мать, скорее заключается в обыденных развлечениях, а не в посещении группы поддержки.

На лексико-семантическом уровне обнаруживается ряд метафор: в романе концепт "life" представлен автором как борьба и сражение *("Everyone talking about fighting and battling…")*, цветение и увядание *("…shrinking and scanning")*, свет, испытание (*"Guide us to life and the Light through our times of trial")*, надежда *("…hope was clung to…")*, депрессия *("…my mother decided I was depressed")*, бомба, которая вот-вот взорвётся *("I'm a grenade and at some point I'm going to blow up…")*, память *("…she*

would live forever in their memories"), юдоль слёз *("…I have trod through this vale of tears…")*, неуправляемые американские горки, несущиеся только вверх (*"I'm on a roller coaster that only goes up, my friend)*, опыт и переживания *("…I knew from years of experience…")*, заранее проигранная война *("…war sure to be lost")*, трудные времена *("I know you're facing a challenging time")*, бег с препятствиями *("They had reached the end of a hurdling sprint, too")*, несчастье *("…the misery of her days…")*. Также было выявлено сравнение *("I'm like a grenade, mom")* и эпитет *("Isn't that the real heroism?")* [5, 318 p.].

Опираясь на полученные данные, можно заключить, что стилистические приёмы для презентации концепта *"life"* в романе по большей части расположены на двух языковых уровнях: синтаксическом и лексико-семантическом. Из всех выявленных стилистических средств синтаксического уровня автор обращался наиболее частотно к таким, как параллелизм и полисиндетон, а на лексико-семантическом уровне метафора применяется автором значительно чаще других приёмов. Это объясняется тем, что, во-первых, метафора – это в первую очередь образное средство, а у концепта имеется образ, и, во-вторых, с точки зрения когнитивной лингвистики метафора рассматривается как образное построение, которое формирует концепт и обеспечивает связь между его слоями.

Исследование стилистических приёмов, к которым обращается автор с целью представить в романе концепт *"death"*, помогло выявить на синтаксическом уровне обособление и парцелляцию: *"But, in fact, depression is not a side effect of cancer. Depression is a side effect of dying. (Cancer is also a side effect of dying. Almost everything is, really.)"* Такое построение предложений характерно для Хейзел, которая, с одной стороны, спокойно и невозмутимо рассуждает о своей смертельной болезни, но, с другой стороны, в то же время не хочет акцентировать на ней особое внимание, не хочет позволять этому занимать все ее мысли, и потому они как бы обрываются, сменяют друг друга. Во фразе Хейзел*"There will come a time when all of us are dead. All of us"* наблюдается анадиплосис. Данный приём создает эффект неотвратимости смерти; с его помощью героиня выражает мысль о том, что когда-нибудь всему – всему без исключения – приходит конец, что гибель всего живого в конечном счёте неминуема. Хейзел продолжает: *"Everything that we did and build and wrote and thought and discovered will be forgotten and all of this will have been for naught"* – здесь используется полисиндетон, заключающийся в чрезмерном употреблении союзов. Данный приём помогает представить масштабы того, что со временем будет забыто и умрёт: Хейзел считает, что совершенно всё – и мысли, и литература, и архитектурные

строения, и открытия – однажды забудется и канет в лету. Иными словами, для героини смерть видится всеобъемлющей и безжалостной, однако сама Хейзел относится к этому мудро и даже в какой-то мере равнодушно. Автор обращается к полисиндетону и в следующем примере: *"And we remember in our hearts those whom we knew and loved who have gone home to you: Maria and Kade and Joseph and Haley and Abigail and Angelina and Taylor and Gabriel and…"*, в котором члены группы поддержки поминают каждого, кто пал жертвой неизлечимой болезни. Здесь же используется умолчание. Вместе оба стилистических приёма помогают читателю ощутить масштаб трагедии и скорби, осознать то, насколько велико число тех, кого настигла смерть ввиду страшной болезни, и что оно будет только продолжать расти.

Также были выявлены следующие метафоры на лексико-семантическом уровне: смерть как забвение *("I fear oblivion")*, которого так страшится главный герой Огастус, убеждённый, что быть забытым все равно что никогда не жить; смерть как Дамоклов меч *("…waiting, as we all do, for the sword of Damocles…")*, символизирующий ее, и приносящее им упокоение *("…to give him the relief")*, конец истории *("…what happens after the end of the story…")*, переживания *("Worry is yet another side effect of dying")*, последний день *("The Last Good Day")*, долгая зима *("a long winter")*. Кроме того, была обнаружена аллюзия – Мрачный Жнец *("The Grim Reaper was staring you in the face…")*, являющаяся универсальной для многих лингвокультур, и сравнение: *"…the tears not like tears so much as a quiet metronome – steady, endless…"*, рисующее глубокий образ горечи утраты, ожидающей Хейзел, когда ее возлюбленный Огастус покинет этот мир. В высказывании Огастуса о смерти как о давней и бесславной войне против болезни *("…the ancient and inglorious war against disease")* наблюдаются метафора и эпитет одновременно. Забытые же и незамеченные смерти в этой «войне» (оттого, что умирающих вследствие тяжелой болезни очень много) молодой человек называет незапамятной жертвой *("unremembered casualty")*, где также обнаруживаются эпитет и метафора [5, 318 p.].

Итак, на синтаксическом уровне было найдено больше стилистических средств, презентующих концепт *"death"*, однако метафора как приём лексико-семантического уровня представлена шире и используется наиболее частотно по сравнению с остальными выявленными стилистическими приёмами.

В результате изучения лингвостилистических особенностей исследуемых концептов нами было установлено, что на стилистическом уровне языка общими приёмами для презентации концептов *"life"* и *"death"* являются метафора (73%), полисиндетон (12%), эпитет (9%), сравнение (6%). Очевидно, метафора как

стилистический приём употребляется автором романа для презентации концептов *"life"* и *"death"* наиболее частотно. В когнитивной лингвистике, на положения которой мы опирались в нашем исследовании, метафора представлена как способ концептуализации, что обуславливает востребованность для автора данного стилистического приёма при представлении достаточно широких и абстрактных концептов жизни и смерти.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что автор романа "The Fault in Our Stars" Д. Грин обогатил американскую лингвокультуру, представив новые для неё образы концептов с помощью лингвостилистических средств, среди которых метафора как основное образное построение, формирующее концепт, использовалась наиболее частотно для презентации обоих концептов.

Список литературы

1. Когнитивные аспекты вербализации лингвокультурного концепта [Электронный ресурс] – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-aspekty-verbalizatsii-lingvokulturnogo-kontsepta/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 11.07.2020).
2. О развитии понятия концепта как лингвокультурного конструкта [Электронный ресурс] – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-aspekty-verbalizatsii-lingvokulturnogo-kontsepta/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 09.07.2020).
3. Теория концепта и концептуальное пространство [Электронный ресурс] – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kontsepta-i-kontseptualnoe-prostranstvo/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 11.07.2020).
4. Языковая картина мира как объект лингвистического описания [Электронный ресурс] – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya/, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.07.2020).

Список источников

5. Green, J. The Fault in Our Stars [Text] / J. Green. – N. Y.: Penguin Books, 2012. – 318 p.

УДК 81

Стилистический аспект в эпиграммах В. Гафта

Керимова Сабина Усеиновна
Старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Южный федеральный университет
РФ, г. Ростов-на-Дону
skerimova@sfedu.ru

Stylistic aspect in V. Gaft's epigrams

Kerimova Sabina Useinovna
Senior lecturer of the Department of Russian as a foreign language and methods of it's teaching, Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В данной статье рассматривается употребление стилистически лексики и фразеологии в эпиграммах В. Гафта. Стилистический анализ текста позволяет более точно выявить коммуникативную направленность эпиграммы (пейоративную, мелиоративную, дерогативную). Использование стилистически окрашенной лексики позволяет автору передавать юмор и иронию по отношению к адресату эпиграммы. Выявленное в результате анализа авторское перефразирование крылатых фраз и фразеологических единиц позволяет определить идиостиль автора, а также тип его коммуникативной личности как творческий.

Ключевые слова: стилистика, лексика, фразеология, идиостиль, коммуникативная личность.

Abstract. This article examines the use of stylistic vocabulary and phraseology in V. Gaft's epigrams. Stylistic analysis of the text allows to identify more accurately the communicative orientation of the epigram (pejorative, meliorative, derogative). The use of stylistically marked vocabulary allows the author to convey humor and irony in relation to the recipient of the epigram. The author's paraphrasing of catch phrases and phraseological units revealed as a result of the analysis makes it possible to determine the author's style, as well as the type of his communicative personality as a creative one.

Keywords: style, vocabulary, phraseology, author's style, communicative personality.

Использование разговорно-сниженной лексики служит для передачи экспрессии. Лексика, ограниченная различными сферами употребления (разговорная, книжная, жаргонная), может обладать оценочно-экспрессивной коннотацией, при этом стилистический потенциал слова увеличивается [1].

В текстах эпиграмм В. Гафта нами было выявлено 43 лексические единицы, имеющие различные стилистические пометы в словаре:

1. Лексика, относящаяся к разговорной форме современного русского языка (разговорная, разговорно-неодобрительная, разговорно-сниженная, народно-разговорная, жаргонная) – 38 единиц;

2. Лексика, относящаяся к книжной форме современного русского языка (книжная, народно-поэтическая) – 2 единицы.

3. Лексика, вышедшая из употребления (устаревшая) – 2 единицы.

Как видно из вышесказанного, самой частотной по употреблению в эпиграммах В. Гафта является разговорная лексика. Обратимся к примерам: эпиграмма, адресованная З. Высоковскому – *Когда таким, как ты, пути открыты, // **Ужасно** множатся антисемиты* [2, с. 299]. Лексема *ужасно* употреблена в данной эпиграмме в значении «очень», такое употребление зафиксировано словарем с пометой разговорно-экспрессивное [3, с. 173]. Использование данного слова выступает гиперболой в эпиграмме, художественно преувеличивая влияние адресата на общественное мнение. Употребление именно лексемы *ужасно* вместо *очень* определяет меру и степень ответственности адресата за свои поступки, как превосходную.

*Вы, Ерофеев, явно без **башки**, // Давно бы поменяли кличку. // Вам из Москвы не ездить в Петушки, // Вам только можно лечь под электричку* (В. Ерофеев) [4]. Использование сниженной по стилистике лексической единицы [3, с. 62] выражает отношение автора к адресату – неуважительное, неодобрительное по отношению к творчеству писателя-адресата. Лексема *башка* с эпитетами часто употребляется в значении «глупый, бестолковый» [3, с. 62], однако в эпиграмме В. Гафта указывается на отсутствие даже глупой головы у адресата, при помощи предлога *без*.

Обратимся ко второй строфе эпиграммы, адресованной Г. Хазанову: *Щам не знаем сколько суток, // Нет и каши гречневой. // И выходит, кроме шуток // **Жрать** пока что нечего* [2, с. 366]. Глагол *жрать* имеет помету в словаре – разговорное слово [3, с. 308]. Использование этого глагола приближает текст эпиграммы к разговорной, бытовой речи, поскольку речь идет о повседневных реалиях.

Использование жаргонной лексики оправдано фактами биографии адресата, например, И. Губерману: *Посаженный – курил **чинарики*** [3, с. 1479].

Книжная лексика, как собственно книжная, так и народно-поэтическая, придает эпиграммам иронический окрас, особенно в сочетании с лексикой более низкого стиля, например, в эпиграмме, адресованной Л. Ярмольнику: *Чего не сделаешь за стольник, // Чтоб овладеть теплом сердец, // Был даже чайником Ярмольник, // Но унитаз его **венец**…* [2, с. 359]. Книжное слово *венец* [3, с. 1273] употреблено вместе с жаргонным *стольник* [3, с. 118], к тому же нетрадиционное

сочетание лексемы *унитаз* с лексемой *венец* создает дополнительный комический эффект.

В эпиграмме, адресованной А. Розенбауму, В. Гафт использует элемент народно-поэтической речи: *Оседлай всех коней, // Удаль* ***молодецкая****! // Он еврей до корней, // Только кровь советская* [4]. Прилагательное *молодецкая* [3, с. 552] относится к сфере русского устного народного творчества, что иронично по отношению к А. Розенбауму, учитывая его национальную принадлежность.

Использование устаревшей лексики позволяет автору передать мелиоративную оценку, как это представлено в эпиграмме, адресованной А. Калягину: *Он настоящий* ***лицедей****: // Меняет состоянье плоти, // Котов играя и вождей, // Прославился… на «Вашей тете» …* [2, с. 317]. Устаревшая лексическая единица *лицедей* [3, с. 501] передает уважительное отношение к адресату эпиграммы, его таланту и творческой деятельности.

Подобно лексике, фразеологические единицы также обладают стилистическими пометами – книжные, устаревшие, разговорные, народно-разговорные.

Книжные фразеологизмы создают добродушную иронию в эпиграмме, например, А. Митте: *У Вас, как и у всех, Митта, // Есть* ***ахиллесова пята:*** *// Вам Богом было суждено // Пятою вляпаться в кино …* [2, с. 334]. Благодаря использованию книжного фразеологизма [5, с. 551] создает эффект многозначности: для читателя/слушателя (да и адресата эпиграммы) остается недосказанным оценка автора – А. Митта слаб в сфере кинематографа как режиссер или кинематограф – это и есть *ахиллесова пята* А. Митты.

По-новому интерпретируются такие устаревшие фразеологические единицы как *заплечных дел мастер* (палач) или *золотых (серебряных) дел мастер* (ювелир) [5, с. 361]. Эти единицы трансформируются у В. Гафта в двух эпиграммах – режиссеру А. Гончарову и модельеру В. Зайцеву. А. Гончаров характеризуется как *грибных дел мастер…* [2, с. 303], а В. Зайцев как *дел тряпочных великий мастер…* [2, с. 310]. Обе эпиграммы являются мелиоративно направленными, подобные трансформации характеризуют адресатов как знатоков своего дела и придают эпиграмме шутливую экспрессию.

Фразеологизмы *кто во что горазд* и *горазд на выдумки* [5, с. 361] находят отражение в эпиграмме, адресованной Л. Броневому: *От славы обалдевший, // Теперь* ***на все горазд*** *– // И сам себе завидует, // И сам себя предаст …* [2, с. 296]. Трансформация народно-разговорного фразеологизма *кто во что горазд* [5, с. 218]

на *на все горазд* придает еще бóльшей экспрессии, поскольку подчеркивается готовность адресата к любым действиям.

В эпиграмме, адресованной А. Карась, используется трансформированный фразеологизм *дело кончится ухою…* [2, с. 323], очевидно, что он отсылает читателя/слушателя к разговорному выражению *индюк тоже думал, да в суп попал* [6, с. 67]. В. Гафт обыгрывает фамилию адресата, к тому же вариант, использованный в эпиграмме, более краткий и емкий, что придает и без того экспрессивной фразе еще больше выразительности.

Использование трансформированных книжных фразеологизмов также придает особую ироничность эпиграмме – А. Кончаловскому: *Фамильный подорвав престиж, // Минуя сложные преграды, // Он по прямой рванул в Париж, //* ***Пройдя круги «Сибириады»*** … [2, с. 328]. Речь идет об участии фильма А. Кончаловского «Сибириада» на Каннском фестивале 1979 года, на котором он удостоился премии гран-при, в связи с этим В. Гафт заменил словоформу *ада* на созвучное *Сибириады*, что создало дополнительный комический эффект.

В эпиграмме И. Смоктуновскому использованы два фразеологизма – разговорный и высокий: *Начав блестяще с идиота, // Он до сих пор, как в годы те, //****Артист высокого полета*** *// На идиотской высоте. // Нет, он совсем не полоумный. // Из театра в театр* ***неся свой крест****, // Всегда выигрывает сумма // От перемены этих мест…* [2, с. 346]. Разговорная фразеологическая единица *птица высокого полета* [5, с. 545] трансформирована соответственно роду деятельности адресата. Высокий фразеологизм *нести свой крест* [5, с. 407] отсылает читателя к сложной актерской и личной судьбе адресата. Повышение стилистического регистра акцентирует внимание читателя/слушателя на мелиоративной оценочности, присущей данной эпиграмме.

Стилистически окрашенная лексика встречается в эпиграммах В. Гафта достаточно регулярно, это говорит о том, что ее использование является характерной чертой эпиграмм автора, а выбор стилистически окрашенной лексики является намеренным. Использование разговорной лексики сближает эпиграмматический текст с разговорным высказыванием, раскрывает субъективную модальность автора по отношению к адресату.

Использование в рамках одного текста лексики, относящейся к разным сферам употребления, является приемом, который автор использует для передачи юмора и иронии.

Перифразирование стилистически окрашенных выражений и фразеологизмов позволяет автору более точно передать отношение к адресату, придавая при этом экспрессивности тексту.

Анализ стилистического потенциала эпиграммы позволяет более точно определить интенциональную направленность рассматриваемых текстов.

Список литературы

1. Тихонова М. А. Аксиология в контексте лексикографии: модель словаря «Оценочной лексики русского языка» [Текст] / М. А. Тихонова: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2016. – 200 с.
2. Гафт В. И. Сад забытых воспоминаний [Текст] / В. И. Гафт. – М.: Зебра Е, 2018. – 416 с.
3. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Линия жизни. В. Гафт (2008). // YouTube. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=4nEVJRogoLg (дата обращения: 30.11.2017).
5. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц [Текст] / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878, [2] с.
6. Белянин В. П. Живая речь. Словарь разговорных выражений [Текст] / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – М.: ПАИМС, 1994. – 192 с.

УДК 165:81

«Рациональность» и смежные категории сквозь призму лингвистической концепции парадигм Ю.С. Степанова

Маслов Глеб Николаевич
студент магистратуры кафедры методики преподавания РКИ
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, РФ, г. Москва
glebmaslow@gmail.com

"Rationality" and related categories through the prism of Yu. S. Stepanov's linguistic concept of paradigms

Maslov Gleb Nikolaevich
MA student, Department of methodology of teaching of Russian as a foreign language
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Аннотация. Гуманитарная мысль сталкивается с трудностями при определении рациональности и смежных с нею категорий. Представляется важным различать эндогенную и экзогенную форму рациональности: последняя действует на индивида извне как система неосознаваемых им табу, «фильтров» для мысли и восприятия. «Лингвистический поворот» в науке проблематизирует феномен зависимости человеческого мышления от знаково-символической природы языка, а саму лингвистику видит образцом науки. Концепции семантической, синтактической и прагматической парадигм языка Ю. С. Степанова, являющиеся проявлением этого подхода, служат эффективному различению родственных понятий «картина мира», «стиль», «рациональность», обсуждаемых в работах постпозитивистов и историков науки.

Ключевые слова: рациональность, картина мира, стиль, семантическая парадигма, синтактическая парадигма, прагматическая парадигма

Abstract. Humanitarian thought faces difficulties in determining rationality and related categories. It is important to distinguish between the endogenous and exogenous form of rationality: the latter acts on the individual as a system of unconscious taboos, "filters" of thinking and perception. The "linguistic turn" in science problematizes the phenomenon of the dependence of human thinking on the symbolic nature of language and sees linguistics itself as a model of science. In the frame of such an approach Yu. S. Stepanov developed concepts of semantic, syntactic and pragmatic paradigms of language, which serve to effectively distinguish the related notions of "picture of the world", "style" and "rationality".

Keywords: rationality, picture of the world, style, semantic paradigm, syntactic paradigm, pragmatic paradigm

Настоящая статья ставит целью продемонстрировать эффективность применения лингвистических идей действительного члена АН СССР и РАН Ю. С. Степанова в решении проблемы разграничения смежных философских концепций рациональности, картины мира и стиля.

Сразу отметим общую тенденцию сегодняшнего дня в интерпретации рациональности: в современной философии рациональность становится категорией, не имеющей антиномической пары. Стремление к универсалистскому понятию, маркирующему допустимость анализа для теоретической мысли необъятных бытийных пространств, приводит к необходимости отстаивать методологический плюрализм [6], в котором фронт рациональности уходит все глубже в нерасчлененные единства эмоциональных состояний и неотрефлексированного поведения.

Поэтому, по нашему мнению, стратегия исследователя конкретной содержательной области может быть бифокальна - с одной стороны, выясняется самоотчет действующего субъекта о целях и способах активности (фокус «эндогенной» рациональности, рациональности-1), а с другой стороны – фокусируется внимание на тех неочевидных без особого методологического приема механизмах реальности, которые детерминируют нерефлексивный пласт личности индивида вне зависимости от его воли (фокус «экзогенной» рациональности, рациональности-2). Свои подходы здесь предлагают психоаналитические и структуралистские направления, где продолжается решение заданной И. Кантом проблемы об априорных основах человеческого разума при торжестве современного релятивизма. Так, одним из результатов тематического анализа, структуралистского по своим интенциям, Дж. Холтон считает междисциплинарную общность тем, которая «бросает свет… на единую основу механизмов воображения» [5, с. 28].

Концептуально плодотворной, на наш взгляд, является идея понимания рациональности как фильтра, выполняющего сепарирующую и структурирующую роль при прохождении через него потока бытия. Тогда предписывающие нормы и регулятивы в составе культуры могут быть интерпретированы как продукт изначальной для какого-либо типа рациональности системы табу, запретов, наличествующих в сознании субъекта активности, в большинстве случаев имплицитно, и выделяемых только в моделях экзогенной рациональности (рациональности-2). При переходе от одного типа рациональности к другому осуществляется освоение «запретных» содержательных зон. Следует учитывать, что сам факт осознания какой-либо культурой наличия в ней табу является индикатором начавшейся смены типа рациональности. Ведь для «нормального» (позаимствуем это понятие из словаря Т. Куна) этапа само наличие запретов в культуре не является проблемой, т. к. не осознается. Потому методологически оправданным

представляется концентрировать внимание на тех периодах культуры, где “эмансипирующие” тенденции особенно ярки.

«Лингвистический поворот» - а лингвистика для новой рациональности - образец науки, - проблематизирует феномен зависимости человеческого мышления от знаково-символической природы языка. Эта тенденция, направленная на построение инвариантных и бессубъектных структур [1] - второе рождение сциентизма в рамках новой рациональности. Интересную классификацию типов рациональности (названных парадигмами) с точки зрения лингвистики предложил Ю. С. Степанов. Он различает семантическую, синтактическую и прагматическую (дектическую) парадигмы (которые должны быть поняты как идеально-типические, а не конкретно-исторические модели) [2, с. 5]. В парадигме первого типа мир мыслится состоящим из совокупности вечных сущностей, размещенных в пустом пространстве, онтология этого мира строится как философия имени. Для синтактической парадигмы мир - это отношение, совокупность предикатов. Ю. С. Степанов пишет: «Субъект, т.е. имя вещи, естественнее всего мыслится в терминах пространства, протяженности, тогда как предикат - в терминах длительности. Вот эти различия я склонен считать первичным» [2, с. 224]. Таким образом, историчность - атрибут синтактической парадигмы. Для прагматики главным является отношение знаков к носителю языка, поэтому в прагматической парадигме философия языка сводится к «философии эгоцентрических слов» [2, с. 5], т. е. «зазор» между «волей» языка и волей человека (эксплицитно осознанный Л. Витгенштейном и поздней герменевтикой) - анализируют в границах прагматической парадигмы.

Для обобщающей характеристики единства мыслительных процедур либо культурных феноменов в современной философии используется, помимо категорий рациональности, ряд других понятий - картина мира, дух эпохи, парадигма, стиль. Не ставя целью досконально прояснить зафиксированные на сегодня в философской литературе определения и рассуждения о соотнесенности этих понятий, представляется необходимым акцентировать те теоретические положения в этой области, которые являются наиболее продуктивными в анализе конкретного историко-культурного материала.

Инертность картины мира по отношению к появляющимся новациям, ее, так сказать, «оплотненность» и относительная устойчивость, ее простота и охватываемость мыслью и, с другой стороны, ее универсальная способность к ассимиляции и интерпретации собственными средствами бытийных феноменов

позволяет воспринимать ее как онтологию: «Составляющие ее идеализации (понятия) отождествляются с действительностью» [3, с. 35]. В этом случае понятия обыденного языка лежат в фундаменте метафизики, и прояснение причин смены одного базисного тезауруса другим есть ключ к пониманию смены онтологий.

Характерной чертой стиля является его нерефлексивный генезис, его латентное присутствие в культурных феноменах. Его сущностные характеристики выявляются post factum, при анализе тех культурных продуктов, на которых эпоха или человек оставили след своего предпочтения и вкуса. Поэтому стиль является основным предметом рассмотрения при исследовании результатов действия, не могущего быть отнесенным к целе- или ценностнорациональным, помогая выявить подсознательный, ясно не артикулированный мотив какой-либо человеческой активности. Важное различие между стилем и картиной мира в том, что картина мира конструируется, а стиль - реконструируется.

Проанализированная ранее модель трех парадигм Ю. С. Степанова помогает прояснить соотношение между категорией рациональности и категориями стиля и картины мира. Если принять во внимание их наиболее общие дифференцирующие качества, то становится ясно, что категория картины мира акцентирует «чтойность», онтологичность, рассматриваемой содержательной области самой по себе, и потому входит в сферу семантической парадигмы. Стиль – это, прежде всего, соотношение предметов, т. е. первостепенным для него является вопрос о структуре, синтактике мира. Категория рациональности - категория прагматики, т. к. прежде всего интересуется отношением мира и действующего я. На этой же идее настаивает Ст. Тулмин: «Рациональность - это атрибут не логической или концептуальной системы как таковой, а атрибут человеческого действия и инициативы» [4, с. 141].

Список литературы

1. Барт Р. Как жить вместе: романтические симуляции некоторых пространств повседневности: конспекты лекций в Коллеж де Франс, 1976-1977 гг. - Москва : Ад Маргинем Пресс, сор. 2016. - 271 с
2. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотич. пробл. лингвистики, философии, искусства / Отв. ред. В. П. Нерознак. Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2015. - 331 с.
3. Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФРАН, 1994.
4. Тулмин С. Человеческое понимание / Пер. с англ. З. В. Кагановой; Общ. ред. и вступ. ст. [с. 5-22] П. Е. Сивоконя. - М.: Прогресс, 1984. - 327 с.
5. Холтон Д. Тематический анализ науки: Пер. с англ / Общ. ред. и послесл. С. Р. Микулинского. - М.: Прогресс, 1981. - 383 с.
6. Feyerabend P. Philosophy of nature. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity, [2016].

УДК 811.111

Английские загадки, построенные на омонимии

Рыженкова Анна Александровна
к. филол.н., кафедра английской филологии и лингвокультурологии
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, Санкт-Петербург
annaryzhenkova@yandex.ru

English Riddles Based on Homonymy

Ryzhenkova Anna Aleksandrovna
PhD in Phililogy, a senior lecturer at the department of English Philology and Linguistic and Cultural Studies of Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. Статья посвящена изучению английских загадок, построенных на омонимии. Цель работы – проанализировать структурный и смысловой компоненты таких загадок и выявить их характерные черты. В результате исследования выделены два структурных типа загадок: 1) загадки, в которых омоним содержится в вопросе, 2) загадки, в которых омоним содержится в разгадке. Механизм разгадывания загадки представляет собой сложный когнитивный процесс. Анализ показал, что процесс разгадывания загадок, основанных на метафоре, отличается от процесса разгадывания загадок, построенных на омонимии. Отгадывающий загадку, построенную на омонимии, должен сравнивать разные значения омонимов, а не декодировать метафору, предлагая прямое именование предмета. На основе изученного материала можно сделать вывод о том, что загадки, построенные на омонимии, являются разновидностью языковой игры, в которой обыгрываются разные значения омонимов, что является особенностью этого вида загадок.

Ключевые слова*:* английская загадка, омонимия, метафора, иносказательность, языковая игра

Abstract. The paper is devoted to the study of English riddles based on homonymy. The purpose of the work is to analyze the structural and semantic components of such riddles and to identify their peculiarities. As a result of the research, two structural types of riddles are identified: 1) riddles in which the homonym is found in the question, 2) riddles in which the homonym is found in the key. Solving a riddle is a complex cognitive process. The analysis shows that the process of solving metaphor-based riddles is different from that of solving riddles based on homonymy. Solving a riddle based on homonymy involves comparing different meanings of homonyms, but not decoding the metaphor suggesting a direct name of an object. It can be concluded that riddles based on homonymy are a kind of language game in which different meanings of homonyms are played out, which is a peculiarity of this type of riddles.

Key words: English riddle, homonymy, metaphor, allegorical meaning, language game

Загадка является предметом изучения различных наук и рассматривается во многих аспектах: литературоведческом, фольклорном, этнологическом, когнитивном, морфологическом, семантическом, дидактическом, педагогическом,

психологическом и других, что говорит о ее многогранной природе. Исследователи отмечают иносказательность и метафоричность загадки, аксиологичность, игровой эвристический характер кодирования информации [4, с. 66], [5], [8]. Эти характеристики подробно изучены и описаны в литературе [2], [5], [8]. Помимо указанных особенностей загадки, можно выделить еще один важный лингвистический аспект, которому до сих пор не уделялось внимание. Английская загадка (АЗ) часто строится на омонимии: в загадке обыгрываются разные значения слова-омонима, которое и должен отгадать тот, кому адресована загадка.

Цель статьи – проанализировать структурный и смысловой компоненты АЗ и описать особенности загадок, построенных на омонимии. Новизна подхода состоит в комплексном анализе языкового материала (АЗ) с точки зрения системных отношений в лексике и выделении особой группы загадок, построенных на омонимии.

Загадку определяют по-разному: это фольклорный жанр, представляющий иносказательное поэтическое воспроизведение какого-либо предмета или явления, ориентированный на испытание сообразительности отгадывающего. [1]. В. Даль определяет загадку как “что-либо загадочное, сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство; иносказание или намеки, окольная речь, обиняк; краткое иносказательное описание предмета, предлагаемое для разгадки” [6]. Данные определения являются популярными и объясняют сущность загадки обывателю. Для загадок, построенных на метафоре, подходит следующее определение: загадка – «игровое высказывание, иносказательно кодирующее обозначение какого-либо объекта действительности и предполагающее актуализацию прямого наименования этого объекта в реакции адресата. [3, с. 66]. Например, в АЗ *What has an eye but cannot see? (A needle)* [14] актуализируется метафорическое значение *eye of a needle “the small hole at the end of a needle, which you put the thread through”* [10].

Подчеркнем, что метафоры и образы в основе загадок являются культурно обусловленными (сравним с русским *«ушко иголки»*). В этой связи важно замечание О.С. Орловой, согласно которому загадку «следует рассматривать в контексте традиционной культуры, которой она принадлежит». [3, с.194].

АЗ *Feed me and I live, yet give me a drink and I die. (Fire)* [14] также построена на метафоре, которая описывает условия существования огня (если его питать, он будет гореть, если его залить, он потухнет). Метафора, безусловно, самый распространенный способ образования загадок.

Однако загадка, как показано ниже, может строиться не только на метафоре. Как отмечает В.В. Митрофанова, строение загадки – это то, как загадка загадывается и что является ключом к ее разгадке [2, с. 143]. Строение загадки многообразно.

Загадки, основанные на омонимии, представляют своеобразную языковую игру. Омонимия – это «явление языка, при котором одна и та же форма способна выступать в качестве различных слов», а омонимы – это «слова, обладающие формальным сходством, но не имеющие общности категориальной структуры, свойственной вариантам значения одного и того же слова» [7, с. 125].

Рассмотрим механизм построения таких загадок. *What kind of tree can you carry in your hand? (A palm)* [9]. Данная АЗ построена на омонимии слова *palm,* значениями которого являются 1. *The inside surface of your hand; 2. The palm tree.*

[10]. В отличие от загадки-метафоры принцип разгадывания загадки, построенной на омонимии, иной. Если в первом случае отгадывающий пытается соотнести образы, построенные на сходстве и декодирует образ, давая ему прямое именование, то во втором случае отгадывающий должен сравнить разные значения, которые реализуются в одной форме слова-омонима.

АЗ представляет собой вопрос, и ключ к разгадке содержится в самом вопросе. Отгадать такую загадку может только человек, знающий английский язык, поскольку только в этом случае отгадывающий знаком с разными значениями омонима.

В АЗ *What bank never has any money? (The riverbank)* [9] реализуется два значения омонима bank: 1. *An organization or place where you can borrow money, save money, etc. 2. The land along the side of a river* [10].

АЗ могут быть построены одновременно на метафоре и омонимии, например: *What has a head but never weeps, has a bed but never sleeps, can run but never walks, and has a bank but no money? (A river)* [9]. Метафоры *head of a river* – исток или верховье реки, *river bed – русло реки*, *can run but never walks – река течет, бежит, а не идет* представляют собой описательный компонент загадки, т.е. признаки, которыми обладает загаданный предмет. Омоним (*has a* ***bank*** *but no money)* наряду с метафорическими образами содержит подсказку, с помощью которой можно разгадать загадку. Таким образом, в загадках, построенных одновременно на метафоре и омонимии, ключ к разгадке содержится как в образах, которые нужно декодировать, так и в выявлении релевантного значения омонима (*bank – берег реки*).

Интерес представляет загадка *What has many rings, but no fingers? (A telephone*) [9]. Ключ к разгадке содержится в омониме непосредственно в тексте загадки. Нужно угадать некий предмет, у которого есть А (*rings*), но нет В (*no fingers*). В такой

комбинации (*rings - fingers*) естественно предположить значение слова *ring* как *a circular piece of jewellery worn especially on your finger* [10]. Но омоним *ring* имеет и другое значение, ключевое для разгадки: оно может означать не только *кольцо*, но и *звонок* (*the act of making a phone call to someone*) [10]. Отгадывающий совершает сложный мыслительный процесс, выбирая те значения, которые подходят в данном контексте и ведут к разгадке.

Аналогичным образом построена АЗ *What has hands but cannot clap? (clock)* [11]. Необходимо отгадать некий предмет, который при наличии чего-либо (*hands)*, не может хлопать *(cannot clap)*. Отгадывающему нужно догадаться, что значение *hands* в данном случае не *руки* (что естественно предположить в таком контексте), а *стрелки – one of the long, thin pieces that point to the numbers on a clock or watch* [10]. Контекст играет ключевую роль в разгадывании таких загадок.

Загадки, построенные на омонимии, представляют собой вопрос в отличие от загадок, построенных на метафоре, которые могут выступать как в форме вопроса, так и в форме утверждения. Омонимичная загадка – разновидность языковой игры, в которой обыгрываются разные значения омонимов и которая строится на звуковом подобии омофонов. Рассмотрим загадку: *What begins with T, ends with T and has T in it? (A teapot)* [13]. *T* – это буква английского алфавита, которая произносится как слово *tea* (чай), *T* и *tea* являются омофонами. Для разгадки необходимо не только ответить на первые два вопроса (*что начинается и что заканчивается с T*), но и распознать игру слов, соотнеся произношение буквы *T* с омонимичным *tea*.

Рассмотрим АЗ, где обыгрывается произношение буквы и ее омонима: *Which letter of the alphabet has the most water?* (C) [11]. Разгадать загадку можно, выявив сходство в произношении омофонов – буквы *C* и слова *sea* (море). Приведем еще один пример: *Why is the Mississippi such an unusual river? (It has four I-s [eyes] and it cannot even see!*) [12]. В названии реки при написании используется четыре буквы i, которая произносится как *eye (глаз),* где *I* и *eye* – омофоны.

Языковая игра характерна и для других АЗ, построенных на омонимии. *What vegetable is dangerous to have aboard a ship?* [11]. Разгадка построена на остроумной игре омофонов *leek (лук-порей) – leak (течь)*, которые произносятся одинаково, но пишутся по-разному.

Для отгадывания таких загадок необходимо идентифицировать омоним и соотнести его значения, оценив при этом языковую игру слов. *What insect runs away from everything?* [13]. В разгадке обыгрываются омофоны *flea* (блоха) и *flee* (убегать). При этом важно не только отгадать слово *flea*, но и суметь объяснить, почему именно

это слово является отгадкой: оно созвучно слову *flee* и синонимично загаданному глаголу *run away*. Следует отметить, что омофонами в загадке могут быть как слова одной части речи, как в случае *leek – leak* (существительные), так и разных частей речи: *flea* – существительное, *flee* – глагол.

Омоним в слове-отгадке может быть частью сложного слова: *What fly has laryngitis? (A horsefly)* [11]. В данном случае обыгрываются омофоны *horsefly* (слепень) и *hoarse fly (хриплая муха)*. Процесс разгадывания предполагает, во-первых, определение симптома болезни (при ларингите хрипота и осиплость голоса – один из симптомов), во-вторых, поиск слова, созвучного слову *hoarse*, описывающему симптом, – *horsefly*. Это сложный когнитивный процесс, ведь поиск симптома связан с выбором одного релевантного признака из многих (*hoarse*), а также с одновременным соотнесением этого признака с созвучным словом-омонимом (*horsefly)*.

Процесс разгадывания таких АЗ, как *Why do windows squeak when you open them?* и *Why does a lion kneel before it springs on a deer?* [12] состоит в поиске ответа-омонима. В первом случае отгадка (*They have pains – panes*) предполагает поиск слова, синонимичного слову *windows (panes)* и сравнение омофонов *pains (боли) и panes* (окна, оконные стекла). Во втором примере в отгадке (*Because it is going to prey*) обыгрываются омофоны *pray* (молиться) и *prey* (охотиться), которые создают комический эффект за счет одинакового звучания слов *prey* и *pray*.

АЗ, построенные на явлении омонимии, часто имеют юмористический эффект, поскольку для них характерна игра слов. *What is the difference between a dressmaker and a farmer? (A dressmaker **sews** what he gathers, a farmer gathers what he **sows**)* [11]. Глаголы *sew (шить, пришивать)* и *sow (сеять)* – омофоны, они пишутся по-разному, но их произношение совпадает. Остроумный ответ-разгадка доступен и понятен только для понимающих английский язык и не ясен при переводе (*Портной **сшивает** то, что собрал, а фермер собирает, то, что **посеял***), в котором теряется игра слов-омофонов, что свидетельствует о специфике английской омонимии.

Имена нарицательные могут быть омонимичны именам собственным. Примером реализации такой омонимии является АЗ *What is the scariest lake to swim?* [13]. Отгадка *Lake Erie* (озеро Эри) построена на омонимии имени собственного *Erie* и прилагательного eerie (страшный, жуткий).

Итак, АЗ, построенные на омонимии, - это особый класс загадок, которые строятся на словах, обладающих формальным сходством, но не имеют общности категориальной структуры. Такие загадки представляют собой вопрос, ответ на

который угадывается путем анализа различных значений омонима, что является сложным когнитивным актом. Омоним выполняет функцию языковой игры и является ключом к разгадке. В результате анализа также выявлены особенности структуры АЗ, построенных на омонимии. Собственно загадка представляет собой вопрос, в котором содержится разгадка. Омоним может быть включен в вопрос, помогая отгадать загадку, а может использоваться только в самой разгадке, создавая игру слов, в результате которой достигается комический эффект. Структурный и смысловой компоненты АЗ, построенной на омонимии, тесно связаны между собой, причем смысловой компонент играет ведущую роль, реализуясь в контексте загадки. Омонимами в загадках могут быть как слова одной части речи, так и разных, как имена нарицательные, так и имена собственные.

Список литературы

1. Интернет-журнал Textologia.ru [Электронный ресурс]. [сайт]. [2011 – 2020]. URL: http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/zagadka/?q=458&n=69 (дата обращения: 7.07.2020)
2. Митрофанова В. В. Художественный образ в загадках [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.booksite.ru/folk/data/mitrofan.pdf (дата обращения: 7.07.2020).
3. Орлова О. С. Происхождение загадки // Вестник Московской международной академии. 2017. № 1. С.193-197.
4. Палашевская И. В., Кондрашова С. С. Английская загадка // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 66–71.
5. Сендерович С. Я. Морфология загадки. М. : Школа «Языки славянской культуры», 2008. 208 с.
6. Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс] [сайт]. [2008 – 2017]. URL: http://slovardalja.net/word.php?wordid=8462 (дата обращения: 7.07.2020).
7. Толочин И. В., Лукьянова Е. А. Учебник по лексикологии. СПб. : Антология, 2014. 352 с.
8. Юсупова Э. Д. Когнитивные особенности английских загадок-метафор как единиц вторичной номинации // Вестник Башкирского университета. 2008. Т.13. №1. С.73-75.

Список источников

9. Brain.Den.com : [сайт]. [2012]. URL: http://brainden.com/logic-riddles.htm (дата обращения: 7.07.2020).
10. Cambridge University Press : [сайт]. [2020]. URL: (https://dictionary.cambridge.org) (дата обращения: 7.07.2020).
11. Icebreaker Ideas : [сайт]. [2020]. URL: https://icebreakerideas.com/riddles-for-kids/ (дата обращения: 7.07.2020).
12. Iluenglish.com : [сайт]. [2020]. URL: https://www.iluenglish.com/homophone-riddles/ (дата обращения: 7.07.2020).
13. Spelling-Words-Well.com : [сайт]. [2020]. URL: https://www.spelling-words-well.com/brain-teaser-riddles.html (дата обращения: 7.07.2020).
14. Taylor A. English Riddles from Oral Tradition. Berkeley, University of California Press, 1951. 959 p.

УДК 81.1

Непрямое выражение несогласия в педагогическом дискурсе

Ткачева Юлия Сергеевна
аспирант кафедры лингвистики и иностранных языков
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»
РФ, г. Калуга
tk-yu26@mail.ru

Indirect expression of disagreement in pedagogical discourse

Tkacheva Julia Sergeevna
postgraduate student at the Department of linguistics and foreign languages
Kaluga State University, Russia, Kaluga

Аннотация. Статья посвящена имплицитным способам реализации речевого акта несогласия в педагогическом дискурсе. Аргументируется необходимость использования имплицитных способов при выражении негативной реакции. Выявляются причины особого внимания к коммуникативным тактикам институционального дискурса в целом и педагогического дискурса в частности. Проведен анализ материала педагогического дискурса, полученного в результате собеседования с педагогами и администрацией МОУ г. Калуги. В статье предпринята попытка выделения характерных для данного дискурса коммуникативных тактик, содержащих непрямое несогласие. В качестве иллюстрации применения этих тактик приведены некоторые примеры коммуникативных ситуаций между участниками педагогического дискурса, которые демонстрируют имплицитное проявление несогласия.

Ключевые слова: имплицитность, негативная реакция, речевой акт несогласия, Принцип Вежливости, педагогический дискурс, коммуникативные тактики.

Abstract. Implicit nature of disagreement is discussed in the article. It is claimed that the use of implicit means is necessary to express a negative reaction. The reasons for special attention to communicative tactics of institutional discourse in general and pedagogical discourse in particular are revealed. Analysis of pedagogical discourse material received as a result of interviews with teachers and the administration of MEI of Kaluga has been carried out. The article presents an attempt to find out communicative tactics characteristic of this discourse that contain indirect disagreement. Some examples of communicative situations between participants of pedagogical discourse that demonstrate implicit disagreement are given to illustrate the use of these tactics.

Keywords: implicitness, negative reaction, speech act of disagreement, the Politeness principle, pedagogical discourse, communication tactics.

Человек вступает в ситуации межличностного общения каждый день. Люди делятся информацией, дискутируют, спорят, отстаивают свое мнение, опровергают точку зрения оппонента. Несогласие является частым явлением в ситуациях речевого общения и может помешать продуктивному общению, привести к конфликтам. Под

несогласием мы понимаем отсутствие единомыслия между коммуникантами, отказ от суждения адресанта, отрицательный ответ, несовместимую мысль [1].

Прямая демонстрация негативной реакции на речевой акт адресанта нарушает Принцип Вежливости, сформулированный Дж. Личем. Данный Принцип формулируется как совет о выражении вежливости по отношению к собеседнику. Дж. Лич предписывает свести к минимуму выражение невежливых убеждений. Одной из максим, входящих в его Принцип, является максима Согласия, согласно которой следует сделать минимальным несогласие между собой и другим. Но если в определенной ситуации речевого общения это невозможно, то нужно постараться следовать максиме Одобрения Дж. Лича. Она предписывает свести к минимуму порицание другого. Выражать несогласие прямо и без весомой на то причины считается невежливым. По Принципу Вежливости акт негативной реакции должен сопровождаться некоторым дополнительным текстом, в который можно включить извинение или сожаление, соответствующее обоснование отрицательной реакции. Принцип Поллианны рекомендует при разговоре с собеседником исходить из того, что в общем люди более склонны ожидать и воспринимать положительную, приятную информацию [2, с.48].

Для того, чтобы избежать возникновения конфликтной ситуации и соблюсти Принцип Вежливости, адресат может использовать приёмы, способствующие смягчению негативного речевого действия. Наряду с прямым, эксплицитным выражением интенции говорящий также может прибегнуть к имплицитным средствам. Эксплицитность, как правило, подразумевает открытость и выраженность высказанной мысли [3, с.23-24]. При эксплицитном несогласии иллокутивная цель говорящего четко сформулирована и находит конкретное выражение при помощи соответствующих языковых средств. Коммуникант не пытается скрыть своё истинное намерение. Имплицитное же выражение несогласия подразумевает неявный способ передачи интенции и заключается в том, что намерение говорящего реализуется косвенно, при помощи таких маркеров, которые изначально предназначены для обозначения других иллокутивных целей [4]. Таким образом, к имплицитным средствам относятся средства невыраженного, подразумеваемого, скрытого характера. Адресат выводит смысл, скрытый в высказывании, исходя из ситуации речи, в которой он находится, а также на основе общих фоновых знаний участников коммуникации.

Итак, из соображений вежливости говорящий стремится к смягчению своего коммуникативного намерения и применяет различные коммуникативные тактики

при выражении имплицитного речевого акта несогласия. В бытовом дискурсе они достаточно разнообразны и многочисленны. И, так как коммуникация разворачивается между близкими люди, членами семьи, родственниками, которые часто видят друг друга, друзьями и хорошими знакомыми, разговор между ними идет на сокращенной дистанции [5]. Нет каких-либо ограничений при употреблении той или иной коммуникативной тактики. Но в институциональном дискурсе предполагается статусно-обусловленное общение, т.е. общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Такой дискурс обусловлен целью и задачами того или иного социального института [5]. Использование речевых средств относительно жестко детерминировано. Институциональный дискурс пользуется определенной системой профессионально-ориентированных знаков, то есть обладает собственным подъязыком [6]. В связи с этим наборы коммуникативных тактик будут отличаться в зависимости от типа дискурса. Поэтому представляется интересным рассмотреть имплицитное выражение несогласия в различных типах институционального дискурса.

В.И. Карасик выделяет следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [7]. В статье мы бы хотели рассмотреть особенности выражения несогласия в педагогическом дискурсе, где высока вероятность возникновения конфликтных ситуаций между участниками образовательных отношений. Материал для исследования был получен из собеседования с педагогами и администрацией МОУ г. Калуги. После его анализа мы сделали вывод, что способы выражения несогласия в данном дискурсе лучше всего соотносятся с тактиками смягчения негативного речевого акта, выделенными С.О. Симоновой [8]. В качестве самых распространенных в педагогическом дискурсе мы выделили следующие тактики: тактика переубеждения, тактика использования побудительного высказывания, тактика встречного предложения, тактика переадресации, тактика ссылки на объективные причины, тактика уклончивого ответа. Приведем примеры некоторых коммуникативных ситуаций педагогического дискурса, которые демонстрируют имплицитное проявление несогласия.

Денис Б. не освоил программу первого класса. По результатам диагностики школьного психолога и наблюдениям учителя у мальчика интеллектуальные нарушения. В конце первого класса учитель порекомендовала маме Дениса пройти психолого-медико-педагогическую комиссию (ПМПК) для определения дальнейшего

образовательного маршрута, так как продолжать обучение во 2 классе по обычной программе мальчику будет сложно. Кроме того, Денису нужна будет помощь специалистов (психолога, логопеда, дефектолога).

Мама ребенка настаивает на продолжении его обучения в общеобразовательной школе и переводе сына во 2 класс.

Мама: *«Я считаю, что мой сын сможет продолжить обучение в обычном классе. Ему не нужна помощь никаких специалистов. Я буду сама помогать ему во всем».*

Учитель: *«Я вижу, что Вы уделяли много внимания ребенку в 1 классе, но он все равно не смог освоить программу. Помощи педагога и родителей Денису недостаточно. Специалисты ПМПК помогут разобраться в причинах трудностей в обучении, порекомендуют коррекционные занятия, посоветуют адаптированную программу, которую Денис сможет освоить. Обучаясь во 2 классе по общеобразовательной программе, мальчик будет чувствовать свою неуспешность, а занимаясь по адаптированной программе и дополнительно имея помощь специалистов, он будет чувствовать себя комфортнее».*

В данной ситуации мы можем наблюдать использование тактики переубеждения. Учитель не согласен с решением матери ребенка оставить его в общеобразовательной школе и с отказом прибегнуть к помощи специалистов. Но мы видим, что он не высказывает свои возражения прямо, а старается переубедить родителя, выдвигая аргументы.

Рассмотрим следующую ситуацию. Учащийся подает апелляцию по результатам муниципального этапа всероссийской олимпиады школьников.

Учащийся: *«Задание номер 3 сформулировано некорректно, поэтому я неправильно его понял и выбрал неверный путь решения. Оцените это задание в соответствии с тем, как я его понял».*

Член апелляционной комиссии: *«Муниципальная апелляционная комиссия принимает апелляции о несогласии с выставленными баллами. Составлением заданий занимается региональная предметно-методическая комиссия. Вы можете обратиться туда с жалобой».*

В данном примере мы видим, что член апелляционной комиссии не соглашается удовлетворить запрос учащегося. Он использует тактику переадресации, направляя участника олимпиады в другую инстанцию.

Приведем пример применения тактики использования побудительного высказывания. Катя Б. имеет по химии за все письменные работы отметку «3», с

устными ответами она справляется лучше. За четверть учитель собирается поставить ей «3». Катя обратилась с просьбой подготовить несколько устных докладов, чтобы повысить четвертную отметку до «4».

Катя: *«Можно я подготовлю и расскажу Вам несколько дополнительных тем, чтобы у меня получилась «4»?»*

Учитель: *«Катя, у тебя хорошая память и устная речь. Научись лучше излагать свои мысли письменно, решать задачи и уравнения. Давай в следующей четверти поработаем над этим компонентом»*.

Учитель не согласен давать ученице возможность исправлять оценку таким способом. Чтобы не спорить с девочкой, он использует побудительные предложения, призывая ее приложить больше усилий в следующей четверти.

Рассмотрим коммуникативные ситуации между коллегами. Администрация настаивает на том, чтобы учитель, находящийся в очередном отпуске, вышел на один день в школу, чтобы составить внеплановый отчет.

Заместитель директора: *«Елизавета Петровна, пришел срочный запрос. Мы вызываем Вас из отпуска, чтобы Вы собрали информацию и составили отчет»*.

Учитель: *«Мария Ивановна, я в отпуске, и отозвать меня без моего согласия на основании ст. 125 ТК РФ Вы не можете»*.

Здесь мы наблюдаем, как учитель выражает *несогласие на вызов*, прибегая к тактике ссылки на объективные причины. Такой причиной в данном примере является статья ТК, в которой говорится, что отзыв работника из отпуска допускается только с его согласия.

Тактику встречного предложения можно увидеть в следующей ситуации. Учитель просит коллегу замещать его на последнем уроке.

Учитель 1: *«Иван Иванович, проведите, пожалуйста, вместо меня сегодня последний урок в 7 «В» классе, мне нужно подготовить актовый зал к родительскому собранию, боюсь, не успею»*.

Учитель 2: *«Ольга Евгеньевна, давайте я лучше вместо Вас подготовлю зал»*.

Второй учитель не хочет выражать свое несогласие напрямую и прибегает к данной тактике, чтобы избежать напряжения в отношениях с коллегой.

Все приведенные тактики применялись с целью смягчить негативный речевой акт и избежать конфликтных ситуаций. Если адресант не проявил обиды или огорчения, а выразил понимание, можно считать, что речевой акт имплицитного несогласия был успешен.

В педагогическом дискурсе для успешного взаимодействия всех участников образовательных отношений очень важно взаимопонимание и доверие между коммуникантами. Поэтому целесообразно использовать все возможные способы, чтоб избежать конфликта. Тактики имплицитного несогласия позволяют перевести негативный речевой акт в конструктивный диалог.

Список литературы

1. Ткачева Ю.С. Дифференциация понятий, выражающих негативную реакцию на акт речевого воздействия / Ю.С. Ткачева // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. - 2020. - № 04 (60).
2. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. — М.: «Восток — Запад», 2006. — 200 с.
3. Цзи Фэн. Способы выражения имплицитного отрицания в русском языке (на фоне китайского языка): дис. ... магистра лингвистики: Санкт-Петербург. гос. университет, Санкт-Петербург, 2016. – 165 с.
4. Захарова А. М. Причины и языковые способы реализации имплицитного несогласия / А. М. Захарова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2013. — №6 (6).
5. Карасик В.И. Дискурсивное проявление личности / В.И. Карасик // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. - 2016. - №4.
6. Попова Т.П. Характеристики институционального дискурса / Т.И. Попова // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - №6-2.
7. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000.
8. Симонова С.О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19/С.О. Симонова. – Москва, 2011. – 26 с.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.25

Беседа в сфере интернет-коммуникации

Голубина Анастасия Борисовна
Преподаватель кафедры русского языка
Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского, РФ, г. Санкт-Петербург
anastasia.g@anespastudio.ru

Conversation in the field of Internet communication

Golubina Anastasiya Borisovna
Teacher of Russian language, Mozhaisky Military Space Academy, Russia, St. Petersburg

Аннотация. Статья рассматривает такое современное явление как интернет-дискурс, в частности вопросы его жанровой принадлежности и то, как именно формируется жанр в интернет пространстве. Также в статье обсуждаются методы выделения лексико-стилистических маркеров двух жанров интернет-коммуникации: блогов и бесед в группах в социальных сетях. Рассматриваются сильные и слабые стороны применения корпусных данных для выявления лексических единиц, характерных для монологической и диалогической онлайн-коммуникации. Исследование проводится на материале специально созданных микрокорпусов блогов и бесед, а также на материале Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ). Сопоставляются жанры, существующие в интернет-коммуникации с традиционным письменным дискурсом и на основании этого, делается вывод, что коммуникация в Интернете, несмотря на письменную фиксацию, по семиотическим свойствам далека от традиционного письменного дискурса.
Ключевые слова: блог, беседа, корпус, речевой жанр, орфографическая вариативность.

Abstract. The article considers such a modern phenomenon as Internet discourse the issues of its genre and how the genre is formed in the Internet space. The article discusses methods of defining lexical and stylistic markers of the two genres of online communication, namely, blogs and group chats in social networks. Attention is paid to the strong and week points of using corpus methods for finding lexical units which can be classified as genre markers of online monologues and dialogues. The research is based on the data obtained from snapshot corpora of blogs and group chats as well as from the General Internet Corpus of the Russian Language. The genres that exist in Internet communication are compared with traditional written discourse, and on the basis of this, it is concluded that communication on the Internet, despite the written fixation, is far from the traditional written discourse in terms of semiotic properties.
Key words: blog, online chat, language corpus, speech genre, orthographic variety.

Интерес лингвистов к онлайн-дискурсу вполне закономерен: наряду с традиционными устным и письменным модусами общения компьютерно-опосредованный дискурс стал третьим модусом, в котором сегодня осуществляется

значительная доля коммуникации [1-4]. Можно говорить о том, что благодаря своим технологическим особенностям, Интернет стал той средой, в которой на наших глазах получает новую «технологическую оболочку» явление, которое К. Ажеж назвал «человеком диалогическим» [5].

Особый интерес интернет-дискурс представляет с точки зрения жанровой специфики: новое коммуникативное пространство по-новому обострило проблему речевой системности, которая «… является ключевой не только для теории речевых жанров: не будет преувеличением сказать, что адекватное решение данной проблемы - задача-максимум и лингвистики текста, и теории дискурса» [6, с.78].

Жанровая структура компьютерно-опосредованного дискурса остается предметом дискуссий. В частности, исследователи компьютерно-опосредованной коммуникации задаются вопросом, насколько применимо само понятие *речевого жанра* к тем формам речевого взаимодействия, которые существуют в Интернете. Так, О. Ю. Усачева считает, что термин *речевой жанр* должен быть заменен термином *формат,* поскольку последний более точно отражает технологические особенности организации коммуникации в Интернете [7].

Сторонники использования термина *речевой жанр* применительно к коммуникации в Интернете опираются на определение речевого жанра, данное М. М. Бахтиным («относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [8, с.255]), однако В. М. Алпатов указывает на то обстоятельство, что концепция М. М. Бахтина осталась недоработанной, а само понятие жанра трактовалось весьма расплывчато вследствие расширенного понимания высказывания [9]. Многочисленные определения речевого жанра, уточняющие бахтинскую дефиницию [10-12], указывают на то, что речевой жанр - это, в первую очередь, *форма*, в рамках которой действуют участники коммуникации. В качестве примеров приведем лишь несколько дефиниций:

«Речевой жанр - это форма речевой реализации актов коммуникативной деятельности в коммуникативном событии» [10, с. 32]. И далее: «Речевой жанр - это форма структурирования речевой продукции, иными словами, форма организации текста» [10, с. 33];

Мы определяем речевые жанры как вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей [12, с. 8].

Несмотря на кажущееся многообразие вариантов общения в Интернете, онлайн-дискурс, как и реальное общение, может быть представлен именно как набор

типизированных коммуникативных ситуаций. Поэтому представляется, что термин *речевой жанр* оказывается вполне удобным для описания этих ситуаций.

Одним из важных исследовательских вопросов является вопрос о том, как происходит формирование жанров онлайн-коммуникации. С одной стороны, значительная часть жанров, традиционных для устного и письменного дискурса, была перенесена в новую коммуникативную среду. С другой стороны, в результате появления новых технологических возможностей сформировались жанры, которые функционируют только в интернет-коммуникации в силу их технологической специфики.

Исследователи предлагают различные основания для классификации жанров, бытующих в интернет-пространстве. Для целей данного исследования мы предлагаем выделить *жанры монологической направленности* (например, блоги) и *жанры диалогической направленности* (в эту группу попадают любые формы диалогического общения, которое осуществляется в социальных сетях, мессенджерах и на форумах, а также в чатах). Есть и гибридные жанры, сочетающие в себе свойства монологического и диалогического общения. Например, гибридным можно считать жанр комментария к различного рода онлайн-публикациям, когда изначально монологический текст становится информационным поводом для диалога читателей.

Очевидно, что любой жанр, будучи *формой* организации речи в типизированной ситуации, в том числе жанры компьютерно-опосредованной коммуникации, должны обладать определенными стилистическими характеристиками. Одной из таких характеристик может быть сознательный отбор лексических средств. Естественно предположить, что различные жанры компьютерно-опосредованной коммуникации будут демонстрировать такие варианты использования лексики, которые будут отличать эти жанры и друг от друга, и от близких по формальным характеристикам жанров письменной или устной коммуникации. Представляется, что эти различия можно будет считать одним из «жанрообразующих» параметров.

Анализ интернет-коммуникации, как правило, проводится на материале, который исследователи собирают в ходе собственных наблюдений за общением в этой среде. Однако такие исследования неизбежно отличаются определенной степенью субъективности: во- первых, на основе наблюдений, пусть даже и достаточно длительных, трудно предсказать появление той или иной словоформы. Во- вторых, без анализа данных о частоте использования лексических единиц невозможно определить, действительно ли мы имеем дело с явлениями, которые отличают интернет-коммуникацию от письменной или устной речи. Наконец, зачастую

жанровые особенности определяются не просто употреблением отдельных языковых единиц, а их комбинацией или концентрацией в диалогах или текстах. Поэтому наблюдение должно быть дополнено другими методами сбора данных.

Возможным решением проблемы может стать привлечение языковых корпусов.

В данном исследовании было принято решение в качестве исходного материала использовать собственные микрокорпуса блогов и онлайн-бесед (объем каждого корпуса - около 100 тыс. словоупотреблений). Далее микрокорпуса были проанализированы с помощью конкордансера AntConc. Полученные частотные списки словоформ стали отправной точкой для использования ГИКРЯ. Привлечение этого макрокорпуса обусловлено тем, что выявление лексических маркеров интернет-коммуникации оказывается нетривиальной задачей, поскольку, во-первых, мы имеем дело с большим тематическим разнообразием даже внутри исследуемых жанров. Во-вторых, в рамках одного жанра коммуникация может качественно отличаться, поскольку на выбор лексических средств и способов их использования влияют различные экстралингвистические параметры, например, принадлежность к определенной возрастной/социальной/профессиональной группе. Именно поэтому привлечены данные ГИКРЯ, которые, благодаря своему объему, в некоторой степени нивелируют социальные различия. В результате комбинация данных микро- и макрокорпусов позволяет обнаружить некоторые закономерности в отборе лексики в блогах и онлайн-беседах и далее проверить гипотезы о наличии или отсутствии лексико-стилистических особенностей в монологическом и диалогическом общении онлайн.

Необходимо сделать еще одно замечание относительно способа привлечения данных ГИКРЯ: поскольку данный корпус включает несколько подкорпусов, для сопоставления диалогического и монологического онлайн- дискурса привлекались данные подкорпуса Живого Журнала (8720 млн словоформ) и подкорпуса ВКонтакте (9820 млн словоформ). Данные этих текстовых массивов позволяют сопоставлять лексический выбор участников монологического и диалогического онлайн-дискурса.

На первом этапе исследования был составлен частотный список словоформ микрокорпусов блогов и бесед. Чтобы убедиться, что встретившиеся в микрокорпусах заимствования не являются единичными случаями, употребление этих словоформ было далее проверено на материале ГИКРЯ.

Частотные списки словоформ позволяют говорить о тенденциях, которые касаются не столько содержательной стороны коммуникации, сколько ее

формальных характеристик. в частотных списках встречается большое количество англицизмов. Частота отдельных словоформ и в микрокорпусе блогов, и в микрокорпусе бесед в целом невелика, однако общее их количество позволяет говорить о том, что Интернет становится своеобразной площадкой для «обкатки» англоязычных заимствований, причем способы этой «обкатки» могут быть самые разные.

Еще одна тенденция, свойственная преимущественно диалогической онлайн-коммуникации, - отражение фонетической редукции, свойственной устной речи, на письме. Фактически пользователи решают проблему транскрипции устной речи, когда пишут *прям, пасиб, чота (чо-та), ваще, седня/седни, даланна, нг, крч* и т. д.

Можно говорить о том, что для лексического оформления высказывания в онлайн-диалоге характерна информационная компрессия, т. е. сжатие плана выражения при сохранении плана содержания [14, с. 241].

В онлайн-диалогах существует тенденция усечения определенных классов слов в соответствии с тем, как они произносятся в устной речи. Так, часто сокращению подвергаются орфографические формы личных и неопределенных местоимений.

Другая группа слов, регулярно употребляющихся в усеченной форме в диалогической онлайн-коммуникации, - дискурсивные маркеры.

Заметим, что использование в игровых целях фонетических форм вместо орфографических характерно для инфинитивов (*высказацца, побаиваться*). Кроме того, отдельные слова чаще других подвергаются намеренному орфографическому искажению: так, встретившиеся однократно в микрокорпусах словоформы *вапще* и *ващще,* а также и другие варианты написания слова *вообще* регулярно встречаются в ГИКРЯ.

Использование фонетического облика слова вместо орфографического уже давно является стилистической особенностью русскоязычной онлайн-коммуникации. Результатом такой активной игры пользователей с языком стала большая орфографическая вариативность, иногда доходящая до того, что слово может стать неузнаваемым. Например, слово *вообще-то* в блогах и беседах может выглядеть как *тащемта* либо *тащемто*:

В результате возникновения такого орфографического многообразия поиск информации затрудняется, а у рядовых пользователей создается ощущение неустойчивости языковой системы.

Назовем еще две тенденции использования лексики в онлайн-коммуникации: использование слов в новых значениях и появление новых конструкций. Примером

первой тенденции является диалог, в котором словоформа *вынес* употребляется в значении «победил».

В качестве примера новой конструкции можно привести выражения *ну такое/такое себе*.

Наконец, для онлайн-дискурса характерна концентрация названных явлений в одном тексте.

Даже фрагментарный анализ корпусных данных позволяет говорить о том, что лексико-стилистическим маркером онлайн-коммуникации можно считать вариативность формы слова. Если в разговорной речи «… смысловая организация высказываний гораздо важнее формальной» [6, с.23], то в ряде жанров интернет-коммуникации форма оказывается не менее важной, чем содержание.

Если в устном и письменном модусах жанры - это образцы, которым следуют, то в компьютерно-опосредованной коммуникации свойством некоторых жанров является нарушение существующих образцов. Поэтому орфографическая вариативность онлайн-коммуникации оказывается значительно выше той, что наблюдается в традиционном письменном дискурсе. Регулярная игра с орфографической формой слов и словосочетаний указывает на то, что коммуникация в Интернете, несмотря на письменную фиксацию, по семиотическим свойствам далека от традиционного письменного дискурса.

Наконец, можно сделать методологический вывод о том, что создание микрокорпусов текстов определенных жанров может быть первым шагом в обнаружении лексико-стилистических маркеров интернет-коммуникации: анализ таких корпусов при помощи конкордансеров позволяет обнаружить основные тенденции в использовании лексики. Эти тенденции могут быть далее проверены на материале макрокорпуса.

Список литературы

1. Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 24 с.
2. Дементьев В. В., Степанова Н. Б. Корпусная ген- ристика: проблема ключевых фраз // Жанры речи. 2016. № 1. С. 24-41.
3. Колокольцева Т. Н.Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) // Жанры речи. 2016. № 2. С. 96-104.
4. Панченко Н. Н. Жанровое своеобразие стеба в интернет-коммуникации // Жанры речи. 2016. № 2. С. 116-122.
5. Ажеж К. Человек говорящий : Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2018. 304 с.
6. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2017. 600 с.

7. Усачева О. Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации // Вестн. МГОУ Сер. Русская филология. 2019. № 3. С. 55-65.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 2016. 444 с.
9. Алпатов В. М. Проблема речевых жанров в работах М. М. Бахтина // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 3. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2017. С. 92-104.
10. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика. М. : КомКнига, 2015. 320 с.
11. Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2019. Вып. 2. С. 103-111.
12. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2017. С. 7-38.
13. Митягина В. А., Сидорова И. Г. Жанры персонального Интернет-дискурса : коммуникативные экспликации личности // Жанры речи. 2016. № 2. С. 105115.
14. Валгина Н. С. Теория текста. М. : Логос, 2017. 280 с.
15. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 2015. 345 с.

УДК 7.012.23

Проектирование в графическом дизайне в контексте семиотической парадигмы

Овчинникова Раиса Юрьевна
канд. искусствовед., доцент, доцент кафедры «Дизайн»
Омского государственного технического университета, Россия, Омск
O-R-U@mail.ru

Designing in graphic design in the context of the semiotic paradigm

Ovchinnikova Raisa Yurievna
Cand. Sc. (Study of Art), Docent, Associated professor of the Department of Design
Omsk State Technical University, Russia, Omsk

Аннотация. В статье показано, что изучение проектирования в графическом дизайне является плодотворным в контексте использования научных методов познания. Обращается внимание, что со второй половины XX века семиотическая методология является стратегической линией развития знаний в графическом дизайне, благодаря тому, что её использование отвечает принципам научности и достижению достоверности в искусствоведческом знании. Объективные процессы в развитии графического дизайна, связанные с необходимостью решения, прежде всего, коммуникационных задач *оказывают влияние на характер проектирования. Поэтому обосновывается идея, что п*роектирование в аспекте использования семиотической методологии приобретает следующую структуру: разработка концепции – кодирование – воплощение. В статье представлена позиция, раскрывающая роль визуального языка, характер кодирования в проектном процессе в двух аспектах: с точки зрения зависимости от дизайнера (автора) и потребителя (воспринимающего).

Ключевые слова: графический дизайн, семиотика, коммуникационный дизайн, визуальный язык, код.

Abstract. The article reads that the study of design in graphic design discipline is productive if applying scientific methods of cognition. It is noted that since 1950-s, semiotic methodology has been a strategic line in developing graphic design knowledge as a result of its use which meets the principles of science and the achievement of reliability in art criticism knowledge. Objective processes in the development of graphic design associated with the need to first of all solve communication problems have an effect on the nature of design. Therefore, the idea is justified that design in the aspect of using semiotic methodology acquires the following structure: concept development – coding – implementation. The article presents a position that reveals the role of visual language and the nature of coding in the project process in two aspects: from the point of view of dependence on the designer (author) and the consumer (perceiver).

Keywords: graphic design, semiotics, communication design, visual language, code.

Во второй половине XX века в рамках общенаучной парадигмы активно формировались различные семиотические дисциплины, идеи которых оказались востребованными во всех областях социально-гуманитарного знания. Сравнительно новой гуманитарной наукой является визуальная семиотика, исследующая возможности использования семиотических инструментов в изучении визуальных аспектов социокультурного пространства [1]. Находясь в статусе междисциплинарного знания, формируемого различными дисциплинами (семиотика архитектуры, семиотика кино и др.,), визуальная семиотика выявляет всё новые и новые параметры современной визуальной культуры [2]. В их ряду важное место занимает графический дизайн. Методология семиотического подхода получает развитие в графическом дизайне, во-первых, потому, что в рамках дизайн-графики создаются программы проектирования с опорой на фундаментальные научные знания. Во-вторых, терминологическая связь семиотики и графического дизайна является очевидной и требует специального изучения. Это проявляется в том, что семиотика и графический дизайн подчинены изучению и проектированию коммуникаций. Коммуникация (от лат. общее, разделяемое со всеми) – это распространение информации в широком пространственно-временном диапазоне в расчёте на массовую аудиторию [3]. Иными словами, предмет семиотики и графического дизайна в своих глубинных основаниях близко примыкают друг к другу. Под семиотикой, согласно Ю. М. Лотману, понимают науку о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения [4]. Коммуникационные задачи графического дизайна могут быть успешно решены с опорой на семиотические знания. Именно семиотика, являясь общей наукой о знаках, выступает в роли общенаучной парадигмы для графического дизайна [5, 6].

Так как ключевой задачей в графическом дизайне, начиная с 70-х годов XX века, становится проектирование «коммуникаций», структуру проектного процесса, отталкиваясь от модели массовых коммуникаций Г. Лассвелла, можно представить в следующем виде: коммуникатор – сообщение – канал – получатель – последствия [7]. Применительно к графическому дизайну данная модель предполагает необходимость постановки и решения исследовательских задач в аспекте реализации коммуникативной функции дизайнерского проекта. В указанном смысле раскрытие предмета проектирования сводится к поиску ответов на вопросы: Какую роль дизайнер и потребитель исполняют в осуществлении коммуникационного процесса? Какими они обладают ресурсами? Как реализуется связь между дизайнером и потребителем? Вопросы, положенные в основу исследовательского проекта в качестве основополагающих, актуализируют коммуникационную функцию графического дизайна и предъявляют новые требования к проектному процессу. На первый план в проектном процессе выходят объекты графического дизайна, представляющие собой определённую графическую (образно-языковую) систему. Иными словами, основой графической системы становится язык, т.е. графический код – система знаков, обладающих смысловым значением, которыми пользуются дизайнеры для передачи информации. Как отмечает Ю.М. Лотман: «Знак – непременное условие передачи информации [...] Знаки заменяют сущности, явления и вещи и позволяют обмениваться информацией» [8].

Использование кода как одного из базовых понятий семиотики является свидетельством того, что структурно-семантические единства могут быть применены не только в лингвистике, но и в графическом дизайне. Если первоначально в семиотических учениях языками называли только лингвистические коды, то в настоящее время – любые знаковые системы. Проектирование в контексте семиотического подхода приобретает следующую структуру: разработка концепции – кодирование – воплощение. При этом осуществлённые коммуникации являются результатом реализации проектного процесса.

Графический дизайнер имеет непосредственное отношение к средствам визуализации. Любое визуальное сообщение организуется посредством знаков, которые в зависимости от применяемых художественных, композиционно-выразительных средств, создают определенные образы, представления. Отметим, что выделение отдельных знаков в визуальном решении объекта дизайна условно, так как знаки включены в графическую систему и взаимодействуют между собой посредством

композиционных и художественных средств. Такое взаимодействие определяет формальные качества визуального языка дизайн-графики.

Особенности роли визуального языка в проектном процессе можно исследовать с двух сторон. Так, языковую специфику объектов графического дизайна можно рассматривать со стороны «создающего» (автора, дизайнера) либо со стороны «воспринимающего» (зрителя, потребителя). В ходе проектирования должно быть достигнуто «объединение» сторон. Это происходит за счет решения в каждой проектной ситуации социальной задачи, позволяющей привлечь внимание зрителя. Во-первых, это достигается со стороны содержания информации, качества коммуникационного процесса. Во-вторых, визуальное сообщение должно привлекать внимание с эстетической стороны, отвечать ценностям зрителя и не восприниматься как нечто несущественное для него. Обратимся к характеристике языковых особенностей графического дизайна с учетом позиций зрителя и дизайнера. Соответствие характеристик представлено в таблице 1.

Таблица 1. Соответствие языковых особенностей графического дизайна в системе «зритель – дизайнер»

Характеристики языка с позиции зрителя	Степень интерпретируемости визуального сообщения	Степень простоты восприятия визуального сообщения
Характеристики языка с позиции дизайнера	Характер кодирования визуального сообщения	Степень абстрактности визуального изображения
	способ создания знака, техническое исполнение, цвето-тоновое решение, компоновка и пр.	

Важным фактором проектирования является способность дизайнера связывать свою и чужую точки зрения, а также передавать смысл сообщения с ориентацией на зрителя. Названное обстоятельство позволяет создавать такие дизайн-объекты, которые обладают ценностью для зрителя, и не остаются для него незамеченными. Визуальный язык реализуется через формальные качества объекта, и для каждой конкретной социальной группы характеризуется своим набором графических приемов и инструментов, который использует дизайнер. Как отмечают И. Н. Инишев, Ю. А. Бедаш, в процессе проектирования визуальных объектов создаются образы, которые «считываются мгновенно», не требуя от потребителя больших интеллектуальных усилий, что обеспечивает экономическую эффективность всех областей дизайна [2]. Это характерно и для графического дизайна. С одной стороны, графический дизайн успешно охватывает практическую сферу коммуникационных отношений. С другой стороны, в дизайн-графике требуется анализ теоретико-

методологических основ проектирования, чтобы преодолеть ситуацию, когда «практика опережает теоретическое развитие» [9].

Обратимся к анализу особенностей проектной деятельности дизайнера. Графическая форма не является уже наличествующей, дизайнер не использует готовую форму, а создает новую, соединяя независимые конфигурации и элементы. Форма создается благодаря активной деятельности автора (дизайнера). С одной стороны, в зависимости от социального контекста форма может быть создана с помощью различных фотографических и шрифтовых элементов, цвета, композиции. В этом случае социальный контекст влияет на смысл передаваемого сообщения, делая его понятным и интерпретируемым для зрителя. При этом общей основой коммуникационного процесса является социокультурная обусловленность создаваемых дизайн-решений. С другой стороны, сами дизайнеры объединяют элементы в форму, которые им знакомы и понятны. В этом случае они руководствуются собственными представлениями и способностью в интерпретации знаков.

Таким образом, можно выделить такую особенность визуального языка, как характер используемого дизайнером набора знаков, кода, для передачи идеи. Наглядно данную характеристику можно представить в виде шкалы (рис. 1), длина которой представляет всевозможные визуальные решения в графическом дизайне. Диапазон возможных решений варьируется от легко интерпретируемого визуально-смыслового конструкта, построенного на знакомых зрителю знаках с минимальным применением композиционных, художественных средств, до форм, имеющих трудности понимания и интерпретации, построенных на новых для передачи конкретного смысла знаках.

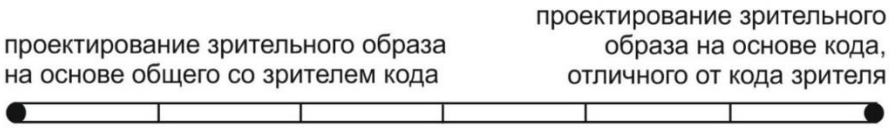

Рисунок. 1. Характеристика визуального языка – Характер кодирования визуального сообщения

Данная визуальная черта отражает качество донесения смысла: ставит ли дизайнер задачу проинформировать потребителя или стремится сообщить собственную позицию, повлиять на отношение зрителя к дизайн-объекту, открыть для него новые смыслы информации.

Итак, применительно к графическому дизайну, можно говорить, о двух стратегиях кодирования в проектном процессе. В первом случае дизайнер при выборе

визуального языка стремится свести к минимуму трудности восприятия. В этом случае, как отмечает Ю.М. Лотман, отправитель и получатель имеют один взгляд на сообщение, если пользуются общим кодом [8]. В другом случае, необходимой характеристикой визуального языка становится не легкость, а трудность понимания сообщения зрителем, поскольку именно она связывается с наличием в сообщении другой позиции. В этих случаях коммуникационное действие перестаёт быть простой передачей какого-либо сообщения. При этом происходит «обогащение» дизайнера другой точкой зрения.

Итак, использование дизайнером кодирования в проектном процессе осуществляется после предварительной оценки среды, в которой происходит коммуникация. Это открывает новые возможности для изучения приложения принципов семиотики применительно к графическому дизайну и созданию возможностей для охвата художественной и утилитарной сфер практики коммуникационных отношений.

Список литературы

1. Аванесов С.С. Что можно назвать визуальной семиотикой? / ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. Т. 1. С. 10. Режим доступа https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/avanesov_s._s._10_22_1_1_2014.pdf (Дата обращения 4.08.2020)
2. Инишев И.Н., Бедаш Ю.А. Визуальное, социальное, образное: зрительное восприятие как фактор современной культуры / ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. Т. 1. С. 9. https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/inishev_i._n._9_25_1_7_2016.pdf (Дата обращения 3.08.2020)
3. Быченков В.М. Коммуникация массовая // Гуманитарная энциклопедия: Концепты. Режим доступа: https://gtmarket.ru/concepts/7135 (дата обращения 29.07.2020).
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: «Искусство-СПБ», 2001. С. 9. Режим доступа https://edu.vsu.ru/pluginfile.php?file=%2F193961%2Fmod_resource%2Fcontent%2F1%2F%D0%9B%D0%BE%D1%82%D0%BC%D0%B0%D0%BD%20%D0%AE.%D0%9C.%20%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%20%D0%B8%20%D0%B2%D0%B7%D1%80%D1%8B%D0%B2.pdf (Дата обращения 29.07.2020)
5. Barnard M. Graphic Design As Communication. London: Taylor & Francis Group, 2005. P. 26
6. Черневич Е.В. Исследование языка графического дизайна. Диссертация на соискание учёной степени кандидата искусствоведения (17.00.06). М., 1975. С. 11.
7. Овчинникова Р.Ю. Соотношение визуального и коммуникационного в графическом дизайне // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведения. 2016. №3(23). С. 146. Режим доступа http://journals.tsu.ru/culture/&journal_page=archive&id=1472&article_id=30634 (Дата обращения 29.07.2020)

8. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. С. 54. Режим доступа: http://teatr-lib.ru/Library/Lotman/statjy/ (Дата обращения 29.07.2020)
9. Овчинникова Р.Ю. Графический дизайн в контексте искусствоведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №10. С. 131. Режим доступа https://www.gramota.net/materials/3/2016/10/34.html (Дата обращения 4.08.2020)

УДК 81

Когнитивная функция лексического прайминга

Седунова Елизавета Андреевна
студент факультета филологии и журналистики института филологии иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет
РФ, г. Иркутск
Lsedunova@bk.ru

Научный руководитель
Михалёва Ольга Леонидовна
Доцент кафедры русского языка и общего языкознания факультета филологии и журналистики института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, кандидат филологических наук, доцент
Иркутский государственный университет, РФ, г. Иркутск

Cognitive function of lexical priming

Sedunova Elizaveta Andreevna
Bachelor student of the Chair of Russian Language and General Linguistics of the Faculty of Philology and Journalism, the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, The Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

Scientific adviser
Mikhaleva Olga Leonidovna
The Irkutsk State University, Associate Professor, the Chair of Russian Language and General Linguistics, Faculty of Philology and Journalism, the Institute of Philology Foreign Languages and Media Communication, PhD, The Irkutsk State University, Russia, Irkutsk

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу функций феномена, который требует изучения и в рамках психологии, и в рамках лингвистики. В основу исследования, представленного в данной статье, положен анализ концепции интерактивной модели уподобления М. Пикеринга и С. Гаррода, где в качестве объяснения работы механизма, обеспечивающего успешность взаимодействия коммуникантов, используется понятие прайминга. В статье описываются функции лексического прайминга в речевой коммуникации. В ходе исследования автором

выявлена не описанная ранее когнитивная функция прайминга. Данная статья будет интересна специалистам как в области лингвистики, так и в области психологии.

Ключевые слова: прайминг, лексический прайминг, психолингвистика

Abstract. The present study analyzes one of the functions of the phenomenon, which requires study both within the framework of psychology and within the framework of linguistics. The research presented in this article is based on the analysis of the concept of an interactive model of assimilation by M. Pickering and S. Garrod, where the concept of priming is used to explain the operation of the mechanism that ensures the successful interaction of communicants. The article describes the functions of lexical priming in speech communication. In the course of the study, the author revealed a previously undescribed cognitive function of priming. This article will be of interest to specialists both in the field of linguistics and in the field of psychology.

Keywords: priming, lexical priming, psycholinguistics

В основу исследования, представленного в данной статье, положен анализ концепции интерактивной модели уподобления М. Пикеринга и С. Гаррода, освещённой ими в статье [1], где в качестве объяснения работы механизма, обеспечивающего успешность взаимодействия коммуникантов, используется понятие прайминга. Авторы ставили цель создать модель диалогического взаимодействия, описывающую конкретные механизмы, лежащие в его основе. В статье описываются функции лексического прайминга в речевой коммуникации. Прайминг - вслед за О. В. Фёдоровой и М. В. Юдиной [2] - понимается как использование говорящим - при ответной реакции на какой-либо стимул - тех лексических, морфологических или синтаксических единиц, которые он в недавнем прошлом каким-либо образом обработал. Цель данной статьи - выявление и описание ранее не рассматриваемых функций лексического прайминга.

Поскольку прайминг является одной из составляющих модели взаимодействия, логично искать его в таких коммуникативных ситуациях, которые предполагают наличие диалога. Поэтому в качестве материала используется видеозапись эксперимента с танграмами, проведённого в Иркутском государственном университете, а также видеозапись выпуска телеигры «Пойми меня».

Эксперимент с танграмами – семью частями особым образом разделённого квадрата, которые были сложены в более сложные фигуры людей, животных и других предметов – состоит в том, что у двух людей, сидящих друг напротив друга, есть набор одинаковых танграм, разложенных в разном порядке, и участники эксперимента должны расположить их в одинаковом посредством речевого взаимодействия друг с другом. Тот индивид, который руководит действиями другого, помогая ему разложить танграмы в тождественном порядке, является Инструктором, а второй участник

эксперимента – Раскладчиком, которые будут условно обозначены как субъекты А и Б соответственно.

Для подтверждения наличия прайминга во взаимодействии индивидов представлю части диалога из эксперимента:

А: Вот первая угловатая у меня лежит, которая с ромбиком сверху, треугольничком указывает направо. <…> Сейчас они лежат и указывают в одну сторону своими треугольничками.

<…>

А: Вот эта у меня последняя лежит. И смотрит квадратиком на календарики.

Б: А та, которая предпоследняя, она ещё соединяется и с треугольничком, да?

В анализируемом акте взаимодействия составными частями прайминга является цель – *треугольничек* в речи субъекта А – и прайм - *треугольничек* в речи субъекта Б В этой ситуации прайминг ускоряет взаимодействие, благодаря чему субъекту Б не нужно подбирать лексему, которая была бы понятна и ему, и Инструктору, чтобы подтвердить своё предположение о правильном расположении фигуры. Поэтому он использует ту, которую обработал в недавнем прошлом, что облегчает достижение общности в процессе взаимодействия.

В другой паре при раскладке А описывает Б фигуру, используя лексему *коленки*.

А: Смотри, короче, там: я сейчас держу, он как будто бы присел немножко, у него коленки вперёд, и он что-то держит…

Б: Да, поняла.

При проверке правильности раскладки Раскладчик использует лексему *коленочки*.

Б: Сначала тот, который приседает на коленочках.

В данном случае прайминг явлен через использование лексем *коленки* в речи субъекта А (прайм) и *коленочки* в речи субъекта Б (цель). Наличие прайминга в приведённом фрагменте не опровергается тем, что в лексеме субъекта Б есть два дополнительных суффикса -к- и -оч-, которых не было в лексеме субъекта А, т.к. перед этим Б использует слово *приседает*, однокоренное со словом *присел*, использованным А. Кроме того, в речи субъекта Б отсутствует пауза. Значит, Б не ресурсозатратно повторяет речевую продукцию собеседника, т.е. не придумывает собственные ассоциации и не вспоминает номинации собеседника, а воспроизводит прайм в целевом тексте.

В данном случае прайминг также помогает облегчить и ускорить взаимодействие индивидов, что подтверждает концепцию М. Пикеринга и С. Гаррода о том, что прайминг представляет собой “примитивный и не ресурсозатратный механизм, при помощи которого происходит уподобление ситуационных моделей собеседников” (Ibid.: 179; перевод Ольги Фёдоровой [3, с. 409]).

В качестве другого примера для подтверждения наличия лексического прайминга в речевом взаимодействии была использована видеозапись второго дина выпуска телеигры «Пойми меня». Правила этой игры заключаются в следующем: игроки выстраиваются в цепочку и надевают наушники, подавляющие звуки внешней среды; первый игрок выбирает карточку со словом; когда второй в цепочке игрок снимает наушники, первый должен в течение ограниченного времени назвать признаки того объекта действительности, который назван словом, указанным в карточке; второй игрок, разгадав слово, должен по тем же правилам объяснить его третьему игроку, при этом стараясь не повторять определение первого игрока, и так далее, пока не закончится время.

В приведённом фрагменте субъекты А и Б последовательно описывают лимон (в скобках приведены паузы в секундах).

А: Цитрусовое растение, очень такое, витамин С там, жёлтое.

Б: На «Спрайте» нарисован. (0.5) Жёлтый. (1.0) Жёлтый!

В данном случае праймом является словоформа *жёлтое* в высказывании А, а целью – *жёлтый* в объяснении Б. Субъект Б должен избегать повторения с определением субъекта А, однако, видя затруднение следующего игрока, случайно использует в целевом тексте прайм из текста А. В данном случае положение, выдвигаемое М. Пикерингом и С. Гарродом, перестаёт быть актуальным, поскольку субъект Б взаимодействует уже с другим субъектом, не тем, в речи которого был прайм. Значит, прайминг в данной ситуации используется не для подтверждения наличия общности, как это было в предыдущих случаях.

В данной ситуации прайминг помогает субъекту Б ускорить процессы мышления. Значит, прайминг - это явление, которое требует изучения и в рамках психологии, и в рамках лингвистики. Он функционирует не только при наличии диалогического взаимодействия, но и при организации внутренней речи, при выстраивании мысли.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что прайминг является не только составляющей модели уподобления, но и феноменом, который может быть актуализирован во внедиалогических процессах мышления. Таким образом,

выявлена новая его функция, когнитивная: прайминг позволяет индивиду быстрее и точнее сформулировать свои мысли, изложить их в речи.

Список литературы

1. Pickering M.J., Garrod S. Towards a mechanistic psychology of dialogue // Behavioral and Brain Sciences. 2002. 27.
2. Федорова О.В., Юдина М.В. Разрешение синтаксической неоднозначности: эффекты прайминга и самопрайминга – РГГУ Москва, 2009. – С. 554-558.
3. Фёдорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2014. - 512 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 82

Посрамление мирской красоты» как один из эстетических принципов Иоанна Вишенского (в сравнении с эстетикой раннехристианских апологетов)

Выходцева Юлия Викторовна
преподаватель зарубежной литературы Торгово-экономического колледжа Киевского национального торгово-экономического университета, Украина, г.Киев

Shame of worldly beauty as one of the aesthetic principles of Ioann Vishensky (in comparison with the aesthetics of early Christian apologists)

Vyhodceva Julija Viktorovna
teacher of foreign literature of the Trade and economic College of the Kiev national University of trade and Economics, Ukraine, Kiev

Аннотация. В статье рассматриваются эстетические принципы выдающегося западнорусского писателя 16-17 в. Иоанна Вишенского в сравнении с эстетикой раннехристианских апологетов. Проанализировав высказывания Иоанна Вишенского о красноречии, роскоши, науках и искусстве, элементах быта и аналогичные суждения отцов церкви, делается вывод об отрицании полемистом эстетических ценностей мира и утверждении новых христианских ценностей – простоте, естественности и посрамлении мирской красоты.

Ключевые слова: Иоанн Вишенский, Тертуллиан, Лактанций, эстетические ценности, раннехристианские апологеты, «посрамление мирской красоты».

Abstract. The article examines the aesthetic principles of the famous writer of the 16-17th centuries Ioann Vishensky in comparison with the aesthetics of early Christian apologists. After analyzing the statements of Ioann Vishensky about eloquence, luxury, sciences and art, the elements of everyday life the conclusion is drawn about the polemicist's denial of the aesthetic values of the world and the approval of new Christian values - simplicity, naturalness and shame of worldly beauty.

Keywords: Ioann Vishensky, Tertullian, Lactantius, aesthetic values, early Christian apologists, shame of worldly beauty.

К творчеству полемиста Иоанна Вишенского не ослабевает научный интерес, в том числе историков православной церкви. В 2016 году монах-святогорец Вишенский был канонизирован украинской православной церковью, чему предшествовала публикация книги Сергея Шумило о жизни подвижника, значительно дополнившая его биографию, особенно в части жизни в монастырях Афона, духовных исканий, миссионерской деятельности в западной Руси, влиянии на современников.

Однако взгляд на творчество одного из ярчайших представителей западнорусской литературы порубежья XVI-XVII веков до сих пор остаётся спорным. Не до конца выяснена стилевая принадлежность его посланий, а также возникают проблемы с периодизацией его творчества, в связи с чем украинский литературовед отмечает, что Вишенский «парадоксальний у контексті… таксономічних схем літературної періодизації: він належить до свого періоду, але не є частиною його» [1] и добавляет, что уже Д. Чижевский имел трудности с обозначением места писателя в литературном процессе.

Иногда можно услышать если и не обвинения в обскурантизме, то сожаления о позиции Вишенского по поводу образования и культуры: «…оторванность его от просвещенной Западной Руси, консерватизм и временный упадок жизни и книжной культуры на Афоне, пребывание в пещере и личная неприязнь писателя к «учености» в любом виде…» [2].

На своеобразные взгляды Вишенского на науку и обучение грамоте обращали внимание многие исследователи, среди них И. Франко, А.Билецкий, И.Еремин, С. Шумило, М. Лескинен, Я. Стратий (он также утверждал о близости полемиста в критике католичества к теоретикам Реформации), но о собственно эстетических принципах Вишенского написано очень мало и вскользь.

В свете этого необходимым видится дополнить анализ полемических посланий Иоанна Вишенского и уточнить его эстетическую позицию путем сравнения с эстетикой раннехристианских апологетов. Выбор раннехристианских авторов объясняется тем, что положение церкви выбранного периода было во многом сходно с положением угнетаемого «униатами» православия рубежа 16-17 веков. Неслучайно исследователь Григорий Грабович говорит о схожести стиля Иоанна Вишенского, взывающего к «еретикам», и апостола Павла, проповедовавшего язычникам.

Для достижения наших целей наиболее удобным будет сравнительно-исторический метод, который позволит исследовать эстетические взгляды

средневекового полемиста в сравнении с аналогичными суждениями христиан периода поздней античности.

Обратимся к тексту «Книжки» Иоанна Вишенского. Уже в предисловии к посланиям видим недвусмысленную установку автора не искать в его произведениях красоты слога в светском понимании «не ищеши зде хитростей слогов сплетенорЪчных наказания еллинского, але слЪд существа правды» [3]. Вишенский изначально даёт понять, что он не намерен делать своё произведение привлекательным для читателя, украшая речь языческими «хитростями», но добивается простоты, что для него равнозначно правде. Такая антириторская установка не нова, ещё ранние христианские апологеты высказывались против актуального ораторского искусства, в связи с чем исследователь В.В. Бычков приводит слова Минуция Феликса: «Чем безыскуснее речь, тем очевиднее смысл» [4]. Даже гораздо более лояльный к античным авторам Лактанций согласен «что простая и голая истина прекрасна уже сама по себе и что, украшенная добавленными извне красотами, она часто искажается» [5]. Отметим, что Блаженный Августин, живший в ту же эпоху, что и обозначенные апологеты, создал первое уже христианское учение о красноречии, которое он направил во благо для Церкви.

В первом же произведении «Обличение диавола- миродержца» находим замечание об уподоблении современных христиан язычникам («поганцам») в миролюбии и роскоши «одним способом с поганци некрещеными мир любят и царство и роскоши его насытитися прагнут и еще болше, нежели погане» [3]. Чуть ниже находим «блеск и красоту свЂта того» в одном ряду с многочисленными «прелестями миродержца», которыми он по-прежнему ловит души людей, как и до пришествия Христова в мир. Примечательно, что том же абзаце прелесть-красота стоит рядом с прелестью-любовью «пали и поклонились славЪ, царству, красотЪ и любви вЪка того настоящего» [3].

В том же ключе критиковали раннехристианские апологеты роскошь латинян-язычников, противопоставляя им христианскую аскезу.

Что касается отношения Вишенского к светским наукам, то оно однозначно негативно, если речь идёт об античных авторах: «Чи не лЂпше тобЂ изучити Часословец, Псалтыр, Охтаик, Апостол и Евангелие с иншими… и жизнь вЂчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философам мудрым ся в жизни сей звати и в геену отити? … лЂпше ест ани аза знати, толко бы до Христа ся дотиснути» [3]. Эта мысль перекликается с мнением раннехристианских апологетов Татиана, Гермия, Феофила Антиохийского, Тертуллиана, Арнобия, которые «резко

критически отзывались об античной философии, науках, искусстве. Они полагали, что христианам нечему учиться у язычников» [4]. По мнению ранних христиан, науки и искусства были направлены на развлечение и увеличение роскоши, то есть по сути своей бесполезны, Вишенский же полагал, что они вредны и губят душу.

В полемических посланиях Вишенского находим строки о его отношении к произведениям искусства, ремесленниках и мастерах (которые в то время могли пониматься широко – как художники вообще), прельщаемых «миродержцем». Из беглых замечаний полемиста можем сделать вывод, что и художники воспринимаются им как одержимые гордыней люди, которые готовы душу продать за славу и деньги. Говоря «если хочеш хитрецем, майстром, ремесником рукодѢлным быти и других вымыслом превозыйти, чим бы еси и от сусѢд прославитися и грошики собрати…» [3], Вишенский словно вторит Тертуллиану, который полагал, что «искусство скульптора, живописца, швеи, гравера, направленное на создание изображений, служит идолопоклонству» [6].

В.В.Бычков в своём труде об отцах церкви отмечает, что ранние христиане вынуждены были выступить «против чрезмерной эстетизация культуры» и при этом (также как и Вишенский) нередко впадали в крайности. Отношение Иоанна Вишенского к наукам и искусству в целом укладывается в обозначенную В.В. Бычковым идею о «негативной» философии культуры, как и «эстетики отрицания» ранних христиан.

Перейдя ко второй главе «Книжки», увидим, что Вишенский указывает на недопустимое сближение православного церковного обряда с католическим и необходимость очищения церкви «да очистите церков от всяких прелестей и забобонов еретических и, без пестроты, в простотѢ сердца бога хвалѢте» [3]. Здесь не единожды сталкивается «пестрота» латинского обряда и «простота» православной веры, что очередной раз демонстрирует дуализм мышления Иоанна Вишенского, присущий, по мнению Б.А.Успенского, всему русскому средневековью.

Достойно внимания и то, как Иоанн Вишенский защищает славянский язык, настаивая, чтобы именно на нем писали и печатали книги, мотивируя это тем, что этот язык самый честный и богоугодный: «Ато для того диявол на словенский язык борбу тую мает, зане ж ест плодоносѢйший от всѢх языков и богу любимший: понеж без поганских хитростей и руководств, се ж ест граматик, рыторык, диалектик и прочих коварств тщеславных» [3]. Опять-таки сталкивается языческая хитрость, которую вобрала в себя латинская традиция, и христианская простота, воплощённая в старославянском языке. Современный исследователь Сергей Шумило, обращая

внимания на этот аспект посланий Вишенского, писал: «В полемике со сторонниками латинства, придерживавшимися т.н. «триязычной ереси», согласно которой в Церкви допустимо употребление лишь трех «божественных» языков (латыни, еврейского и греческого), старец Иоанн активно отстаивает церковнославянский язык как одну из важных сокровищниц национальной культуры и наследия» [7, с.123].

Наиболее ярко эстетические взгляды Вишенского нашли своё выражение, когда он коснулся темы уничижения и осмеяния иноков в родной земле. Здесь монах-святогорец предельно ясно высказал идею «антикрасоты» как один из принципов жизни инока. Полемист утверждает, что весь внешний облик монаха (который у него детально разбирается) призван посрамлять мирскую красоту «на посоромачене мирскои красоты духовне вымышленого строю ношеня того клобука» [3]. Каждая деталь иноческого облика пронизана идеей отвержения мирских эстетических ценностей: «…страшило на головѢ носит… волося долгое носит и не подголився, и зась: простое одѢне носит, шито некшталтовне, як в мѢх оболокся, и зась: поясище нѢкчемное скураное или ремѢнное, черевичище нѢмаш на што погледѢти или чоботища невытертыи, аж гадится погледѢвши на них» [3]. Ещё спустя несколько абзацев об иноках сказано, что волосы у них «косматые» и лица «неумытые». Такой взгляд соотносится с идеей времён раннего христианства о «глупом, позорном, недостойном и постыдном с точки зрения «мирской мудрости» [4]. Эта мысль восходит к словам апостола Павла: «глупое мира Бог избрал, чтобы посрамить мудрых» [7; 1 Кор. 1:27].

Также этот несоответствующий мирской традиции облик подчёркнуто неопрятного и нелепого в глазах света инока перекликается с идеей Б.А. Успенского о «дидактическом анти-поведении» юродивых: «Поведение юродивого насквозь проникнуто дидактическим содержанием и связано прежде всего с отрицанием грешного мира – мира, где нарушен порядок» [8, с.469].

Рассмотрев лишь несколько наиболее ярких эстетических суждений Иоанна Вишенского – о красноречии, роскоши, науках и искусстве, одежде, прическе – и найдя их почти полные соответствия в апологетах раннехристианских отцов церкви, делаем вывод об отвержении мирских (а также католических и «униатских», языческих) эстетических ценностей как Иоанном Вишенским, так и авторами, творившими на заре христианства. Всем им приходилось отстаивать свою веру в «экстремальных» условиях, жёстко полемизируя. А присущая Вишенскому, как средневековому православному человеку, дуалистичность мышления, не позволяла идти на компромиссы с остальным миром.

Отвергая старые эстетические принципы, раннее христианство в лице Тертуллиана декларирует новые – простота, естественность, истинность. Простота во всем, что связано с церковной жизнью, и идея посрамления мирской красоты, во всем, что касается обыденной жизни человека, становится эстетическим кредо Вишенского.

В статье продемонстрировано, что изучение святоотеческой традиции в творчестве Иоанна Вишенского весьма перспективно для дальнейшего исследования наследия православного полемиста. Актуальным также является изучение полемических посланий Вишенского в контексте более позднего богословия святых отцов Востока.

Список литературы

1. Грабович Г. Авторство й авторитет у Івана Вишенського: діалектика відсутності. URL: http://litopys.org.ua/hrabo/hr11.htm (дата обращения 20.06.2020)
2. Гаврилова С. Анализ лексики сочинения Иоанна Вишенского рубежа 16-17 веков «Книжка»: имя существительное. URL: https://nauchkor.ru/uploads/documents/5a6f88237966e12684eea0de.pdf (дата обращения 10.07.2020)
3. Іван Вишенський. Книжка. URL: htpp://litopys.org.ua/old14_16/old14_19.htm (дата обращения 09.06.2020)
4. Бычков В.В. Эстетика Отцов Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Patrologija/estetika-ottsov-tserkvi/#header (дата обращения 10.07.2020)
5. Лактанций. Божественные установления. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Laktantsij/bozhestvennye-ustanovlenija/3 (Дата обращения 12.07.2020)
6. Тертуллиан. Об идолопоклонстве. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Tertullian/ob_idolopokl/ (дата обращения 12.07.2020).
7. Шумило С. Старец Иоанн Вишенский: афонский подвижник и православный писатель-полемист. – К.:Издательский отдел УПЦ, 2016.
8. Апостола Павла 1-е послание к коринфянам// Библия. URL: https://azbyka.ru/biblia/?1Cor.1:27 (дата обращения 30.06.2020)
9. Б.А. Успенский. Анти-поведение в культуре Древней Руси // Избранные труды. Том I. Семиотика истории. Семиотика культуры.– М.: Школа Языки Русской культуры», 1996. – 6

УДК 821.111

Готические мотивы в мистических рассказах Амброза Бирса

Новак Кристина Витальевна
магистр кафедры истории зарубежных литератур
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
kris77nowak@gmail.com

Gothic themes in mystic stories by Ambrose Bierce

Novak Kristina Vitalievna
graduate student of the History of Foreign Literature Department
St. Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg

Аннотация. В статье рассматривается влияние готической традиции на зрелое творчество Амброза Бирса (1842–1914?). Исследование осуществляется на материале рассказов из сборников «Может ли это быть?» (1893) и «Рассказы о военных и штатских» (1891). Целью работы явилось выявление своеобразия творчества писателя в контексте готической литературы США конца XIX в. В работе анализируются характерные черты зрелого творчества писателя, такие как значительный интерес к особенностям работы сознания человека и стремление к познанию природы человеческого страха. Автор статьи приходит к выводу, что Бирс не только следует традициям готической литературы, но и подвергает их ироническому переосмыслению.

Ключевые слова: А. Бирс, сверхъестественные рассказы, готические мотивы, американская литература XIX в., литература ужасов.

Abstract. The article deals with the influence of the Gothic tradition on mature works of Ambrose Bierce (1856–1898?). The research is based on collections of short stories «Can such things be?» (1893) and «Tales of Soldiers and Civilians» (1891). The aim of this work is to reveal the particularity of artistic representation of stories by Ambrose Bierce in the context of American gothic literature of the end of the 19th century. It provides an analysis of characteristic features of the writer's mature creativity as a significant interest in peculiarities of consciousness and a desire to explore the nature of horror. According to the author, Bierce not only follows gothic traditions but uses it as an object of derisive reevaluation.

Keywords: A. Bierce, supernatural stories, gothic motives, 19th century American literature, horror literature.

Зарубежные и отечественные исследователи, изучающие прозу известного американского мастера короткого рассказа Амброза Бирса, выделяют в его творчестве несколько групп произведений, среди них – военные рассказы, городские легенды и «ужасные» рассказы. В отличие от городских и военных рассказов, «ужасные» рассказы А. Бирса посвящены теме ирреального. Последняя категория имеет тесную связь с «литературой ужасов», представляющей собой известную традицию, пережившую свой расцвет в конце XVIII – начале XIX вв.

Известно, что готическая литература как явление зародилась в Англии, а затем распространилась за пределы Европы, в том числе и в Соединенные Штаты. Конвенции европейской готической литературы, оказавшись в ином социально–историческом контексте, существенно трансформировались: для американской готики наиболее важными элементами стали такие признаки как сверхъестественная тематика произведений в ироническом осмыслении, критика социальных аспектов американского общества, интерес к внутреннему бессознательному и космические масштабы сверхъестественного ужаса [1, с. 8]. Развитие жанра психологической новеллы и последующее выделение из него жанра «страшного» рассказа в целом совпадает по времени с периодом становления американской романтической традиции, одним из наиболее видных представителей которой явился Эдгар Аллан По, не только создавший свою литературную теорию, изложив ее в нескольких критических статьях 1830-х–1840-х гг., но и определивший основные черты американской романтической новеллы [2, с. 138–139].

Многие исследовали конца XIX века отмечали влияние, которое оказало творчество Э. По на творчество Бирса [3, с. 109]. Действительно, в творчестве А. Бирса и Э. По можно найти немало схожих черт – это и интерес к особенностям работы сознания человека, и общность тематики (смерть, привидения, роковые случайности, мистические феномены, таинственные исчезновения, погребение заживо и т. д.). К подобным выводам приходят и современные исследователи творчества автора: А. Б. Танасейчук отмечает, что его рассказы о привидениях являются «прямыми наследниками новеллы ужасов Эдгара По» [4, с. 16]. Действительно, как и Э. По, Бирс наполняет свои рассказы ощущением страха и отчаяния, зачастую знакомит читателя с серией «достоверных фактов», но так и не раскрывает причину таинственных событий, произошедших с его героями.

Важно, что в своих «ужасных» рассказах Бирс достигает эффекта неопределенности, о котором писал Э. По. К примеру, рассказ «Проклятая тварь» («The Damned Thing») лишен разъяснения произошедшего. Конечно, в ходе рассказа персонажи высказывают различные предположения: исходя из рассказов очевидцев, героя мог растерзать «горный лев», но запись в ежедневнике жертвы свидетельствует о том, что его вполне могла загрызть и собственная собака, которой погибший случайно нанес ранение. [5, с. 224–225]. Таким образом, в данном рассказе тайна гибели персонажа остается нераскрытой.

Место и время действия в «ужасных» рассказах автора несколько однообразны и условны. Как правило, действие происходит ночью или в сумерках, в заброшенном

доме, полном привидений, а также в лесу или на кладбище [6, с. 4]. В своих произведениях Бирс размышляет о том, может ли разум победить суеверие, а также о природе человеческого страха. Писатель заимствует из традиционного готического романа многие элементы и образы: привидений, кладбища, таинственные звуки, пустующие дома. Также в прозе Бирса граница между миром живых и миром мертвых зачастую стерта. В свои произведения писатель нередко включает фольклор, сны, образы, заимствованные из народных поверий, галлюцинации, элементы фантастики. Сон как акт промежуточного состояния между жизнью и смертью зачастую выступает смыслообразующим элементом в рассказах Бирса, что существенно расширяет границы повествования, делает героя свидетелем событий, произошедших без его участия. Ужас в рассказах Бирса выступает своего рода импульсом, который побуждает персонажей к действию.

Что касается главных героев рассказов Бирса, то они, как правило, мыслят рационально, не верят в сверхъестественное, а затем, столкнувшись с необъяснимым, не выдерживают выпавших на их долю испытаний. Повествователь, как правило, скептически настроен по отношению к таинственным явлениям и доверяет лишь фактам, что объясняется во многом родом его деятельности: следователь, журналист, доктор. В пример можно привести рассказ «Страж мертвеца» («A Watcher by the Dead»), в центре которого стоит испытание рационально мыслящего, несуеверного человека, которое тот не проходит – он умирает от страха. Однако и те, кто устроил ему это испытание страхом, не проходят его и сами – человек, изображавший перед испытуемым оживший труп, сходит с ума [5, с. 128–130]. Представление судьбы героев как рокового стечения обстоятельств – характерная черта произведений Бирса, идущая из готической традиции, в рамках которой Рок предстает абстрактной, слепой, иррациональной силой, равнодушной к человеку.

Известно, что существует два вида страха: «horror» – страх отвращения (при виде крови, ужасных увечий и т.д.) и «terror» – страх возвышенный, облагораживающий человеческий дух. Следует заметить, что в рассказах Бирса присутствуют обе разновидности страха, однако если «horror» чаще встречается в военных рассказах Бирса, то в «ужасных» рассказах чаще встречается именно «terror». Репрезентативным примером этого является мистическая история «Человек и змея» («The Man and the Snake»), в котором герою показалось, будто из угла комнаты за ним следит змея, и он погибает от страха; в конце рассказа выясняется, что это было лишь чучело змеи. [5, с. 140]. Можно сказать, что автор помещает своих

героев в ситуацию, когда реальная опасность заключена в воображении самого персонажа, сила которого приводит его к гибели.

Зачастую «ужасные» рассказы Бирса ироничны – многие из них откровенно пародируют произведения литературы ужасов, при этом ирония в рассказах Бирса часто перерастает в сарказм. В пример можно привести произведение «Страж мертвеца», в котором автор соблюдает шаблоны готической традиции: действие замкнуто пространством пустующего дома, присутствует запертая комната, рассказ пронизывает зловещая атмосфера, готовящая читателя к дальнейшим событиям. Окружающая обстановка и восприятие движения времени передаются писателем через взгляд главного героя, испытывающего страх перед мертвецом, в обществе которого он должен провести ночь. Однако в конце рассказа мы понимаем, что все происходящее было задумано как розыгрыш. В этой истории трое друзей решили подшутить над своим знакомым, оставив его на ночь в комнате с поддельным трупом, которым притворился один из товарищей. Таким образом, нагнетающая обстановка в доме намеренно создавалась для того, чтобы испугать главного героя. Рассказ пронизывает ирония и пародия на готическую традицию. Ироническое переосмысление готической традиции присутствует и в других произведениях писателя. В пример можно привести рассказ «Соответствующая остановка» («The Suitable Surroundings»), в котором писатель показывает человека в состоянии томительного ожидания ужаса, которое пугает сильнее, чем любое ужасное явление [5, с. 148]. Таким образом, мистика в его рассказах нередко становилась мистификацией. Известно, что начало XIX века ознаменовано появлением множества пародий на готические произведения, из чего можно заключить, что Бирс следовал тенденциям литературы своего времени.

Заглавия произведений Бирса также играют не последнюю роль в их восприятии: они подготавливают читателя к повествованию, полному зловещих подробностей («Страж мертвеца», «Проклятая тварь», «Диагноз смерти» и др.) Также у Бирса встречаются заглавия, заранее создающие не столько зловещую, сколько таинственную атмосферу, например, «Царство иллюзии», «Заколоченное окно», «Тайна долины Макарджера» и др. [7, с. 267–268].

Будучи умелым психологом, Бирс анализирует процесс возникновения страха и приходит к выводу, что его исток находится не вне человека, а в нем самом. Реакция героев его рассказов на грозящую им опасность выявляет их внутренние пороки и слабости, при этом краткость формы рассказа способствует концентрации истории на подобных моментах человеческой жизни. Таким образом, можно сделать вывод, что

писатель, во многом следуя готическому направлению, внес большой вклад в дальнейшее развитие «литературы ужасов»: во многом усовершенствовав жанр американского готического рассказа, он также обогатил его с помощью новых художественных приемов.

Список литературы

1. Тарасова Е. В. Традиции готического романа в прозе США XIX – первой трети XX веков (Э.А. По, А. Бирс, Г.Ф. Лавкрафт) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.03. Минск: Белорусский государственный университет, 2018. 24 с.
2. Апенко Е. М. «Фигура читателя» в теории творчества Эдгара Аллана По // Литература двух Америк. 2017. № 2. С.134–140.
3. Кашкин И. А. Амброз Бирс // Для читателя-современника. М.: Советский писатель, 1977. С.93–123.
4. Танасейчук А. Б. Традиции литературы США XIX века и творчество Э. Бирса : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. Л.: Ленинград. гос. ун-т, 1989. 15 с.
5. Бирс А. Заколоченное окно. Рассказы и миниатюры / под ред. С. В. Марченко. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1989. 272 с.
6. Михалева Е. С. Концепт «страх» в военных рассказах Амброза Бирса // Вестник Московского Государственного Областного Университета. 2016. № 2. С.69–77.
7. Михалева Е.С. Роль заглавий рассказов Аброза Бирса в создании концепта «страх» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. №6–2 (84). С.265–269.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

УДК 81'34

Специфика концептуализации образа России в американских СМИ

Ракитянская Елена Васильевна
канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и методики преподавания
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, РФ, г. Абакан
erakit@yandex.ru

Specific conceptualization of the image of Russia in the American mass media

Rakityanskaya Elena Vasievna
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
and Teaching Methodology, The Katanov University of Khakassia, Russia, Abakan

Аннотация. В статье дается обзор лингвистических исследований, посвященных анализу образа России в зарубежном политическом дискурсе. Обобщены основные лексические средства, концепты, концептуальные метафоры и стилистические приемы, объективирующие образ России в массовом сознании. Обосновывается идея о том, что в статьях о России в целом доминируют негативные личностные смыслы, что обусловлено не только сложными политическими отношениями России и США, а также условиями обострения развернувшейся информационной войны между странами.

Ключевые слова: образ России, личностные смыслы, концепт, концептуальная метафора, информационная война

Abstract. The article provides an overview of linguistic studies devoted to the analysis of the image of Russia in foreign political discourse. It deals with lexical means, concepts, conceptual metaphors and stylistic devices objectifying the image of Russia in the mass consciousness. The idea is that negative personal meanings dominate in the articles about Russia that is the result not only of the complex political relations between Russia and the United States, but also the conditions of the information war strengthening between the countries.

Key words: image of Russia, personal meanings, concept, conceptual metaphor, information war

Исследования, посвященные описанию и анализу образа России в западных СМИ, очень популярны в ряде общественно-политических дисциплин: истории, социологии, политологии, культурологии и т.д. Однако, раскрытие этой темы максимально эффективно возможно лишь благодаря лингвистическим компетенциям исследователя, поскольку погружение в языковой материал и объективация личностных смыслов авторов статей о России невозможны без высокого уровня владения языком оригинала публикации и методами лингвистического анализа.

Одним из первых лингвистических исследований на заявленную тему стала диссертация С.Н. Зарезиной (2004) «Устойчивые личностные смыслы в аспекте межкультурной коммуникации: На материале статей о России в англоязычной прессе за 1991-2004 гг.» [1]. "Личностный смысл" определяется как состояние сознания человека, возникающее в результате соотнесенности вербального или невербального выражения с денотативной ситуацией, сконструированной говорящим /пишущим в соответствии с его интенциями на основе веры, желания, личного мнения или эмоций [1, с. 91]. Автор выделяет три типа статей о России в англоязычной прессе в соответствии с наличием или отсутствием в них устойчивых личностных смыслов: 1) статьи, в которых отсутствуют личностные смыслы; 2) статьи, соединяющие в себе объективные и личностные смыслы; 3) статьи, содержащие в себе, в основном, личностные смыслы.

В диссертации определено, что в статьях о России в англоязычной прессе выражение устойчивых личностных смыслов является текстообразующим фактором. Устойчивые личностные концепты и концептуальные метафоры составляют единую интертекстуальную концептосферу, выступающую в качестве организующего центра каждого конкретного текста, отправной точки его порождения и структурно-языкового оформления. Устойчивостью характеризуются такие концепты, как "Inefficacy (Неэффективность)", "Disorder (Беспорядок)", "Tragedy (Трагедия)", "Deception (Обман)". Как правило, они вводятся уже в заголовке и служат основой денотативной структуры текста, актуализируя концептуальное сходство описываемых явлений. Соотносящиеся с данными концептами лексические единицы характеризуются высокой текстовой плотностью. Инвентарь устойчивых концептуальных метафор, репрезентирующих Россию, включает в себя следующие метафоры:

RUSSIA IS AN UNTIDY HOUSE (РОССИЯ – ЭТО НЕУБРАННЫЙ ДОМ),

RUSSIA IS A BROKEN VEHICLE (РОССИЯ – ЭТО СЛОМАНОЕ ТРАНСТПОРТНОЕ СРЕДСТВО),

RUSSIA IS A SICK PERSON (РОССИИ – ЭТО БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК),

RUSSIA IS A BEAR (РОССИЯ – ЭТО МЕДВЕДЬ).

Таким образом, в диссертации установлено, что интертекстуальная концептосфера статей о России за 1991-2004 гг. характеризуется негативно-ценностной смысловой доминантой [1, с. 13].

Огромное количество более поздних исследований образа России в зарубежных СМИ расширяет данный набор негативных концептов и концептуальных метафор. Например:

Авторы проекта РФФИ № 18-012-00606 дают комплексную характеристику метаконцепта «АГРЕССИЯ», который, по их мнению, является базовым в отношении представлений о России в западных СМИ. Этот метакоцепт включает следующие концепты: «ВОЙНА», «БЕЗЗАКОНИЕ», «ШПИОНАЖ», «ВРАЖДЕБНОСТЬ», «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ» [4]. Антироссийские настроения, по мнению авторов, доходят до абсурда, когда авторитетное издание The Times усмотрело в российском мультфильме "Маша и Медведь" черты взаимоотношений Президента РФ и народа [4, с. 104].

Заметим, что образ русского медведя закрепился за Россией еще в XVI-XVII веках в воспоминаниях европейских путешественников того времени и продолжает доминировать в ходе дальнейшей истории [3]. В динамике своего развития этот зооморфный образ обретает все более негативные агрессивные черты и становится оружием пропаганды иностранных СМИ уже в XIX веке. В ходе мировых войн XX века происходит окончательное закрепление за «русским медведем» негативных ассоциаций, подчеркивающих его кровожадность, дикость и неуправляемость, что продолжалось и в послевоенный период. В 1977 г. организационный комитет Олимпиады-80 выбрал эскиз В. Чижикова с улыбающимся медвежонком в качестве символа предстоящих игр, однако, эта попытка позитивизации свирепого образа русского медведя не принесла долговременного результата [3, с. 172].

Политические события последних лет дали толчок дополнительным исследованиям в рамках заявленной проблематики. Анализ иностранных статей о роле России в сирийском конфликте расширили список концептуальных метафор, объективирующих образ России:

РУССКИЕ – ЭТО УПРЯМЫЕ НИЩИЕ;

АСАД – ЭТО КРОВАВЫЙ УБИЙЦА;

РОССИЯ – ЭТО СПАСИТЕЛЬ КРОВАВОГО УБИЙЦЫ;

РОССИЯ И СИРИЯ – ЭТО КРОВАВЫЕ УБИЙЦЫ [7].

В статьях об украинских событиях Россия предстает отколовшимся бунтарем, противопоставляющим себя Западу и НАТО. Статьи изобилуют метафорой войны как игры, где Украина предстает трофеем, В.В. Путин представлен новым диктатором советского формата, реинкарнацией И.В. Сталина. Таким образом, Россия

представлена в образе враждебного милитаристского государства, государства-агрессора, инициатора военного конфликта с Украиной и аннексатора Крыма [6].

Контент-анализ ведущих американских СМИ (The Washington Post, The New York Times, The Wall Street Journal) о событиях в Украине выявил частотность употребление следующих лексем: rebels (повстанцы), separatist fighters (досл. борцы за отделение), pro-Russian (пророссийский), Russian-backed (поддерживаемые Россией), Russia's puppets (марионетки России) [8, с. 396].

Стилистические средства как инструмент формирования образа России западными СМИ представлен стандартным набором эпитета *(hostile Russian activity, the most voracious imperial power)*, метафоры *(the party guest (Putin) smashed up the living room with a golf club and pushed the vicar into the pool),* синекдохи (*Putin's Russia*), антитезы *(he (Putin) may at times warn against amnesia, but he has done much to rehabilitate Stalin)*, эмфазиса *(is there anyone else, beside the Russian government who would have a motive to kill Skripal…)*, градации (*the road to Europe goes via Kiev, with respect of Ukraine's European choice, and adherence to the European security order)* и т.д. Все эти стилистические средства используются авторами статей, чтобы представить Россию и ее президента в весьма невыгодном свете [5, с. 41].

Массовое использование оценочной лексики в статьях о России навязывает адресату следующие выводы (пропозиции): Россия обманывает весь мир; в России все структуры власти коррумпированы и преступный сговор включает не отдельных лиц, а всю власть целиком; Россия никогда не признает своих ошибок и преступлений; наиболее результативным вариантом диалога с Россией является давление на нее и принятие санкций и всевозможных запретов [2, с. 246].

К причинам негативного восприятия России населением западных стран политологи относят следующее:

1. Информационная война Запада и России, которая началась в 2007 г. после «Мюнхенской речи В.В. Путина» и достигла небывалой остроты после украинского кризиса. Против России задействован комплекс информационно-пропагандистских мер с целью максимального ослабления режима. Конечная цель этих мер – формирования образа России как «государство зла». В информационном пространстве мелькают следующие темы: украинский кризис, война в Сирии, кибератаки, допинговые скандалы, коррупция, слабая зависимая от сырья экономика, нарушение прав и свобод человека, президент как автократ и агрессор и т.д.

2. Ошибки в формировании собственного образа и национальной идеи, что затрудняет продвижение положительного образа России.

3. Падение роли русского языка и сокращение численности его носителей [9].

Для изменения сложившейся ситуации политологи рекомендуют принять комплекс мер, направленных на формирование положительно окрашенной национальной идеи, на продвижение и развитие русского языка, а также более активно участвовать в информационной войне.

Список литературы

1. Зарезина С.Н. Устойчивые личностные смыслы в аспекте межкультурной коммуникации (на материале статей о России в англоязычной прессе за 1991-2004 гг.) /автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Иркут.гос. лингвистич. ун-т. Иркутск, 2004. - 205 с.
2. Зарубина Н.Е. Роль оценочной лексики в формировании образа России в западных СМИ // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 244-247.
3. Котеленец Е.А., Затуловская М.С., Лаврентьева М.Ю. "Русский медведь" - динамика изменений образа России в мире // Научный диалог. 2018. № 7. С. 164-176.
4. Кузнецова Л.В., Викулина М.А. Особенности концептуализации образа России в англоязычных СМИ //Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 17 (815). С. 95-108.
5. Мерзлякова Е.В. Стилистические средства как инструмент формирования образа России западными СМИ // В сборнике: Язык. Образование. Культура Сборник научных трудов по материалам XII Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием, посвященной 83-летию КГМУ. 2018. С. 36-43.
6. Морозова О. В. Речевые способы формирования образа России в российских и американских СМИ: автореф. дисс. … к. филол. н. Саратов, 2018. - 22 с.
7. Попова Т.Г., Зарипов Р.И. Языковые и визуальные метафоры образа России в западных СМИ // Один пояс - один путь. Лингвистика взаимодействия Материалы Международной научной конференции. Ответственные редакторы А.П. Чудинов, Сунь Юйхуа. 2017. С. 142-144.
8. Токарева А.С. Образ России: контент-анализ западных СМИ // Общество в эпоху перемен: современные тенденции развития Материалы Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, проводимой в рамках II Междунар. форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Управляем будущим!» Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2014. С. 392-396.
9. Харыбин А.Н. Проблемы формирования положительного образа России среди населения западных стран // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2017. № 1. С. 114-119.

УДК 821.111(73) + 75.056

В поисках визуального образа фэнтези: иллюстрации Чарлза Весса к циклу о Земноморье Урсулы Ле Гуин

Суркова Ксения Вячеславовна
аспирант кафедры зарубежной литературы
Институт филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
РФ, г.Нижний Новгород
Gnomik_29@mail.ru

In search of a visual image of fantasy: Charles Vess`s illustrations for Ursula Le Guin's Earthsea cycle.

Surkova Ksenia Vjacheslavovna
PhD student, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia, N. Novgorod

Аннотация. В статье рассматривается цикл иллюстраций Чарлза Весса к произведениям о Земноморье Урсулы Ле Гуин. Иллюстрации подразделяются на несколько типов, анализируется каждый из них, выделяются его характерные черты и особенности. Исследуется, насколько стилистика изображений соответствует специфике литературного произведения. Отмечается использование художником принципов и приёмов таких стилей и направлений, как японская живопись, постимпрессионизм и модерн. Указывается, что ведущую роль при создании визуального облика Земноморья играют образы деревьев и драконов. Выделяются такие черты рассматриваемого цикла иллюстраций, как высокая доля условности, символичность, декоративность и орнаментальность, сочетание условности при изображении людей с реалистичной проработкой пейзажа. Делается вывод, что Чарлз Весс в рассматриваемых работах создаёт уникальный визуальный образ Земноморья, опираясь на философско-эстетическую концепцию литературного первоисточника.

Ключевые слова: «Книги Земноморья», Чарлз Весс, фэнтези, иллюстрация, Урсула Ле Гуин

Abstract. The article deals with a series of illustrations by Charles Vess for Ursula Le Guin's Earthsea. Illustrations are divided into several types and each of these types is analyzed. It is investigated how the style of images corresponds to the specifics of a literary work. It is noted that the artist uses the principles and techniques of such styles and trends as Japanese painting, post-impressionism and modern. It is indicated that images of trees and dragons play a leading role in creating the visual appearance of the Earthsea. There are such features of the considered cycle of illustrations as a high proportion of conventionality, symbolism, decorativeness and ornamentation, a combination of conventionality in portraying people with a realistic study of the landscape. It is concluded that Charles Vess creates a unique visual image of the Earthsea, which based on the philosophical and aesthetic conception of the literary source.

Key words: The books of Earthsea, Charles Vess, Ursula Le Guin, fantasy, book illustration

Объектом рассмотрения в данной статье является цикл иллюстраций Чарльза Весса к произведениям о Земноморье Урсулы Ле Гуин, выполненный художником для издания "The Books of Earthsea: The Complete Illustrated Edition" (Saga Press, 2018). Чарльз Весс — признанный мастер, создавший иллюстрации к произведениям Нила Геймана, Чарльза де Линта и др. [1].

Данное издание представляет интерес прежде всего потому, что это полное собрание в одном томе всех историй о Земноморье, которые «наконец впервые на английском ... расположились в правильном порядке» [2, с.974], снабжённое также предисловием и послесловием писательницы. После заключительного романа о Земноморье в книге следует «Краткое описание Земноморья», рассказы «Освобождающее заклятие», «Правило имён», «Дочь Одрена», «Свет домашнего очага», а также статья «Земноморье, пересмотренное и исправленное». Таким образом книги, писавшиеся и издававшиеся в течении более чем тридцати лет, представлены не просто в виде единого цикла, но представляют собой одну книгу (отсылка к сакральным текстам, требующим толкования) — единый законченный текст. Написанные специально для этого издания комментарии Урсулы Ле Гуин, также как и «Краткое описание Земноморья», предполагает «рассматривание» деталей, погружение в мир, созданный писательницей. Высказывание Урсулы Ле Гуин о том, что она воспринимает «эти книги не как трилогию или даже секстет, не как некий сериал или цикл, а просто как истории о Земноморье» [2. с.974], несёт в себе идею о существовании бесконечно развивающегося вторичного мира. Опора на традиционную книжную культуру, в том числе на сакральные тексты, требующие вдумчивого чтения и толкования, находит отражение во взаимодействии текста и иллюстраций: для заголовков каждого из романов подбираются особые шрифты, гармонирующие с рисунком и создающие вместе с ним единый образ — символ, вызывающий в памяти изображения декоративных буквиц из средневековых манускриптов.

Книги, писавшиеся Урсулой Ле Гуин в течении более чем трёх десятилетий, отражают творческую эволюцию писательницы и изменение её подходов к созданию образов персонажей. Иллюстрации же делаются художником уже сразу к целостному законченному циклу.

Синтез визуального и словесного образа заложен в самом феномене фэнтези. Дж.Р. Толкин рисует карту Средиземья и детализирует её во время работы над «Властелином колец», а также создаёт рисунки к своим произведениям. Урсула Ле Гуин, рассказывая о том, как она начала создавать мир Земноморья, вспоминает, что

«усевшись за стол, первым делом принялась рисовать карту «увиденной» мной страны, которую назвала Земноморьем. … Первоначально карта была нарисована на огромном листе бумаги» [2. с.7]. Таким образом происходит движение от визуального масштабного образа (карта) к детальному вербальному его изучению и воплощению, а затем уже к визуализации в иллюстрациях.

Несмотря на кажущуюся простоту иллюстрирования фантастических произведений, художник сталкивается в них с целым рядом трудностей. Работая с реалистическим произведением, иллюстратор имеет внетекстовую опору в виде собственного культурного опыта: представление о визуальном образе эпохи, об этническом облике описываемой нации, архитектуре и культуре изображённого в произведении топоса. В случае с фантастическими произведениями такой опоры, лежащей за пределами литературы, не существует, здесь художник должен полностью опираться на текст, вчитываясь и вживаясь в него, чтобы создать рисунок, наиболее соответствующий духу произведения, его основной идее, но в то же время отражающий и индивидуальный стиль художника. При отсутствии подобного проникновения в текст и замысел писателя, иллюстраторы создают некие усреднённые фантастические образы, ориентированные на массовое представление о каноне фэнтези. О подобных трудностях Урсула Ле Гуин говорит в предисловии к рассматриваемому изданию, отмечая, что «некоторые обложки сами по себе были довольно симпатичными, хотя изящные средневековые персонажи и острова, где высились замки с островерхими башнями, не имели ничего общего с моим земным, грубоватым, насквозь просоленным Земноморьем» [2. с.8]. В то же время она высоко оценивает работу Чарлза Весса, говоря, что теперь может «позволить его искусству говорить самому за себя» [2. с.9].

Иллюстрации Чарлза Весса к циклу о Земноморье могут быть разделены на несколько типов. Это рисунки, предваряющие романы и расположенные на страницах с названиями, цветные вкладки-иллюстрации в начале каждого произведения, рисунки на страницах с содержанием произведений, иллюстрации по ходу повествования. Рассмотрим особенности и характерные черты каждого из этих типов иллюстраций.

1. Иллюстрации, расположенные на страницах с заглавиями произведений, изображают как правило главного героя, предстающего в то же время и как символический образ. В качестве примера рассмотрим две из них: к романам «Волшебник Земноморья» и «Техану». Иллюстрации к первому произведению цикла открывает фигура Геда, смотрящего на склонившегося к нему

дракона. И герой, и дракон изображены в профиль и представляют собой целостную композицию (волшебник стоит на изогнутом кольцом хвосте дракона, склонившего к нему свою голову с разинутой пастью). Фигура Геда статична и дышит спокойствием, тогда как в застывшем в витиеватом изгибе (напоминающем замысловатую буквицу древней рукописи) чудовища чувствуется внутреннее движение и динамика. Декоративность, на которую работают чёткие яркие контуры рисунка, и сложный изгиб линий отсылает к образам стиля модерн. Персонажи контрастны: маленькая фигурка Геда статична, спокойна и состоит целиком из округлых плавных линий, в то время как противопоставленная ей огромная (в три раза больше по размеру) фигура дракона полна внутреннего напряжения, о котором свидетельствуют чётко обозначенные мышцы шеи и передних лап, огромный оскал и скрученная поза. Мощные раскинутые крылья напоминают трепещущие на ветру драпировки. Потенциальное движение чудовища останавливается незамысловатой фигуркой Геда, уравновешивающей композицию, придающей ей статичность и превращающей извивающегося дракона, напоминающего знаменитых горгулий собора Нотр-Дам, в изысканный декоративный элемент. Обе фигуры образуют собой знак восьмёрки — символ бесконечности.

Роман «Техану» открывается изображением героини, по имени которой названа эта книга, стоящей на коленях лицом к зрителям. Правая сторона тела девочки объята пламенем, языки которого взвиваются вверх, а за спиной Техану причудливыми узорами поднимаются клубы дыма. В сомкнутых ладонях, одна из которых так изуродована огнём, что напоминает скорее лапу дракона, героиня держит зерно с ростком. Извивающийся плавной линией стебель с небольшими листочками на фоне языков пламени вызывает ассоциацию с мировым древом, символом жизни и мироздания. Несмотря на коленопреклонённую позу девочки, устремлённый на зрителя взгляд её единственного глаза полон необычайной ясности и решимости.

2. Цветные вкладки-иллюстрации в начале каждого романа создают в первую очередь визуальный образ созданного Урсулой Ле Гуин мира Земноморья, изображая его основные топосы: портовый город на внутреннем острове и морскую стихию, горы Гонта и Тронный храм на острове Атуан, Имманентную рощу острова Рок и царство смерти, отграниченное от мира живых серой кирпичной стеной.

«Волшебник Земноморья» открывается изображением порта в небольшом городке центрального архипалага Земноморья. Линия причала, проходящая в нижней половине рисунка, по диагонали слева направо делит его на две части, воплощающие в себе саму суть созданного писательницей мира: соединения,

единения земли и моря. Все составляющие морской стихии (вода, каменный причал и пирс, пришвартованные лодки), решены в монохромных тонах — оттенках синего и серого. Мир земли воплощён в первую очередь посредством различных оттенков охристых тонов, однако несмотря на композиционное противопоставление, колористически мир воды и земли не противопоставлены, а соединены, сплавлены между собой. Это происходит за счёт использования цвета: крыши половины домов серо-голубого цвета моря, а коричневые бочки и столбы береговых укреплений словно вкраплены в морскую стихию. Высокая линия горизонта очерчена озарёнными солнечным светом зелёными холмами, за которыми открывается розовато-голубое небо. Крыши и фасады самых дальних от зрителя домов также имеют зеленоватый оттенок. Таким образом в нижней трети рисунка перед зрителем открывается море, в верхней трети — земля, а посередине — мир Земноморья, основанный на взаимодействии и взаимопроникновении этих стихий. Город на рисунке плавно вытекает из моря и соединён с ним голубовато-серой, уходящей вглубь города мостовой с струящимися по ней ручьями, а дальними зелёными крышами своих домов повторяет контуры холмов на горизонте.

В «Гробницах Атуана», втором романе о Земноморье, Урсула Ле Гуин создаёт образ земель, противопоставленных по своей социальной и культурной организации внутренним островам. Выходцы с Каргадских островов, в отличии от жителей центрального архипелага, обладают светлой кожей и воинственным нравом, отрицают магическое искусство, но имеют развитую религиозную систему. Иллюстрация ко второму роману также вступает в контраст, прежде всего колористический, с рисунком к «Волшебнику Земноморья». Изображение решено в оттенках желтого и коричневого цветов. Большую часть пространства листа занимают массивные колонны и ступени, по сравнению с которыми человеческие фигурки кажутся необычайно маленькими. Стоящие плечом к плечу люди облачены в одинаковые одежды с капюшонами и наполовину скрыты каменными ступенями, поэтому воспринимаются как единое, неделимое сообщество. Среди них выделяется фигура главной героини в белой одежде, с непокрытыми чёрными ниспадающими волосами, устремившей взгляд ввысь, под купол храма, пронизанный лучами яркого солнечного света. Другие герои не видят этого света, поскольку их головы почтительно опущены, а взгляды устремлены вниз. Истинное имя героини — Тенар — означает горящий светильник, свет. Художник совместил в этом рисунке имеющие различную природу источники света: в нижней части изображения — сливающийся в единое пламя свет множества светильников, которые жрицы держат в своих руках, —

сжигающий и жертвенный. В верхней же части рисунка — единый широкий поток яркого солнечного света, пронизывающий сумрак храма. Взгляд героини, устремлённый вверх, указывает её символический путь, а ступени Незанятого трона, перед которыми стоит Тенар, воспринимаются не только как архитектурный элемент храма, но и как символ духовного восхождения, поскольку ведут в ту сторону, откуда исходит источник солнечного света. Бывшая сущность героини — жрица Ара — исчезает навсегда, словно сгорая в культовом, рукотворном огне вместе с устаревшими идолами и ложными ценностями, и героиня выходит в мир, к свободе, вновь обретая способность быть как солнечный свет, яркий и бесконечный, способный освещать и согревать не сгорая.

В иллюстрации, открывающей третью книгу — «На последнем берегу», преобладает изображение морской стихии — древнейшей сущности мира Земноморья, отсылающей к мифическим временам. Море старше островов, которые Сегой поднял с его дна во времена созидания. На заднем плане рисунка — покрытое затейливым узором туч и облаков небо, на переднем плане — бурные морские волны, изображение которых решено в стиле японской гравюры. В центре — огромный огненный медно-золотой дракон с раскинутыми крыльями словно присел на бушующие волны и спокойно взирает на человека в маленькой лодке, обращающегося к нему. Другой герой — Аррен в страхе сжался на корме лодки, стараясь удержать её руль. С третьей книги цикла начинается переосмысление образов драконов во вселенной Земноморья, которые в этой книге впервые выступают в качестве союзников и помощников главных героев. Из опасных для человека, «чужих» существ, мудрых, но коварных хранителей сокровищ, драконы трансформируются в воплощение некогда утерянных людьми мудрости и свободы, ведь в древности драконы и люди были единым народом.

В иллюстрации к роману «Техану» художнику удаётся с помощью изображения противоположных стихий, образующих вместе единое целое, передать центральную для цикла о Земноморье идею равновесия. Рисунок имеет вертикальный формат: справа от зрителя всё пространство занято стихией земли — каменные уступы различных охровых оттенков — скалы острова Гонт, край которых скрывается за пределами изображения, а слева — море, сливающееся с облачным небом. На их границе расположена фигура, воплощающая стихию огня и занимающая большую часть пространства — огромный красный дракон, уцепившийся лапами за склон и причудливо изогнувший хвост и крылья. Прямо перед мордой чудовища, выпускающего из ноздрей клубы дыма, — хрупкая фигура приветственно поднявшей

правую руку Тенар, выделяющаяся как композиционно (она расположена в самом центре рисунка), так и по колориту. В то время как одежды Геда, виднеющегося на спине дракона, решены в тех же охровых оттенках, что и скалы, зелёная одежда героини, гармонируя с общим колоритом рисунка, в то же время выделяется на фоне скал. Фигуры дракона Калессина и Тенар образуют собой восьмёрку — символ бесконечности. Иллюстрация не только изображает один из важных эпизодов произведения — прибытие Геда на остров Гонт и знакомство Тенар с Калессиным, но и воплощает основные идеи романа, показывая, как баланс противоположных стихий, так и единство драконов и людей. Важен и тот акцент, который сделан на фигуре Тенар, поскольку именно в этом произведении Урсула Ле Гуин целенаправленно решает изменить традиционную вспомогательную роль женщины в произведениях фэнтези и сделать её подлинной главной героиней.

Иллюстрация к «Сказаниям Земноморья» создаёт визуальный образ ещё одного важнейшего топоса Земноморья — Имманентной рощи. Медра и Элеаль стоят, взявшись за руки, смотрят в глаза друг другу, и их фигуры кажутся крошечными на фоне огромных массивных стволов древних деревьев рощи. Рисунок решён в оттенках зелёных и золотисто-жёлтых тонов, стволы деревьев вырастают из светло-зелёного покрова травы и образуют единое пространство, купол, целиком состоящий из травы и деревьев, замкнутое магическое пространство. Не видно ни неба, ни горизонта, Имманентная роща — весь мир, образ райского сада, само нахождение в котором способно даровать человеку величайшую мудрость. Золотистые пятна листьев деревьев перекликаются с бликами на траве и всё это воспринимается зрителем как просветы, окна в иную, вневременную реальность. Как и в большинстве других иллюстраций, на этом рисунке центральное место занимают не герои, изображенные достаточно схематично и обобщённо, а мир Земноморья, магия которого заключается в понимании сути всех вещей.

Последняя цветная иллюстрация в книге открывает заключительный роман «На иных ветрах» и представляет топос, связанный с одной из важнейших тем цикла — темой смерти. Каменная стена, являющаяся границей между миром живых и страной смерти, делит пространство рисунка на две части и уходит за пределы изображения. Пространство сумеречной страны за стеной решено в монохромной серой гамме, ведь там никогда не восходит солнце. Высокие горы закрывают линию горизонта, за ними — затянутое чёрными тучами небо, однако над самыми дальними вершинами из-за туч пробивается жёлтый солнечный свет. Силуэты людей в стране мёртвых сливаются в единую серую массу, ведь всё это лишь тени живших когда-то.

Герои, находящиеся с этой стороны стены, лишены, как и в большинстве других иллюстраций цикла, индивидуальных портретных черт, они показаны со спины и скорее указывают на того или иного героя, нежели изображают его. Мир по эту стороны стены выделяется ярким колоритом: зелёная трава, разноцветная одежда персонажей и красный дракон. Облик дракона немного иной, чем в предыдущих иллюстрациях цикла, где эти существа неизменно изображались в виде величественных мифологических чудовищ, что выражалось в первую очередь в декоративности их облика. В данном рисунке дракон обретает антропоморфные черты: чудовище сидит на задних лапах, сложив крылья и склонив голову, и наблюдает за тем, что же происходит по ту сторону стены. Красный дракон является ярким цветовым пятном, доминантой изображения, создающей вместе с тем ощущение напряжения.

3. Рисунки, предваряющие содержание каждого романа, располагаются с ним на одной странице и имеют горизонтальный формат. Художник изображает героев, находящихся в середине их пути и стремящихся всё дальше и дальше. Это Гед, в облике ястреба приближающийся к волшебнику Огиону; Тенар, спешащая с горящим светильником по тёмному коридору лабиринта; Гед и Аррен, плывущие в лодке навстречу дракону; идущие по поляне тётушка Мох и Терру; выходящий из воды в облике выдры волшебник Медра. Для всех этих иллюстраций свойственно сочетание декоративности изображения и внутренней динамики.

4. Иллюстрации по ходу повествования представляют собой изображение ключевых моментов историй — это и коленопреклонённый Гед перед верховным магом Неммерлем во внутреннем дворике школы волшебников, и бой Геда с Тенью, и Ара перед входом в священные подземелья, и безумная красильщица с Лорбанери, и умирающий Огион, и многие другие. Для всех этих рисунков характерно большое количество деталей, подробное и реалистичное изображение пейзажа и интерьеров. Вместе с тем в иллюстрациях отсутствует детальная проработка портретов персонажей, художник делает героев узнаваемыми за счёт нескольких характерных деталей или черт, предоставляя в то же время зрителю возможность дополнить образ в соответствии со своим собственным видением.

Таким образом следует отметить различие подходов Чарлза Весса к каждому типу иллюстраций. Если рисунки, расположенные на страницах с заглавиями, представляют собой символические образы, в художественном строе которых преобладает декоративный элемент, то в цветных иллюстрациях и рисунках по ходу повествования преобладает реалистический принцип изображения.

Иллюстрация на форзаце книги объединяет в себе центральные образы всего цикла и является воплощением не только ключевых событий произведения, но и его философской концепции. Две части рисунка объединены в целое пространство с помощью узора, создаваемого изгибающимися и пенящимися волнами. Справа от зрителя изображены главные герои — Гед и Тенар, держащая в высоко поднятой руке восстановленное кольцо Эррет-Акбе, стоят у подножия вздыбленной кольцом волны. Морские воды переходят в земную твердь, на которой высится один из островов Земноморья — высокий холм или гора в центре острова, густые заросли лесов и прибрежный город. Слева — бушующее среди голых скал море, в котором виднеется противостоящая бурным волнам парусная лодка с одиноким человеком, а в вышине — кружащиеся в потоках ветра величественные и могущественные драконы. Самый большой красный дракон является цветовой доминантой изображения, а кольцеобразный изгиб его туловища повторяется в окружности волны вокруг Геда и Тенар. Обе части равноценны и уравновешивают друг друга: огромный яркий дракон среди серых волн и скал с одной стороны и детально проработанные изображения героев на фоне моря и острова, решённых в зелёно-голубой гамме, с другой. Всё это соответствует философской концепции цикла, в основе которой лежит понятие баланса противоположных стихий и сущностей (земли и воды, света и тьмы, и т. д.), а также объединяет в единое целое мир человека, созданный им на внутренних островах, и мир драконов, являющихся воплощением безграничной свободы и мудрости. В книге «Техану» описывается веер старого ткача Фана, на котором с одной стороны изображены драконы, с другой — люди, а если поднести веер к свету, то можно было увидеть «обе стороны одновременно … горные вершины стали крылаты, а драконы смотрели с рисунка человеческими глазами» [2, с.493]. На рисунке похожий эффект неразрывного единства двух частей изображения (мира драконов и мира людей) создаётся благодаря колориту и сложному рисунку повторяющихся и перекликающихся друг с другом округлых линий, в то время как ассиметричность композиции создаёт ощущение движения. Эта внутренняя динамика, совмещение в рисунке сюжетов из разных произведений цикла (совмещение различных временных пластов) и присутствие лейтмотивных образов книг о Земноморье (драконы, горы и рощи, мерцающие в небе звёзды, плывущая по волнам Зоркая) способствуют ощущению цикличности времени. В предисловии к «Сказаниям Земноморья» Урсула Ле Гуин пишет от том, что люди «всегда стремятся душою к некоемому постоянству, к чему-то незыблемому, неизменному. Мы обожаем старинные предания именно благодаря их неизменности… Так что люди, в сущности, стремятся в царство фантазии

именно в поисках стабильности, в поисках неизменнных древних истин, ясности и простоты.» [2, с.589] Чарлзу Вессу удаётся в своих работах воплотить образ мира, живущего в мифологическом измерении, создать впечатление постоянно и бесконечно разворачивающейся истории.

Художник строит рассматриваемую серию иллюстраций в соответствии с философской проблематикой литературного первоисточника, что делает их стилистику отличной от других его произведений. Для фэнтези Урсулы Ле Гуин характерна ярко выраженная этическая проблематика, а волшебство и магия ставятся в зависимость от законов, управляющих миром. Мифологические черты вторичного мира обуславливают обращение художника при выборе средств выражения к стилям и направлениям, имеющим сходные философские основы.

В целом на формирование стиля Чарлза Весса огромное влияние оказало творчество таких художников, как Артур Рэкхем, принадлежавший к школе викторианской волшебной живописи (Victorian Fairy painting) [3], для которой характерна опора на сказочную стилистику, Альфонс Муха и другие [4]. Для произведений же Урсулы Ле Гуин характерна предельная минимализация сказочной условности, писательница конструирует фэнтезийный мир, живущий по законам реального, пользующийся мифологическим мировоззрением. В цикле о Земноморье нет развитой системы фэнтезийных рас, а единственные фантастические существа, действующие в нём, — это драконы. Фэнтези Урсулы Ле Гуин характеризуются наличием нескольких уровней прочтения и несут значительную философскую нагрузку. Следуя за спецификой литературного источника, Чарлз Весс при создании иллюстраций опирается не на традиции сказочной, волшебной живописи, а использует приёмы тех стилей и направлений, для которых характерна символичность и условность художественного языка. Живописный образ в этом случае представляет одновременно и конкретное изображение героя или события, и некий обобщающий символ.

В цикле иллюстраций Чарлза Весса к книгам о Земноморье можно отметить использование художником принципов и приёмов таких стилей и направлений, как японская живопись, постимпрессионизм (особенно творчество П.Гогена) и модерн.

Обращение к японскому искусству обусловлено в первую очередь совпадением философской концепции цикла Урсулы Ле Гуин и древних представлений японцев о целостности мира, родстве и равноправии живой и неживой природы, существовании противоположных начал, противопоставленных и единых одновременно, лежащих в основе всего существующего и обеспечивающих сохранение и развитие жизни.

Стремление соединить в образе единичное и всеобщее, конкретное и вневременное, выражается в использовании различных приёмов, в результате чего каждая композиция является одновременно динамичной и статичной, замкнутой и открытой. Чарлз Весс активно использует приёмы японской живописи при создании образов драконов, а также при изображении морской стихии.

Близкой художественному строю цикла о Земноморье оказывается и живопись модерна, стремящаяся к высокой символичности языка и подражанию природным, растительным формам.

Таким образом можно говорить о том, что Чарлз Весс, основываясь на философско-эстетической концепции произведения Урсулы Ле Гуин, создаёт в своих работах уникальный визуальный образ мира Земноморья.

В качестве **характерных черт** рассматриваемого цикла иллюстаций можно выделить следующие:

- Высокая доля условности и символичности. Иллюстрируя то или иное событие, художник изображает конкретный эпизод, который легко можно узнать по некоторым характерным деталям. Но в то же время это не только то, что произошло с конкретным человеком в определённый момент времени в прошлом, но также и некий символ. Событие приобретает характер вневременного явления, которое может совершаться не единожды. Высокая степень условности характерна в первую очередь для изображений людей: герои не имеют характерных, запоминающихся черт лица, переходящих из рисунка в рисунок. Узнаваемыми персонажей делает композиция иллюстрации, легко читаемый эпизод, изображённый на ней, а не черты лица персонажа. Часто герои изображены со спины или в профиль, показаны на фоне могучей природы и представляют собой крошечные фигурки, схематические изображения, не имеющие каких бы то ни было индивидуальных отличий. Это является скорее указанием на того или иного персонажа, нежели его портретом.

- Художник строит как правило асимметричные композиции, но в то же время они не создают ощущения динамики, напротив, время в них как бы замирает и фигуры персонажей, выполняющих какие-либо действия, и причудливо изогнутых в полёте драконов складываются в витиеватый орнамент. Условность, схематичность изображения людей, орнаментальность и декоративность постоянно напоминают о том, что перед зрителем не зарисовка с натуры, а иллюстрация к книге, говорят о подчинённости изображения тексту.

- В то время как образы людей даны достаточно схематично и скорее указывают на персонажа, выхватывая некоторые сущностные черты, а не стремясь

создать подробный реалистичный портрет, пейзаж прописывается художником необычайно скурпулёзно. Весс уделает огромное внимание изображению мира Земноморья, прорисовке различных мелких деталей, будь то растения в лесах Гонта или черепица на крышах домов. Эта тщательность создаёт полнокровный, наполненный подробностями и деталями мир Земноморья.

➢ Ведущими образами, переходящими из рисунка в рисунок, являются драконы, воплощающие мудрость и свободу, и деревья. Изображение деревьев сочетает в себе реалистическую проработку деталей с декоративностью контуров и линий, в результате чего дерево представляет собой не просто объект растительного мира, мира природы, но всегда соотностится с образом мирового древа, центра мироздания, включающего в себя весь мир.

Таким образом, анализ иллюстраций, созданных Чарльзом Вессом для рассматриваемого издания, позволяет говорить о том, что в данном цикле работ художник, исходя из философско-эстетических принципов литературного первоисточника, создаёт уникальный визуальный образ Земноморья. Отходя от обычно используемой при иллюстрации фэнтези сказочной условности, образа романтизированного средневековья, Весс опирается на традиции таких стилей и направлений, как японская живопись, постимпрессионизм и модерн. В результате мир Земноморья в иллюстрациях Чарлза Весса приобретает не сказочное, а мифологическое измерение, что несомненно соответствует концепции, созданной Урсулой Ле Гуин, и расширяет границы визуального образа фэнтези.

Список литературы

1. Moher, A. Art of SFF: Charles Vess on working with Ursula Le Guin on The Books of Earthsea [Электронный ресурс]. URL:. https://www.tor.com/2018/11/09/art-of-sff-charles-vess-on-working-with-ursula-le-guin-on-the-books-of-earthsea/ (Дата обращения: 03.05.2020)
2. Ле Гуин, У. Книги Земноморья: романы, повесть, рассказы, эссе / Урсула Ле Гуин; пер. с англ. И.Тогоевой. – СПб.:Азбука, 2020. – 1088 с.: ил. + вкл. (14с.)
3. Кирюхина, Е. М. Эволюция викторианской сказочной живописи от Ричарда Дадда к Беатрикс Поттер// Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского— 2012.— № 3 (1).— С. 410—416.
4. Green man press. The art of Charles Vess: [Электронный ресурс]. URL: https://greenmanpress.com/about-charles-vess/ (Дата обращения: 02.05.2020)

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.19

Особенности медиапотребления цифрового поколения

Фарахшина Ольга Минирахмановна
доцент кафедры журналистики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), РФ, г. Ростов-на-Дону
farakhshina@inbox.ru

Features of media consumption by digital generation

Farakhshina Olga Minirakhmanovna
Associate professor of Journalism department
Rostov State University of Economics (RINH), Russia, Rostov-on-Don

Аннотация. В данной статье исследуются особенности медиапотребления цифрового поколения Ростовской области. Проведен анализ медиапредпочтений молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет. В работе выявлены способы потребления информации, основные источники, целевые установки и тематические предпочтения молодых жителей Ростовской области.

Ключевые слова: медиапотребление, аудиторные предпочтения, медиасоциология, цифровое поколение, аудитория медиа

Abstract. This article examines the features of media consumption of the digital generation of the Don region. We carried out the analysis of the media preferences of young people aged 18 to 24. The paper identifies the methods of information consumption, the main sources, targets and thematic preferences of young residents of the Rostov region.

Keywords: media consumption, audience preferences, media sociology, digital generation, media audience

Начиная со второй половины XX века, наблюдается усложнение медиаструктуры: с каждым годом медийное пространство становилось все более загруженным, до аудитории все сложнее было «достучаться». Из-за сложившейся конкуренции на рынке СМИ медиакомпании стали испытывать потребность в объективных знаниях о своей аудитории, ее привычках и поведении. Но сложность заключается еще и в том, что сама аудитория меняется не менее стремительно, чем медиа [1]. Меняется само медиапотребление, как отмечает А. Амзин, мы являемся свидетелями «глобального поколенческого сдвига», выражающегося в ежегодном приросте времени цифрового потребления [2]. Согласно данным «Левада-центр» за апрель 2019 года 62% населения страны ежедневно выходит в интернет, из этого числа самыми активными интернет-пользователями являются молодые люди в возрасте 18-24 лет (96%) [3]. Данная возрастная группа – представители поколения Z, или «цифровые островитяне», родившиеся в конце 1990-х – эачале 2000-х годов [4].

Цифровое поколение отличается способностью взаимодействовать со средствами информации в многозадачном режиме: они могут в один момент времени пользоваться несколькими коммуникационными технологиями и работать с несколькими разнородными потоками информации, передающимися за счет одной технологии. Многозадачность, в свою очередь порождает положительные и отрицательные эффекты медиапотребления. К первым относят контроль, эффективность, увлеченность и ассимиляция, ко вторым – неэффективность, хаос, отсутствие заинтересованности, зависимость [7].

Особенности медиапотребления данной аудиторной группы становится предметом изучения аналитиков и исследователей медиа, потому что необходимо вырабатывать универсальный алгоритм взаимодействия с новым поколением читателей, зрителей, слушателей [5, 6].

Исходя из вышесказанного, мы решили проследить, как выглядит медиапотребление представителей поколения Z, проживающих в Ростовской области. Для этого провели анонимный опрос среди 150 молодых людей Ростовской области в возрасте от 18 до 24 лет по заранее подготовленной анкете (18 вопросов, часть из которых имела множественный выбор). В опросе приняли участие 75 девушек и 75 юношей, 38,7% из которых учатся, 28% работают, 30% работают и учатся, а 3,3% не работают и не учатся. Это жители городов – Ростова-на-Дону, Таганрога, Новочеркасска, Волгодонска, Морозовска.

88% опрошенных в качестве основного источника информации указали интернет, что соответствует общероссийским показателям. Абсолютное большинство респондентов использует мобильный интернет и выходит в Сеть со смартфонов (92%).

Из интернет-источников, предоставляющих информацию, молодежь чаще всего выбирает ленту в социальных сетях, новостные агрегаторы и сайты газет и журналов (подробнее на рис. 1).

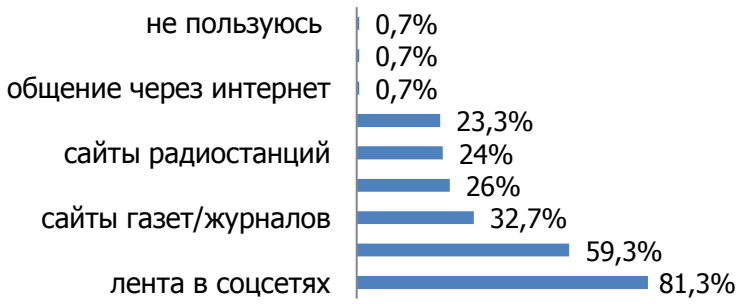

Рисунок 1. Информационные интернет-источники цифрового поколения Ростовской области (РО)

Стоит отметить, что к СМИ в интернете представители молодого поколения Ростовской области прибегают регулярно: 45,3% – ежедневно, 24,7% – несколько раз в неделю, 13,3% – один раз в неделю, 8,7% – меньше одного раза в неделю, 8% – не читают, не смотрят СМИ в интернете. Информацию из медиаканалов молодежь использует для самообразования (68,7%), просвещения (68%), развлечения (60%), общения (34,7%), учебы (32,7%), работы (24%). Отметим, что респонденты разделили понятия «самообразование», «просвещение», «учеба». К первому отнесли информацию, связанную со сферой их профессиональных интересов и предполагаемой карьерой (не всегда совпадает с профилем получаемого образования). К категории «просвещение» отнесли информацию, связанную с расширением кругозора и культурной парадигмы. Наконец, «информация для учебы» имеет прямое отношение к выполнению учебных заданий (рефераты, доклады, курсовые и исследовательские проекты).

На вопрос о влиянии СМИ на жизнь людей 76,7% опрошенных сказали, что они помогают узнавать о происходящих в мире событиях. 51,3% ответили, что СМИ обеспечивают взаимодействие различных групп общества. 50,7% респондентов отметили, что СМИ помогают упорядочить и проанализировать происходящие в мире события и ориентироваться в «море информации». 38% считают, что СМИ – это идеальная возможность рекламирования товаров и услуг. По мнению 23,3% респондентов, СМИ служат только для развлечения. Также респонденты отвечали, что СМИ способствуют «разжиганию» конфликтов (0,7%), предоставляют информацию деловым людям (0,7%). И только 0,7% не используют СМИ как источник информации вообще.

Среди тем, которые более всего интересуют представителей цифрового поколения Ростовской области, оказались вопросы образования, трудоустройства, политики и развлекательный контент (рис. 2).

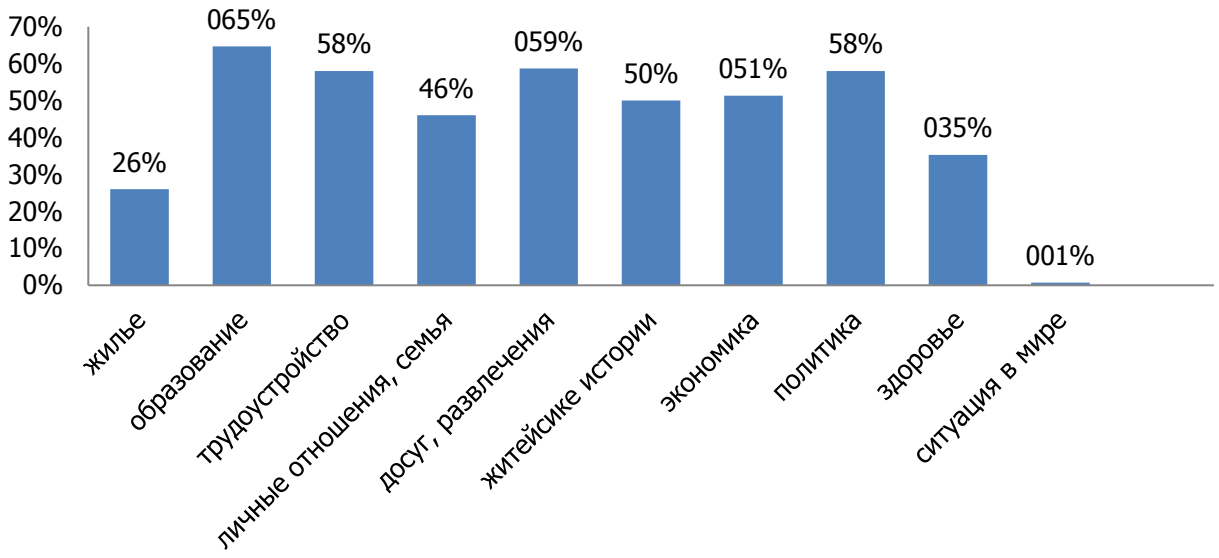

Рисунок 2. Темы СМИ, актуальные для цифрового поколения РО

К основным недостаткам современных медиа опрошенные относят избыток рекламы (68,7%), отсутствие нужной информации (48%), недостоверность информации (37,3%) и непрофессионализм медиаканалов (18%).

Медиа, к которым чаще всего обращаются представители поколения Z, по их мнению, не хватает конкурсов, аналитики, сенсационной информации и качественного визуального сопровождения (рис. 3).

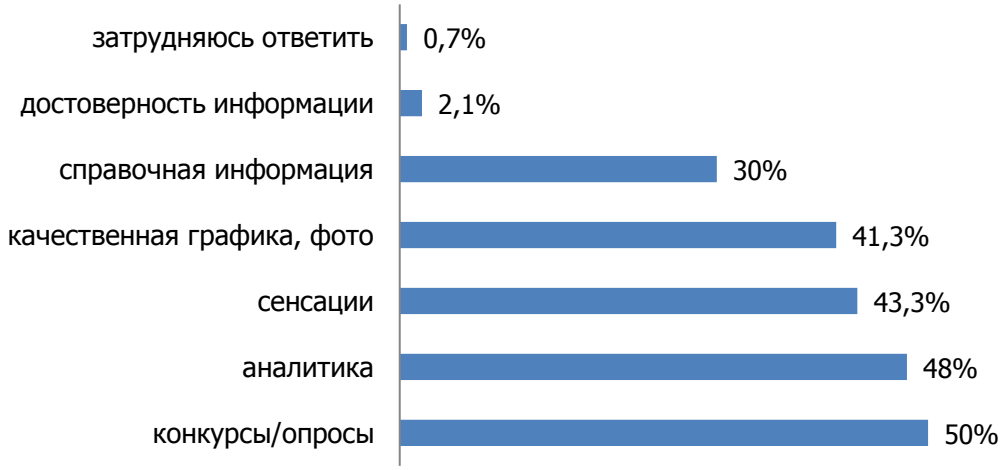

Рисунок 3. Чего не хватает современным медиа (по мнению цифрового поколения РО)

Таким образом, мы видим, что молодежь городов Ростовской области активно пользуется интернетом как основным источником информации, при этом обращается к мобильным устройствам, которые использует многоканально (поиск информации, коммуникация, взаимодействие с окружающим миром). В качестве основного источника информации молодежь Ростовской области, как и по всей России,

использует ленты в социальных сетях и новостные агрегаторы. Но при этом почти половина респондентов обращаются к СМИ в интернете практически ежедневно. Основные цели медиапотребления молодых горожан Ростовской области – саморазвитие, просвещение и развлечения. Среди наиболее интересующих донскую молодежь тем встречаются не только традиционные вопросы образования, трудоустройства, досуга, но и вопросы политики. Также наблюдается явная двойственность в запросах данной аудиторной группы: с одной стороны им не хватает сенсационного и развлекательного контента, что соответствует интересам аудитории, а с другой стороны, аналитической, комментирующей информации, которая бы позволила собрать воедино картину действительности (это уже потребности данной аудитории). Потребность в комментирующей информации коррелирует с желанием цифрового поколения устранить информационный хаос, как отрицательный эффект многозадачного медиапотребления.

В целом медиапотребление донской молодежи мало чем отличается от общероссийских тенденций. Однако внимание молодых жителей Ростовской области в возрасте от 18 до 24 лет к вопросам политики и потребность в аналитическом контенте является интересной особенностью медиапотребления данной аудиторной группы, выявленной в результате исследования.

Список литературы

1. Лосева Н. Аудитория новых медиа // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. / под науч. ред. С.Балмаевой, М.Лукиной. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2016. Режим доступа: https://clck.ru/PqMzw (дата обращения: 20.07.2020).
2. Амзин А. Особенности медиапотребления // Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016. / под науч. ред. С.Балмаевой, М.Лукиной. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2016. Режим доступа: https://clck.ru/PqN5D (дата обращения: 20.07.2020).
3. Волков Д., Гончаров С. Российский медиа-ландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети // Аналитический отчет. Режим доступа: https://clck.ru/PqND5 (дата обращения: 20.07.2020).
4. Аникина М.Е., Ермошкина Т.А., Искаков Д.З., Кобзев М.В. и др. Восприятие длинных текстов поколением «цифровых островитян» // Медиаскоп. 2016. Вып. 1. Режим доступа: http://mediascope.ru/?q=node/2089 (дата обращения: 20.07.2020).
5. Вьюгина Д.М. Особенности медиапотребления цифрового поколения России // Медиаскоп. 2017. Вып. 4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2386 (дата обращения: 20.07.2020).
6. Дунас Д.В., Толоконникова А.В., Черевко Т.С. Наблюдение за потреблением информационного контента студентами факультета журналистики МГУ // Медиаскоп. 2018. Вып. 4. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/2483 (дата обращения: 20.07.2020). DOI: 10.30547/mediascope.4.2018.1.

7. Bardhi F., Rohm A.J., Sultan F. Tuning in and tuning out: Media multitasking among young consumers // Journal of Consumer Behaviour. Volume 9 (4). July-August, 2010. USA: John Wiley & Sons, Ltd. P. 316-332. DOI: 10.1002/cb.

Международный научно-практический журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№ 07 (63), 2020

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru

ISSN 2412-8953

Подписано в печать 10.08.2020
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 7,6. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru